

61  
Ш 49  
598149

И. А. Шергинъ.

# „Богатства сѣвера“

(Зырянскій край).

Путевыя замѣтки, очерки и  
разсказы.

Цѣна 75 коп.

Москва—1908.

к 97

РФ





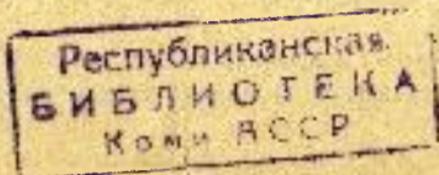


72  
86  
И. А. Шергинъ.

# „Богатства сѣвера“

(Зырянскій край).

398149  
Путевыя замѣтки, очерки и  
разсказы



21805

МОСКВА.

Тип. „Печатное Дѣло“, бывш. Ф. Я. Бурче. Тверск. бул., д. Яголкинского.

Въ предлагаемыхъ очеркахъ я постараюсь представить въ краткихъ словахъ, приподнять завѣсу таинственности, скрывающую доселѣ никѣмъ неописанный и основательно неизслѣдованный зырянскій міръ, затерявшійся въ обширныхъ пространствахъ сѣвера, гдѣ нерѣдко одинокіе островки деревушки, отдѣленные одинъ отъ другого десятками и даже сотнями верстъ лѣсной чащи, живутъ своими вѣрованіями и обычаями, даже говорятъ на своемъ нарѣчьи, подчасъ мало понятномъ сосѣдней деревушкѣ, словно хвойная чаща оградила эти крохотные островки жизни отъ отъ всякихъ вліяній.

Зыряне населяютъ Яренскій и Устьсольскій уѣзды Вологодской губ. и Печерскій Архангельской, гдѣ ихъ насчитывается около 170—180 т. жителей, изъ коихъ двѣ трети ютятся по берегамъ рѣки Вычегды и ея притокамъ: Выми, Пожогу, Сысолѣ и Вишерѣ, составляющимъ самую крупную вѣтвь сѣверо-Двинской системы.

Рѣдкія деревушки, едва замѣтныя въ безбрежномъ хвойномъ морѣ, кое-когда виднѣются на прибережныхъ холмахъ Вычегды; но селенія попадаются еще рѣже, какъ только выѣзжаешь въ пространства, орошаемыя бассейнами рѣкъ Мезени и Печоры.

Здѣсь сплошь и рядомъ одну деревушку отъ другой отдѣляютъ на сотню верстъ и болѣе дремучіе волока. Эти именно волока и заключаютъ ту китайскую стѣну, что отгораживаетъ каждый муравейникъ въ особый мірокъ.

Здѣсь вы встрѣтите фізіономіи съ отпечаткомъ какой-то финско-монгольской расы: порой на широкоску-

ломъ лицѣ мелькають круглыя глазки, а на овальномъ узкія щелочки.

Случайный туристъ наблюдатель, побывавшій въ край полвѣка назадъ, отмѣтитъ первымъ долгомъ отсутствіе умноженія населенія: тѣ-же одинокія деревушки торчатъ на береговыхъ верхушкахъ, сохраняющія въ большинствѣ тѣ-же названія, что и пять вѣковъ назадъ, когда впервые раздался въ странѣ полуночный благовѣстъ христіанства и отсюда, принимая во вниманіе научныя изслѣдованія, доказывающія какъ дважды два невозможность обращенія земель сѣвера подъ полевою культуру, построить незыблемое заключеніе, что дальнѣйшему увеличенію населенія поставлены естественныя предѣлы, примѣрно какъ разведенію винограда въ тундрѣ.

Однако такое заключеніе будетъ плодомъ поверхностныхъ наблюденій, какъ большинство нашихъ изслѣдованій, сдѣланныхъ изъ изящныхъ каютъ пароходовъ сѣвернаго общества.

Но если-бы онъ потрудился пристальнѣе взглядѣться въ неизмѣримую глубь края, въ этотъ непочатый кладъ естественныхъ богатствъ, то сгорѣлъ бы отъ стыда за свое поспѣшное заключеніе, наглядно убѣдился бы, что ограниченіе разведенія хлѣбныхъ растеній предѣлами Сольвычѣгодскаго уѣзда, есть не болѣе какъ плодъ ученыхъ изслѣдованій, ибо въ дѣйствительности хлѣбъ прекрасно родится даже на Ижмѣ-Печорѣ, спасаясь отъ губельныхъ заморозковъ созданныхъ доужей фантазіей; онъ во-очію убѣдился бы, что на пространствѣ полмилліона квадр. верстъ, гдѣ теперь на переѣздѣ отъ одного муравейника къ другому надъ терять многіе дни, можно свободно размѣстить два-три милліона душъ; что если использовать рационально лѣсныя богатства, только осину, березу, которыя цѣликомъ пропадаютъ въ лѣсахъ, не находя полезнаго употребленія, такъ какъ зыряне березовыми дровами

избы не топятъ, а въ послѣдніе годы перестали использовать березу и на лучину, то потребовались бы сотни тысячъ рукъ для переработки этого матеріала въ цѣнные издѣлія, не говоря о томъ населеніи, которое нужно, чтобы обратить дикую почву подъ поля, луга, сороды, не считая тѣхъ рукъ, которые нужны для эксплуатаціи богатствъ нѣдра лежащихъ подъ спудомъ нашей лѣни и невѣжества.

Тѣмъ не менѣе при наличности описанныхъ богатствъ, въ настоящее время, добрая половина взрослога населенія Устьсысольскаго уѣзда вынуждена пріискивать источникъ существованія на отхожемъ промыслѣ, спасаясь отъ голода бѣгствомъ на горные заводы за Уралъ, гдѣ занимается распилкой дровъ, уходя партіями осенью по первопутку за 1000 верстъ пѣшкомъ съ двухъудовыми котомками за плечами и возвращаясь домой къ полевымъ работамъ съ 20—30 рублями въ карманѣ, уцѣлѣвшимъ отъ мучительно труднаго заработка цѣлой половины, а то и двухъ третей года.

Какъ это могло случиться, что люди бѣгутъ какъ отъ чумы изъ страны благословенной, отъ „непечатой окривлицы богатствъ“, предоставленной въ распоряженіи нѣсколькихъ десятковъ иностранцевъ-лѣсопромышленниковъ, которые, снимая сливки края, жирѣютъ на удобренной древесной почвѣ истока Двины.

Какъ это случилось, что жители золотосной коквицкой горы, у подножія которой стоятъ вѣковые лѣса, чудные луга, богатѣйшіе промыслы, представляющіе безграничный просторъ личной предприимчивости и облагораживающему человѣка труду, плодороднѣйшей горы, набжавшей еще не давно избытками хлѣба мѣстности наиболѣе нуждающіяся въ насущномъ, горы, гдѣ рожь при хорошемъ удобреніи и обработкѣ родится самъ 20, а нынѣ коквицкіе мужики съ открытіемъ навигаціи живутъ имъ плотамъ въ Архангельскѣ на легкій заработокъ, взваливая пахать поля на бабьи плечи, на 5-10

дворовъ одна коровенка послѣдніе и прозываются „десятидворцами“ многимъ земля стала въ невыносимую обузу, которую коквицкіе граждане охотно сваливаютъ славая въ аренду или изъ половины урожая... По возвращеніи съ плотовъ начинается разгулъ, воровство надъ благословенной горой не умолкаетъ ни днемъ вночью белзмыолсенная частушка. Осенью пропивъ урожай, многіе расползаются по деревнямъ просить подаліе Христовымъ именемъ!..

Какимъ образомъ этотъ цвѣтокъ фабрично-городскоцивилизациі разцвѣлъ въ странѣ полуночной свѣжести въ тѣни вѣковыхъ сосенъ, лиственницъ гигантовъ, въ атмосферѣ здоровой смолистой прохлады, среди условий исполненныхъ поэзіи красоты, гдѣ казалось бы трудъ долженъ сложиться въ потребность жизни, гдѣ нѣтъ и тѣни помѣщичьяго гнета и капитализма этотъ уродливого пережитка, составляющаго переходную ступень въ царство социализма, за который нынче съ жаромъ ухватились „все сознательные элементы“ начиная отъ славныхъ потомковъ рюриковичей до поповича семинариста, все Степочки и Митрофанушки съ оттопыренными ушами, благородные отпрыски дѣйствительныхъ статскихъ и тайныхъ, что такъ плачевно погрузили государственный корабль Россіи.

Вотъ на эти именно болѣзненно звучіе вопросы я постараюсь дать простые, ясные отвѣты, полученные изъ личныхъ наблюденій реальной жизни края.

Еслибы предложить перечисленные вопросы нашему ученому, то вѣроятно онъ нырнулъ бы въ такую пучину научной премудрости, что у свѣжаго человѣка по выраженію моего знакомаго семинариста, скоро начинаютъ прыгать въ глазахъ красные шарики и окончательно парализуется познавательная способность.

Поэтому я считаю первымъ долгомъ по мѣрѣ возможности дать наглядную картину, неуклонно слѣдующую въ началѣ поставленному условію.

## „Зырянскій край“.

Не богата красками сѣверная природа. Не ласкають взоръ наблюдателя однообразныя виды на фонѣ вѣчно скучнаго, вѣчно плакущаго ельника, распутивнаго свои страшныя юосмы.

Однако и здѣсь встрѣчаются уголки, гдѣ природа явила образцы художественнаго генія словно бросивъ по какому то непостижимому забытью среди болотъ и дебрей въ царство дремучаго ельника тонкія изваянія нѣжныя очертанія холмовъ, коимъ мѣсто казалось-бы въ ароматѣ вѣчной зелени и цвѣтовъ.

Сквозь дремучую чащу сосенъ и елей серебрится, описывая причудливыя зигзаги рѣка Вычегда съ ея многочисленными притоками, составляющая единственный путь, прорѣзывающій необъятный хвойный океанъ.

Кое кдѣ попадетя крохотный муравейникъ, едва замѣтный островокъ жизни, образовавшійся на береговой верхушкѣ или въ какой-нибудь низинѣ многоводной артеріи сѣвера, вьющейся на цѣлую тысячу верстъ.

Въ глубокую старину, пять вѣковъ назадъ первое зырянское поселеніе было деревня Пырась, нынѣшній Котласъ, на берегу малой Двины при слияніи ея съ Вычегдой образующихъ Сѣверную Двину.

Отсюда осенью 1379 года Св. Стефанъ началъ про-свѣщать зырянъ свѣтомъ христіанской культуры. До сихъ поръ въ народѣ живы преданія объ апостоль-

скихъ трудахъ святителя, исполненныя благоговѣйнаго трепета. Не легко было сѣять небесныя истины среди дикаго, буйнаго финскаго племени зырянъ, не знавшихъ узъ родства и братства.

Какой то исполинской, чисто сказочной силой вѣять отъ этихъ преданій, словно воскрешающихъ изъ глубины вѣковъ величавый образъ святителя.

Во всѣ притоки Вычегды св. Стефанъ заходилъ на лодкѣ большей частью одинъ, самъ управляя шестомъ. Однажды идя въ лодкѣ вверхъ по Выми онъ увидалъ огромнаго медвѣдя, сидящаго на пнѣ...

Не разъ онъ строжайше запрещалъ зырянамъ ѣсть мышей, кошекъ, бѣлку.

Возвращаясь въ Устьвымъ святитель сдѣлалъ оставку въ одной деревушкѣ, гдѣ толпа зырянъ встрѣтила его словами: „Степане, Степане, мы и кошекъ и бѣлку опять ѣдимъ...”

Вотъ и укрѣпляйте тутъ начала высшей вѣры! Невольно преклоняешься передъ этимъ памятникомъ древняго мужества.

Теперь въ Котласѣ не услышите зырянскаго звука, а зырянскія населенія начнутся съ первой станціи отъ гор. Яренска дер. Межогъ.

Тѣмъ не менѣе нельзя сказать, чтобы социальный прогрессъ сдѣлалъ сколько нибудь крупный успѣхъ: зачастую здѣсь до сего времени сохраняются во всей чистотѣ та же система хозяйства, тѣ же порядки и обычаи, что и пять вѣковъ назадъ.

22 версты выше Котласа на лѣвомъ берегу Вычегды стоитъ гор. Сольвычегодскъ, гдѣ нѣкогда процвѣтало соляное дѣло. Нынѣ отъ богатѣйшаго промысла сохранились лишь развалины варницъ да кучка старинныхъ церквей; въ городѣ говорятъ еще о минувшемъ величии.

Первый крупный притокъ Вычегды—р. Вилягда, впадающая 35 верстъ выше Сольвычегодска. Мѣстность

эта искони славится льноводствомъ. Здѣсь культивируется знаменитый высокими качествами лень-стланецъ, росяной мочки.

Лень сѣется на подсѣкахъ. Вырубается лѣсъ, а спустя два—три года, когда срубленный лѣсъ подсохнетъ „подсѣка“ выжигается и засѣвается льномъ.

Затѣмъ по снятіи льна на „подсѣку“ навозятъ дрова, снова выжигая и засѣвая льномъ. Потомъ „подсѣку“ бросаютъ. Дюпотонная, хлопотливая система.

Чувствуется жгучая потребность перехода кълевой культурѣ, но какъ это сдѣлать?

Не только въ губернскомъ, а часто и въ уѣздныхъ городахъ есть ученые агрономы, устраивающіе всевозможные опыты на своихъ фермахъ, аккуратно, каждый день минута въ минуту агрономъ является на ферму, а зимой дѣлается обработка выводовъ и наблюдений, трудъ высоко интеллектуальный, составляются томы исследованийъ, но у насъ уже какъ то такъ сложилось искони, что всякое начинаніе, всякое нововведеніе, ученые люди до такой поры примѣняютъ да испытуютъ пока оно не сдѣлается буквально устарѣлымъ.

„Лѣшакъ-ли въ нихъ,“ негодуютъ Вилягодцы. Чиновное сѣмя. Пришелъ бы, заглянулъ въ деревню, изучилъ почву, указалъ какъ и чѣмъ удобрять и въ пять лѣтъ разорительной системѣ была бы торжественно прощѣта „вѣчная память“, но нынче до-тоголь ходятъ какъ шуты ряженые съ красными тряпками на палкахъ „чиновники всѣмъ бѣдамъ бѣда“, да вы сами то кто?

Экая вѣдь окаменѣлость этотъ Сольвычегодскій мужикъ! Сколько ни тормозили его „сознательные товарищи“ коими здѣсь хоть прудъ пруди, а онъ все свою цѣсню, уцѣпившись неуклюжими лапищами въ землю такъ крѣпко, какъ столѣтній дубъ, пережившій всѣ социальныя бури и движенія.

Собственно говоря Вилягда еще непчатой край пре-

красные покосы, лѣса, заготовка которыхъ началась еще сравнительно недавно, давая заработка отъ 5 до 7 руб. въ день на двухъ рабочихъ съ лошадыю. Коровъ держатъ исправные мужики по 7-8. Можно сказать это одинъ изъ цвѣтушихъ уголковъ нашего сѣвера.

Дальше вверхъ по Вычегдѣ правый ея берегъ, начиная съ Усть-Вилыгды почти сплошь покрытъ лѣснымъ покровомъ. До села Цилиба-Вожома на пространствѣ ста верстъ ни одной избы! Отъ этого островка села опять на цѣлую слишкомъ сотню верстъ до сѣверной оконечности коквицкой горы разстилается хвойное море, вилнѣются волнистые, чудные увалы, порой живописно опускающіеся къ Вычегдѣ.

Казалось бы въ этихъ зеленѣющихъ пространствахъ утонулъ бы не одинъ уѣздъ, даже не одна губернія, казалось бы въ этихъ вѣковыхъ рощахъ сосенъ, лиственницъ, въ здоровой смолистой прохладѣ, должна быть ключемъ производительная жизнь, должно сложиться сильное физически, мощно духовное и материально племя, на причудливыхъ склонахъ холмовъ, казалось должны живописно лѣниться села, деревни, сверкая куполами храмовъ, зеленѣть огороды, поля, луга, откармливая тучныя стада.

А тутъ представьте на протяженіи 200 верстъ и 50 въ поперечникѣ одно единственное село! сиротливо пріютившееся на какихъ то неуклюжихъ горбыляхъ надъ самой Вычегдой.

Въ настоящее время описанныя земли даютъ государству въ общемъ 6-7 коп. съ десятины годового дохода!

Надо замѣтить, что эти земли находятся въ трехъ дняхъ ѣзды отъ Вологды и въ четырехъ отъ центра страны Москвы, которую плотнымъ кольцомъ стиснули вѣчно голодающія губерніи, страдающія отъ тѣсноты и недостатка земель.

Съ одной стороны миллионы народа погрязли въ нищетѣ, доводящей человѣка порой до моральнаго одичанія, до бунтовъ и грабежей, междуусобной войны, а съ другой плодороднѣйшія земли богатѣйшіе дѣвственные сады, орошаемые многоводной рѣкой, какъ будто напрашиваются подѣ культуру, словно заманивая земледѣльца въ условія нормальной трудовой жизни, гдѣ человѣкъ безконечно облагораживается, совершенствуется, но теперь во истину струсилась въ центрѣ народнаго сознанія какая-то роковая катастрофа и люди растерялись въ раздумьи: „что предпринять? Исползовать ли даромъ гибнущія богатства или околевать съ голода?

Обратите миллионъ десятинъ подѣ пашню. Принимая валовой доходъ одной десятины минимумъ въ 25 руб., то цѣнность земли возрастетъ въ сотни разъ, т. е. миллионъ десятинъ произведетъ цѣнностей на 25 милл. р., вмѣсто нынѣ выручаемыхъ казной 60-70 тыс. руб.. Но если въ Яренскомъ и Устьсысольскомъ уѣздахъ отобрать только самыя лучшія, наудобнѣйшія земли, то найдется такихъ земель покрайней мѣрѣ миллионъвъ пять десятинъ.

Обращеніемъ свободныхъ земель сѣвера подѣ культуру не исчерпываются выгоды государства.

Сотни тысячъ рукъ въ свободное отъ полевыхъ работъ время найдутъ производительное приложеніе. Ежегодно гибнетъ въ лѣсахъ на миллионы осины, березы. Переработайте этотъ матеріалъ въ какія нибудь цѣнные издѣлія; столы, стулья, бочки, корзины. Какой это крупный заработокъ населенію, какое подспорье въ хозяйствѣ? У домашняго очага за своимъ столомъ закипитъ производительная жизнь.

Въ сущности основной причиной народнои нужды является не только малоземелье, но и главнымъ образомъ невозможность использовать рабочую силу въ теченіе доброй половины года.

Теперь бросимъ бѣглый взглядъ на лѣвый берегъ Вычегды. Здѣсь деревушки встрѣчаются чаще, черезъ каждые 15-20 верстъ. Огромные дома въ двѣ избы и горница еще издали imponируютъ достаткомъ, на самомъ дѣлѣ населеніе пробивается впроголодь.

На этомъ удручающемъ фонѣ нужды выдѣляется относительной зажиточностью Ленская волость, гдѣ обширные поемныя луга, зеленѣя, разстилаются верстъ на 15—20 до самой Иртинской горы, живописно выступающей изъ привычегодскихъ низинъ.

Миновавъ Иртинскую гору, снова верстъ на 20 до самага Яренска идутъ поемныя луга, много мелкихъ озеръ и топей, гдѣ скрывается въ чащѣ ельника городъ Яренскъ.

Казалось эта мѣстность предназначена природой быть центромъ земледѣлія и скотоводства, центромъ заводской промышленности края, ибо по р. Яреньгѣ издавна извѣстны залежи каменнаго угля, серебряной руды. Пока однако въ Яренскѣ нѣтъ сносной сапажной мастерской и какъ пробиваются девятьсотъ Яренскихъ душъ въ этой насущной нуждѣ извѣстно одному Богу.

Правда съ развитіемъ освободительнаго движенія сонная Яренская трущоба замѣтно оживилась; сотни полторы горячихъ „освободителей“, высланныхъ сюда для охлажденія, приподняли настроеніе мирнаго муравейника въ духѣ освобожденія.

Мелютъ что-то, будто самъ грозный исправникъ поддался теченію времени и какъ столѣтній дубъ, съ корнемъ вырванный стремительнымъ потокомъ, несется нынче очертя голову къ какимъ то свѣтлымъ миражамъ... а кумушки промежь себя шушукуютъ „а что петъ будетъ“?

Не мало оживляетъ Яренскій горизонтъ чрезвычайно усиленная охрана, составляющая такой внушительный процентъ общаго числа яренскихъ душъ, что передъ численностью ея послѣднія блѣднѣютъ...

Такъ и мелькаютъ въ глазахъ стражники конные и пѣшие, городовые, урядники, окологочные, пристава, помощники исправника и на вершинѣ этого столпотворенія—стыдливо колеблется самъ капитанъ исправникъ...

Опять же и то безъ охраны тутъ не проживешь и дня. „Товарищи“ сейчасъ объявятъ Яренскъ независимой пролетарской республикой или заломятъ министерскіе оклады и придется идти на капитуляцію...

За то ужъ яренское земство проявляетъ такую работоспособность, какой надо поискать на Руси. Шесть почталіоновъ едва едва успѣваютъ развести по уѣзду бумажное производство Управы, летаютъ прямо, что называется, высунувъ языкъ, изъ боязни образованія залежей, которые когда потомъ раскопаешь?!

Все что-то строить да перестраиваютъ, а перестраивать надо рѣшительно все, что бы ни соорудило земство.

Лѣтъ десятокъ назадъ изъ Шежама до Буткана, въ Удорскомъ краѣ, проведена дорога, на которую ухлопано деньжищъ тьма. Впослѣдствіи выяснилось, что дорогу провели не тамъ, гдѣ надо. Вначалѣ яренское начальство посылало въ наказаніе провинившихся чинашей прокатиться по дорожкѣ, а теперь кажется не стало.

Дорогу надо заново перестроить, какъ и недавно проведенная Серегово-Турьинская дорога нуждается то же въ капитальной перестройкѣ.

Словомъ за какое бы дѣло не взялось земство, выходитъ изъ рукъ вонъ плохо, просто хотъ бросай. Съ цѣлью регулировать рыночныя цѣны на хлѣбъ, земство стало заниматься хлѣбной торговлей, а вышло какъ разъ наоборотъ: оно вздуваетъ цѣны. Наприм. чтобы закупить хлѣбъ по возможно дешевой цѣнѣ, нужно производить закупки въ изобилующихъ хлѣбомъ мѣстностяхъ, а нашъ членъ Управы Палещиковъ покупаетъ у своего же конкурента Казель Пашъ, чуть-ли не по двойной цѣнѣ...

Нѣсколько лѣтъ здѣсь существовали ясли-пріюты, открываемые на страдное время. Ясли служили разсадникомъ элементарныхъ правилъ гигиены, правильнаго питанія и ухода за дѣтьми, которыя здѣсь отъ грязи и безъ присмотра мрутъ какъ мухи.

Теперь ясли закрыты, а между тѣмъ земство плодитъ мелкіе синекуры. Напр. изъ Устьвыми до села Палевицы разъ въ недѣлю ѣздитъ земскій почтарь, получая 25 р. въ мѣсяць. Почтарь бываетъ въ разѣздѣ день, два въ недѣлю.

Содержится дорогой техникъ, когда пустяшный ремонтъ грунтовыхъ дорогъ прекрасно сдѣлаетъ простой мужикъ. „Людей нѣтъ“, вотъ какое несчастье тяготѣетъ надъ богатѣйшей страной.

Прежде должность предсѣдателя Управы замѣщалась по назначенію, а нынѣ стряслась перетасовка, но хватъ похватъ некаго избирать, волей неволей скрѣпя сердце пришлось молить прежняго: молъ сдѣлайте Ваше рбодство одолженіе не слагайте съ рамень своихъ бремя земской работы.

Ну и сжалился: человекъ—не камень.

За то кто бы и кто бы не попалъ въ этотъ омутъ, быстро растворяется. Даже такой упругій не ассимилирующійся элементъ, какъ еврей, теряютъ свои націоналистическіе оттѣнки. Недавно приняли православіе два доктора—еврея, а сколько расплавилось поляковъ, армянъ и подумать страшно. Недаромъ народная фантазія создала около яренскихъ трущобъ цѣлый рой страшныхъ легендъ, которыя приводятъ въ боязненный трепетъ не только суевѣрныхъ гражданъ, но и самого исправника.

Слѣдующая станція 20 верстъ выше Яренска деревня „Межогъ“, первое зырянское поселеніе.

Отсюда на протяженіе 20 верстъ до села Жешертъ Гамъ въ лѣвомъ берегѣ Вычегды таятся залежи желѣзняка.

Около десяти лѣтъ назадъ для эксплуатаціи этихъ богатствъ было образовано какое-то франко-бельгійское общество; но почему то предпріятіе не осуществилось, а гамскія руды, какъ и яренскія ждутъ предпринимателей или вѣрнѣе изслѣдователей, такъ какъ эти залежи основательно не изслѣдованы хотя здѣсь проходило тѣмъ „ученыхъ экспедиціи“, но нельзя сказать, чтобы мы стали лучше знать край и богатства, а скорѣе наоборотъ, если заглянуть въ „ученые труды“, то окажется, что и рѣки зачастую текутъ не туда, куда слѣдуетъ, а слова „неисчерпаемая сокровищница богатствъ“ суть туманъ, прикрывающій ученую лѣнь и невѣжество.

Напр. въ Котласѣ въ транспортной конторѣ Пермь Котласской дороги, я видѣлъ кусокъ руды или вѣрнѣе самородокъ—слитокъ, содержащій 70—75% чистаго металла, тогда какъ обыкновенная руда заключаетъ 33—35%.

Откуда вы достали этотъ кусокъ, спросилъ я завѣдующаго конторой.

„Намъ принесъ мужикъ, сказавъ, „что у насъ ево горы“, но откуда онъ и гдѣ досталъ слитокъ, служащіе конторы не догадались распросить,—отвѣтилъ завѣдующій, надо полагать изъ ближайшихъ окрестностей.

А ужъ здѣсь ли не проходили наши изслѣдователи? Въѣзжая въ Зырянскій край изъ глубины темной невѣжественной Россіи каждый испытываетъ то благопріятное впечатлѣніе: будто попали вы не въ зырянскую глушь, а счастливую страну, пресыщенную благами культуры, гдѣ образованіе, источникъ знанія доступенъ каждому примѣрно, какъ воздухъ.

Въ селѣ Жешертъ „образцовая земская школа“, десять верстъ дальше въ селѣ Гамъ—двухклассное училище, прекрасное зданіе, выстроенное на средства министерства по всѣмъ правиламъ гигіены, сдѣлавъ переездъ до слѣдующей станціи Айкино—Шежамъ—здѣсь

къ услугамъ жаждущихъ знаній богатое технической ремесленное училище\*), содержимое на средства министерства и двѣ церковно-приходскія школы, переѣхавъ еще одну станцію, село Устьвымъ—опять двухклассное училище, содержимое на средства Святѣйшаго Синода и т. д. Даже въ глухихъ незначительныхъ деревушкахъ возводятся многотысячныя зданія, напр., д. Кошки на Выми, Ипатово на Пожогѣ и др.

Слѣдуетъ пояснить, школа функционируетъ здѣсь 20—30 лѣтъ и казалось бы должна принести свой облагораживающій плодъ.

И представьте о ужасъ! Тамъ гдѣ прошла радужная тѣнь школьной сѣти красивыхъ зданій, „образцовыхъ разсадниковъ культуры“ получаютъ мрачные оттѣнки, словно молодое поколѣнiе прикоснулось не къ источнику жизненныхъ знаній, развивающихъ умъ, энергію, предприимчивость, укрѣпляющихъ любовь къ труду и усовершенствованію хозяйства, а къ какому то источнику враждебной силы, столкнувшей молодое поколѣнiе съ вѣковыхъ устоевъ культуры.

Нынче лѣтомъ мнѣ случилось переѣхать рѣку Вычегду, противъ села Устьвымъ въ самую страду.

Было около 4 час. дня. Чудная погода, ясное прозрачное какъ лазурь небо, легкій вѣтерокъ обдастъ васъ пріятной прохладой: откуда то изъ глубины дѣв-

---

\*) Айкинская техническо-ремеслен. школа существуетъ 6-ой годъ. Постройка зданія обошлась въ 17 тыс. руб. и ежегодное содержаніе учителей и др. расходы составл. около 8 тыс. руб. Такимъ образомъ школа уже поглотила 65 тыс. руб., выпустивъ всего на всего 5 учениковъ, изъ коихъ только двое дѣлають сноснаыя лопаты! Правда всѣ ученики, окончившіе школу, мастерять столы, стулья и съ виду не дурно. Однако труды ихъ суть карточные домики. Вообще, чтобы сдѣлаться ему настоящимъ мастеромъ своего дѣла, нужна еще хорошая школа. Вотъ почему мужики, вѣроятно скоро вовсе перестанутъ посылать ребятъ въ Айкинскую школу.

ственныхъ садовъ, несется волна аромата душистыхъ травъ и цвѣтовъ, заливая освѣжающей нѣгой.

Партія крестьянъ усаживается въ карбасъ, слѣдомъ за ней догоняя пестрѣтъ на лугу другая партія. Это Устьвымскіе мужики возвращались съ покоса.

По обхожденію, чистотѣ русской рѣчи, устьвымчане скорѣе интеллигенты, но ни тѣни сходства съ лѣсовикомъ—зырянникомъ, что малюютъ въ олеографіяхъ.

Въ старину въ такую пору мужика не оторвешь отъ работы; ушедшаго среди дня сосѣди осмѣяли бы, но теперь другія вѣянія, молодежь уже давно „отреклась отъ стараго міра“, доводя трудъ до пріятной физиологической потребности, о которой еще только мечтаютъ „товарищи“.

Граждане страны полуночной! вамъ бы на свободное положеніе, чѣмъ возиться съ косами, да серпами, замѣтилъ я.

„Не за многимъ дѣло“, улыбнулся молодой парень съ чуть пробивающимся пушкомъ бородеи, отгѣняющей здоровое красивое лицо, густой каймой.

„Настоящій рентьеръ-съ, фыркнулъ онъ, толкнувъ рукой рядомъ сидѣвшаго бородача въ красной рубахѣ, съ бойкими плутовски-сверкающими глазами.

„Съ 17-го октября отряхнулъ земельный прахъ, а самъ айда батрачить! Такъ вольготнѣй въдѣи птицы небесныя не сѣютъ, не жнутъ...“

„Вотъ съ Ухтой, что-то опять заминка, а то откройся дѣло пожалуй вся Устьвымъ хлынетъ на отлетъ, пояснилъ мой собесѣдникъ.

Но теперь я оставляю Устьвымъ, куда дней черезъ пять шесть снова вернусь, а пока надо что есть мочи спѣшить на праздникъ „Кирика и Улиты“ въ село Коквицы, на ту благословенную гору, что виднѣется съ Устьвыми выступающей изъ за вычегодскихъ лѣсовъ, огромной грядой, огибаемой Вычегдой.

Отъ ~~подножія~~ горы, до села Коквицы вы вздымаетесь

398149

на едва замѣтный уклонъ около трехъ верстѣ, но какъ только достигли верхушки, уклонъ замѣтно начинаетъ опускаться къ Вычегдѣ, ровно, безъ крутиковъ и обрывовъ.

Лучшей мѣстности по удобству, плодородію почвы и красотѣ кажется нигдѣ и не найдешь; но едва вы вошли въ село, какъ иллюзія исчезаетъ: передъ вами на половину не вершенные дома, наскоро покрытые тесомъ, словно въ самый моментъ строительства стряслась какая-то катастрофа и люди побросали дѣло не оконченнымъ.

Однако какъ я ни спѣшилъ, но пришелъ въ Коквицы въ самую обѣдню и здѣсь увидѣлъ то, что ужъ никакъ не предполагалъ видѣть какъ реальный фактъ.

Нѣсколько въ сторонкѣ отъ храма ярко пылалъ огромный кастеръ, на которомъ мужики варили телятъ, овецъ и барановъ... Скоро мясо было вынуто изъ котловъ и разрѣзано на куски. По окончаніи обѣдни Батюшка освятилъ жертву, а освященные куски зыряне уносили по домамъ.

Ну думаю, это остатокъ язычества, сохранившійся въ коквицкой глуши по забытью, а скоро въ праздничномъ угарѣ и самъ забылъ о „жертвахъ“.

Да и какъ тутъ не забыть: передъ вами проносятся одна другой любопытнѣе картины.

Населенная часть коквицкой горы составляетъ въ длину верстѣ 15 и въ поперечникѣ версты 3—4 или около 5 т. дес. Это сплошная пашня, гдѣ нѣтъ клочка негодной земли. На всей горѣ насчитывается 250 дворовъ, т. е. въ общемъ придетсядесятинъ по 20 одной пашни на дворъ. Какъ выше сказано при хорошемъ удобреніи и обработкѣ хлѣбъ родился здѣсь самъ 20! Это скажетъ вамъ каждый старожилъ. Теперь изъ 5000 дес. придется исключить часть земли, занятой развалинами домами, растянувшимися на всемъ пространствѣ золотонной горы, какъ жалкія заплаты на дорогомъ обла-

чени. Но уменьшимъ размѣръ полей до 10 десятинъ на дворъ. Казалось бы при этомъ плодородіи почвы развѣ могло быть здѣсь мѣсто нуждѣ? А какіе покосы?

Посмотрите какъ процвѣтаютъ коквицкіе граждане, обитатели счастливой горы, у подножія которой разстилаются безконечные лѣса и луга.

И при такихъ то богатствахъ люди идутъ просить займы картофеля, вымаливаютъ чашку грибовъ на праздникъ, да на что лучше когда къ сосѣду идутъ за вѣникомъ! а о художествахъ коквицкихъ воровъ, лучше всѣхъ знаютъ Устюжскіе купцы. Собралъ коквицкій земледѣлецъ—кой какой урожай съ плохо вспаханной и неудобренной земли—пропилъ, а самъ айда побираться по ярмаркамъ... За то поглядѣть любо, какъ коквицкіе франты разгуливаютъ на праздникѣ Кирика и Улиты: шляпа а la Пушкинъ, усы а la Вильгельмъ!.. Спусти два три дня послѣ праздника нѣкоторые изъ гражданъ переходятъ за Вычегду, гдѣ другой рубить березу цѣнностью рублей въ десять, съ которой снимаетъ бересту на лапти, стоящія въ лучшемъ случаѣ пятакъ! а затѣмъ древесина пропадаетъ въ лѣсу.

Говорятъ, что сама благословенная гора является источникомъ несчастья. Я это не могу утверждать, но пусть читатель самъ доискивается причинъ матеріальнаго и моральнаго развала, а перенесусь въ село Палевицы, такъ какъ на носу праздникъ „Ильи Пророка“ 20-го іюля.

Если ѣхать отсюда по бору до Палевиць будетъ версть 18, а по Вычегдѣ и всѣ 35, такъ какъ въ этомъ мѣстѣ капризная рѣка дѣлаетъ уму непостижимые зигзаги.

Воспользовавшись прямымъ сообщеніемъ, я добрался въ Палевицы за долго до начала обѣдни, т. е. въ самый моментъ когда мужики, заколовъ цѣлаго быка рѣзали тушу животнаго на части, причемъ задняя нога или по нашему „толстый филей“ унесена „попе“ въ не-

варенномъ видѣ, а остальная часть готовилась къ варкѣ на давно уже разведенныхъ кострахъ.

Ежеминутно появлялись новыя жертвы въ видѣ овецъ, барановъ, коихъ ловили безъ разбора прямо изъ стада, что не вызывало никакого протеста со стороны владѣльцевъ, ибо по убѣжденію зырянъ—это угодная Богу жертва. Шкуры животныхъ уносились снова „попе“, а мясо варили на кострахъ.

Тѣмъ временемъ въ церковной оградѣ уже ожидали бочки пива, а скоро рядомъ съ ними очутились щи и мясо.

По окончаніи обѣдни батюшка освятилъ жертвы и началась тутъ же всеобщая трапеза, при чемъ слабый полъ вовсе не допускался въ ограду, вѣроятно какъ недостойный, потому что на самомъ дѣлѣ, кто же былъ причиной грѣхопаденія, какъ не женщина?

Въ сущности самъ по себѣ обычай этотъ безвреденъ, а „попе“ даже выгоденъ. Я говорю безвреденъ, ибо быки, бараны, телята для того и созданы, чтобы варить и жарить; но меня сильно смущаетъ праздничная канитель, которая растягивается „попами“ на пространствѣ цѣлой недѣли и больше.

При всемъ усердіи въ одинъ—два дня не обойдешь со славой нѣсколько деревень. И вотъ начинается хожденіе: сегодня въ одну деревушку, завтра въ другую и т. д.

Будь хоть золотая пора мужикъ не смѣетъ отлучиться изъ дому подъ страхомъ заслужить гнѣвъ, „попы“, который раздражается часто изъ за недоданнаго пятака въ тяжкое суровое наказаніе въ видѣ недопущенія въ храмъ неисправнаго должника... а судите сами что значить такое „отлученіе для вѣрующаго человѣка.

И вотъ „отлученный“ стремится всѣми силами возвратить милость „попы“, вымаливаетъ, какъ средневѣковой король у подножія трона намѣстника св. Петра, но „попа“ остается до тѣхъ поръ неумолимымъ, пока не явится на столѣ вычегодская стерлядь.

Такъ мало-по-малу день за днемъ въ теченіе безконечной праздничной канители люди втягиваются въ прокъ бражничества, пьянства, лѣни, и на этихъ устояхъ долго-ли продержится, хошъ образцовое хозяйство при какихъ угодно земляхъ, лѣсахъ, лугахъ и водахъ.

Да и мудренно тутъ удержаться на ногахъ, когда, напр. коквицкій гражданинъ круглую зимушку дуется въ карты, проигрывая послѣдній пудъ муки, занимается ярморочными художествами, а пришла весна на легкой заработокъ на плотяхъ въ Архангельскъ, взваливая хозяйство на бабьи плечи, а возвратился домой на носу „Кирикъ в Улита“, „Илья Пророкъ“, Пантелеймонъ мученикъ и пр. имена ихъ Ты же Господи, вѣси.

Скоро я оставилъ Палевицы. На этотъ разъ мнѣ пришлось ѣхать въ лодкѣ. Уже давно исчезла Палевицкая гора, давно мой челнокъ лавируетъ среди песчаныхъ отмелей व्यюномъ व्यющейся Вычегды, но въ головѣ воскресаютъ пережитыя картины: сборъ „рыбниковъ и голушекъ“ хождение „со славой“ гнѣвъ „попы“ изъ за неполновѣснаго пирога, ярко пылающіе костры, на которыхъ безощадно жарятся кроткія невинныя животныя, языческое жертвоприношеніе. Только шляпа а-ла Пушкинъ, да усы а-ла Вильгельмъ коквицкихъ франтовъ и удерживаютъ отъ представленія, когда на этихъ холмахъ разгуливала въ звѣриныхъ шкурахъ допотопная чудь.

Вотъ мы обогнули и коквицкую гряду, а скоро за сверкали и куполы Устьвымскихъ храмовъ.

Вечерѣло, когда я вошелъ въ „Владычный городокъ Устьвымъ“, какъ нѣкогда называлась бывшая резиденція св. Стефана, просвѣтителя зырянъ.

Остановиться мнѣ пришлось какъ разъ противъ церкви Благовѣщенія.

Шель уже одиннадцатый часъ вечера. Внезапно раздался ударъ колокола, а спустя минуту съ обѣихъ колоколенъ неся оглушительный звонъ.

Какъ разъ подъ окнами моей комнаты мужичекъ чинилъ соху. Услыхавъ звонъ, онъ набожно перекрестился и словно пораженный неожиданностью тревоги долго и пристально вглядывался по всѣмъ направленіямъ пока наконецъ не остановился, какъ вкопанный на одной точкѣ.

Скоро на почтовомъ трактѣ показался безконечный поѣздъ.

Впереди поѣзда горцоваль на конѣ тучный урядникъ, несчастный съ трудомъ сдерживаль духъ, порывавшійся оставить его земную брэнность.

Вслѣдъ за представителемъ полицейской власти въ облакѣ пыли бѣшено скакали тьмы коней, влекшихъ колесницы устюжскаго архипастыря.

Сзади поѣзда неся на особой колесницѣ, влекомый тройкой водоныхъ, лихой исправникъ, сверкая направо и налево молніеноснымъ взоромъ, что многоопытный штурманъ, лавирующій средь подводныхъ скалъ и мелей.

Поѣздъ прогремѣлъ мимо оконъ и скрылся подъ горой у церковнаго дома.

„Корошо аркереемъ быть“, проговорилъ мужичекъ, чинившій соху, почесывая мягкое мѣсто чуть чуть пониже поясицы.

По дорогѣ протрусили нѣсколько бабъ, дѣвокъ и парней, поправляя на лету несложный туалетъ. Скоро и мужикъ мой, уставивъ соху на колышки отошелъ въ сторонку, принимая наблюдательную позу.

Мало-по-малу однако встревоженный муравейникъ угмонился; прохрюкала свинья, почесываясь о колышки, на которыхъ покоилась соха, грохнулось о земь нехитрое орудіе земледѣльца, изъ окна высунулась лохматая борода и, громко „маткнувшись“ на глупое животное, исчезла.

Подъ горой прозвенѣли колокольчики, прокричалъ чей-то хриплый голосъ, а въ отвѣтъ зазвучали мирные голоса пѣтуховъ старательно отмѣчающіе полночный часъ.

Среди ночи поднялась новая тревога. Загудѣлъ съ невообразимой силой потрясающій звонъ, будто возвѣщавшій полямъ, лугамъ, холмамъ и дремучимъ лѣсамъ съ населяющей ихъ тварью о какомъ то чрезвычайномъ событіи, о которомъ не слыхивалъ свѣтъ съ первыхъ дней мірозданія!

Наскоро набросивъ на плечи пальто, я вылетѣлъ на улицу съ цѣлью разузнать причину переполоха. У церковнаго дома шла неопикуемая суматоха, толпились кучки сонныхъ зѣвакъ у возбужденныхъ тревогою табуновъ коней.

По поводу того впрячь-ли подъ „Владыку“ каряго Ваньки Моськина или чалаго Стеньки Тренькина, возгорѣлся лютый конфликтъ. Удалые ямщики уже было засучивали рукава, чтобы рѣшить споръ единоборствомъ, но чей-то властный голосъ, раздавшійся, какъ громовой раскатъ, предупредилъ кровопролитіе.

Все на свѣтѣ само собой образуется, улеглась и суматоха у церковнаго дома, только колокольный звонъ гремѣлъ съ плщимъ ожесточеніемъ, точно призывавшій къ бодроствованію все живое.

По тракту снова растянулся длинный поѣздъ и скоро скрылся въ туманной дали дороги столбовой.

Лишь колокольный гулъ еще долго разносился подъ сводами полярной ночи, окутывавшей неизмѣримыя пространства сѣвера бѣлымъ покровомъ. Добравшись до постели измученный походной жизнью я уже хотѣлъ было забыться, убаюканный надеждой, что больше никто и ничто не потревожитъ, но увы и ахъ лучше бы никогда не повторялась эта ненавистная ночь!

Только успѣли промелькнуть въ головѣ моей прожитыя картины дня, какъ звуки рѣзкіе, полные гнѣва и раздраженія, всполошили все.

Сквозь прозрачную дымку утра, висѣвшую бѣлой пеленой надъ измученнымъ селомъ, ярко выдѣлялись два силуэта: куцый мужиченко въ сѣромъ армякѣ, подпо-

ясанный алымъ кушакомъ, трепеталь передъ грозной тѣнью въ рясѣ, которая казалось росла сгущаясь въ темную тучу, скрывшую съ головой сѣрый армякъ съ алымъ кушакомъ...

„Владыку жалобой задумаль беспокоить? горячилась ряса. Что? чья взяла? Въ пирогъ вмѣсто рыбы рѣдку закаталь, а за угломъ хи, хи хамово племя распотобѣстія, архинадувало! Хотѣль разстригой сдѣлать, а на-же вотъ Владыко благочиніемъ рукоположилъ, приказаль воспринять новое бремя церковнаго управленія, ибо по книжной канцелярской части храма узрѣль об-разъ трудолюбія“.

„Вскую мя отринулъ еси отъ лица Твоего свѣтъ не заходимый“, пронеслись звуки заштатнаго дьячка, мелькнувшего сквозь узоры желѣзной рѣшетки церковной ограды.

Ряса все еще гремѣла. Наконецъ на истерзанное село опустились миръ и благоволеніе.

Пробудившись утромъ глазамъ моимъ первымъ дѣломъ представилась неожиданная картина: на краешкѣ стула боязливо лѣпился куцый мужиченко, подпоясанный алымъ кушакомъ.

„Я къ вамъ“, заговорилъ пришедшій, безпокойно за-ѣздивъ на стулѣ словно вмѣсто сидѣнья кто-то подложилъ ему горячихъ углей.

Въ чемъ дѣло?

„Да вишь стряслось пренакостное дѣло, можно сказать „политика“, дьячкоѣ батькѣ козла подсунулъ: соорудилъ значить это съ дьячихой-то агроматный рыбникъ, прикрасивъ такъ что просто хошь министру на столъ ставъ.“

Потомъ взялъ да и метнулъ въ общую гору, что скопляется на праздникъ изъ даяній прихожанъ. При дѣлежкѣ то выходитъ батько первымъ дѣломъ и ухватился за рыбникъ: не знаю ужъ толкомъ по ошибкѣ или по натурѣ, а тутъ глядь поглядъ замѣсто рыбы рѣдка!

„Такъ вотъ таперича батько-то окрысился на меня. Намеднись пришелъ въ церковь, а онъ около меня ребромъ, ребромъ, потомъ хватъ кадило и давай выкуривать, какъ оглашеннаго...

Но тутъ жалобу мужика прервала фигура въ рясѣ, вошедшая въ мою комнату. Легкія чуть; чуть пробивающіяся бакинбарды придавали молодому лицу пріятный оттѣнокъ задушевности и искренности.

„Валерій Каплинъ,“ проговорилъ молодой человѣкъ, подходя къ столу и вынимая изъ кармана бутылъ съ казенной.

Прошедъ многотрудную стезю леквенціи, вступивши за прагъ философіи, сирѣчь любомудрія совратися съ пути истины къ источнику сердцебѣснующаго напитка, за что еще въ бурсѣ многожды биенъ бѣ вервиемъ по бедрамъ, батажемъ по чресламъ, дланію по ланитамъ отъ смиренныя десницы префекта, такожде заплеваніемъ въ зракъ и заушеніемъ отъ презуса сугубо истязуемъ бѣ аки многолютый и необузданный вепрь. Въ субботу сыропустныя седмицы въ вертроградѣ нѣкоего виночершія, поѣмше тамо лѣпоруннаго овна, взѣмъ его блѣяша на рамена своя и принесоша въ крѣпкостѣнное зданіе бурсы и тамо предаде закланію, за что презусы, префекты человѣколюбно изгнали мя, Валерія Каплина, аки нѣкое зловоненіе.

Однакожде я, Валерій Каплинъ, проникнувшись еще въ бурсѣ невѣріемъ, вступаю на путь церковно-служенія и пріиму санъ священства нынѣ обѣщанный высокопреосвященѣйшимъ Владыкой какъ мѣсто злачное и обильное благами зѣло, обогатиша отца моего Іоанна, обрѣвшаго въ шесть лѣтъ мзду въ девять тыщць сребренниковъ, oprичъ всякія явства галушки тучныя и добрододныя“.

Хожденіе по праздникамъ отняло много времени, а между тѣмъ мнѣ нужно было какъ можно скорѣе ѣхать въ Устьсысольскъ, но въ виду того, что 9 верстъ не

доѣзжая Устьсыольска на Вычегдѣ образовались отмели, затруднявшія движенію пароходовъ, то я рѣшилъ ѣхать на лошадяхъ почтовымъ трактомъ, что составить отъ Устьвыми до Устьсыольска семьдесятъ верстъ.

Меня уже давно ожидала лихая пара. Покойно устроившись въ удобномъ тарантасѣ и убаюкиваемый звонкомъ колокольчика, навѣвавшего сладкую дрему, я уже хотѣлъ заснуть, какъ внезапная остановка и энергичные крики ямщика, разсѣяли мой покой.

Оказалось мы подъѣхали къ перевозу черезъ р. Вымь при впаденіи ея въ Вычегду. Вымь въ устьенѣ-сколько разъ въ теченіе лѣта мѣняетъ свое главное русло, изрѣзавъ такими узорами сыпучіе пески, что нужны большой навыкъ и много усилій, чтобы добраться на неуклюжей перевознѣ противоположнаго берега.

Въ крошечной избушкѣ, что торчитъ на берегу Выми царилъ невообразимый гамъ. Изъ едва замѣтныхъ отверстій окошечекъ вырывались потокомъ звуки, сливавшіеся въ какой то нестройный гулъ, въ коемъ можно было разобрать собачій лай и бычій басъ гремѣвшій въ лачугѣ, словно въ ней, какъ въ ковчегѣ Ноя, заключены попарно всѣ „чистые и нечистые, которые нынче вели между собой ожесточенную грызню.

Показался на берегъ высокій старецъ и, окинувъ взглядомъ мой тарантасъ, исчезъ въ избушкѣ, а черезъ минуту медленно, нехотя потянулись гуськомъ къ перевознѣ полдесятка зипуновъ, на которые безпощадное время наложило такіе цвѣта и оттѣнки, что трудно гдѣ либо и отыскать.

„И днемъ и ночью мотаемся отъ одного берега къ другому. Чуть причалилъ, айда назадъ. Такъ и въешься вьюномъ, а какъ прилежъ на минутку такъ и кружатся въ глазахъ: становой, бабка, стражникъ. Еще дай Богъ здоровье докторъ почитай не ѣздитъ, осѣлъ основательно: даже ежели кто придетъ и съ большою нуждой ужъ не тронется. Откружилъ лѣто получай 29.

Только вотъ что праздничнымъ дѣломъ и душу отвелешь: пропьешь рупь—два да и шумишь тутъ надъ Вымью, матькаючись. Жисть, одно слово плерода.

„Дюже становой донимаетъ. Другу пору разъ полдесятка за день слетаетъ за рѣку, чтобы узнать на мѣстѣ-ли Коквицкая гора!

„Ахъ въ ротъ те ногами! Совсѣмъ изъ виду: вѣдь въ Палевицкомъ омутѣ стерлядка водится, а я протурилъ партію въ Чундукересь. Начальство надъ головой а у меня не у шубы рукавъ: ни стерлядки, ни яицъ, ни семги, хошь волкомъ вой.

„Эй вы камлотники! не причаливай къ берегу перевозни, поворачивай перевозню назадъ. Стенька, Тренька живзо!

„Вѣришь ли ину пору сойдешь съ перевозни, а земля такъ колесомъ и „вертится“, ну и задираешь ноги выше естества, что карабкаешься на Синай...

„Въ эти годы стали обновлять строй, ну и туряты сюды партіями одно начальство за другимъ, одно знатнѣе другаго. И то не шутовое дѣло обновляться! Только надо бы начинать „сверховъ“, городить такъ городить за ново.

„Скажемъ топерь изъ Питера иль откуда тамъ прилетитъ стафетъ, что молъ въ такомъ то мѣсяцѣ, по такой то линіи пронесется такое то свѣтило и въ среднемъ теченіи Вычегды опишетъ такую то „дугу“. Глядишь здѣся ужъ крутитъ, вьетъ, какъ ураганъ на сѣнокосѣ, вздымая копыны.

„Веснусь въ Серегово гонецъ прискакалъ усталый, измучимшись, мчался сломя голову при „звѣздахъ и лунѣ“ съ приказаніемъ натопить „баню“ для каково-то превосходительства. Сереговцы дня три нажаривали и все напаривались, чтобъ значить очищенными войти въ новую жисть. Сказываютъ одна только „эспедиція“ влетѣла казнѣ тысячъ тридцать, а во что вскочило все то обновленіе?

„Пиры, вина, балы, рѣчи облагѣ народушка православново, а тутъ чуть не полгода кружишься и отсыплють безъ рубля тридцать на день то выйдетъ пожалуй меньше двугривеннаго.

Инда такъ подведеть, что вѣтеркомъ пошатываетъ, только вотъ „картошка“ и выручаетъ: ей набьешь пузо, ну и ходишь Бонапартъ Бонапартомъ, а послѣ голову такая дурь накроеть, что городишь не знамо что... закончилъ перевозчикъ.

Не смотря на большое пространство, отдѣляющее одинъ берегъ отъ другого и тѣ зигзаги, гдѣ приходилось лавировать „перевознѣ“, врученное мною перевозчикамъ на „чай“ ускорило переправу.

„Э-эхъ ёлочки зелены, крикнулъ мой возница, вздымаясь на берегъ. И мы безъ конца вѣемъ ту же канитель, словоохотливо заговорилъ онъ. И наша, какъ говорится жисть хошь въ могилу ложись. Вона деревня Ибская, что притулилась на горкѣ, взмахнулъ онъ кнутомъ влѣво. Недавно мужикъ руку самъ на себя наложилъ. Хлѣба мало, заработковъ нѣту, маячилъ, маячилъ мужикъ, а потомъ ребятишекъ и бабу побираться выслалъ, озлоблѣ и на себя и на всѣхъ: хотѣлъ жену и птенчиковъ своихъ удушить, но а бѣсъ то повернулъ ружье на себя и грохъ пулю въ лобъ. Знамо ужъ ежели человѣку подошла такая линія, то онъ не воленъ. И то сказать наша душа только свирѣпѣеть въ злобѣ, а теплаго христіанскаго слова не услышитъ, ни откуда. Хоть онъ и смертельно ранилъ себя, а все-таки еще жилъ сутки. Приѣзжалъ слѣдователь. Грить не винишь ли ково? Нѣтъ грить, самъ. Опять же и то сказать чуть человѣкъ свихнулся, околъ ево ужъ орудетъ нечистая сила, особливо въ нашемъ болотѣ. Глянулъ въ окно ель, вышелъ на дворъ ель да сосна, хошь не смотри. А ежели чуть-чуть не благословясь углубился въ лѣсъ такъ и закрутитъ окаянная, такъ и завьеть, глядя ужъ затесался въ такую чашу, что ни въ

задъ ни впередъ, что козьи рога, ни изъ мѣшка, ни въ мѣшокъ. Ономясь со мной такое навожденіе было, что за дворомъ чуть не полсутки плуталь, какъ въ водоворотѣ хожу кругомъ да около. Оморошенное пространство... И сколь ты не руби и не пали, а особливо эта ель ползеть и въ ширь и въ высъ...

Но вѣдь живутъ же и здѣсь?

„Какъ нѣтъ, только исправныхъ мало, развѣ кто охотники, да вотъ еще буди что бревна дѣлають, а то такъ почитай что нѣту.

Мы какъ разъ подъѣзжали къ станціи Вогваздино.

„Вотъ отсюда, взмахнулъ мой рассказчикъ снова кнутомъ влѣво, анжинеры дорогу хотятъ налаживать до самой Ухты, нынче ушли разузнавать. Куды-късь петь выйдуть—нѣтъ? Потому тутъ самое что ни на есь кромѣшное мѣсто. Сколь ни проходило народушку, а взадъ ни души: все разнесетъ, какъ дымъ по вѣтру...

Въ правой сторонѣ изъ за почтовой конторы вздымались черные клубы дыма, окутывая копотью деревушку „Боръ“, приютившуюся у самой пристани на берегу Вычегды.

Изъ окрестныхъ селеній бѣжали въ припрыжку ребяташки, перескакивая черезъ изгороди и исчезая въ волнахъ колосившейся ржи.

На завычегодскихъ лугахъ тоже господствовало возбужденіе; дѣвки, бабы, парни наскоро побросавъ уборку сѣна трусили по направленію къ „Бору“.

Оказывается къ пристани подъѣхалъ пароходъ, доставившій кажется помощника начальника землеустройствомъ; скоро пароходъ окружила усиленная охрана, устранявшая всякій доступъ „постороннихъ лицъ“.

Ибскіе, Ероздинскіе мужики, нагруженные земельными нуждами за два столѣтія, приплелись доложить о нихъ высокому начальству, но ихъ желанія остались желаніями; даже самъ г. Альбертини, довѣренный князя Мещерскаго издателя, „Гражданина“ и будущаго монопо-

листа ухтенской нефти, имѣлъ надобность получить какіе то „директивы“ и высказать свои воззрѣнія относительно экономическо-промышленныхъ перспективъ на Ухтѣ — Печорѣ, которыя онъ изучилъ насквозь, но и тотъ былъ безбожно отторгнутъ.

Разведя пары, пытая и выбрасывая волны копоти, пароходъ готовъ былъ ежеминутно скрыться изъ виду, однако въ такомъ состояніи прошло часа два, ибо какъ потомъ выяснилось шло совѣщаніе изъ созвѣздія чиновъ, окружавшихъ „свѣтило“ касательно пути, такъ какъ здѣсь открывался Вымско-Вычегодскій водораздѣлъ, а для пользы дѣла было все равно куда бы ни ѣхать или даже безъ всякаго ущерба повернуть оглобли, но тѣмъ не менѣе маршрутъ нужно было сдѣлать, то возникло крупное разногласіе какимъ путемъ удобнѣе ѣхать.

„Ваше балародіе, съ яйцами заминка! пробравшись сквозь толпу и еле переводя духъ, скозырялъ станочному мужиченку въ коричневой поддевкѣ изъ чертовой кожи“. „Куры не кладутся“ во всей деревнѣ пять—шесть куръ, а вона въ этой только—двѣ Гришѣ Ваныха вчерася унесла десятокъ въ Устьвымѣ, были еще у Акульки Тыриной, но котъ всѣ выпилъ“...

Не успѣлъ его благородіе выслушать печальную вѣсть, какъ на голову его обрушилось другое несчастье, которое стряслось съ устройствомъ „арки“ въ Коквицахъ, откуда только что пришелъ посыльный съ извѣстіемъ, что все шло хорошо „ворота“ соорудили на славу, обили кумачемъ и ужъ Ванька Пѣтуховъ вскарабкался на верхушку пристраивать „двуголовую птицу“, какъ вдругъ хрясь—насилу откачали ничего дышетъ только рука „болтаца“ отшибло. А Ваше Благородіе арка вышла куды те котласская, та выцвѣмши здорово“...

Дѣйствительно по всей Вычегдѣ, подѣвзжая къ пристани бросаются въ глаза „ворота“, сооруженныя для вѣзда начальствующихъ, но котласская арка надъ

всѣми арками—арка, это прямо цѣлое сооруженіе, даже можно сказать триумфальныя ворота; но бѣда однако въ томъ что побѣды ровно никокой, скорѣе наоборотъ, вездѣ и всюду упадокъ и разлаженіе; подъ бдительнымъ контролемъ властей развиваются глубокіе соціальныя недуги, не смотря на окружающія богатства люди кончаютъ жизнь самоубійствомъ, не находя пропитанія.

Порой начальничьи экскурсіи сопровождаются забавными эпизодами. Напр. экспедиція мѣстнаго губернатора, взволновала весь дремучій сѣверъ отъ западнаго склона Урала до истока Двины и отъ твердынь Спасо-каменскихъ до полярнаго океана, все поднялось, ободрилось надеждой.

Въ селѣ Сереговѣ на Выми была устроена арка, украшенная гирляндами цвѣтовъ. Старшина преподнесъ чудный „тортъ“, а батюшка запалилъ въ церкви всѣ паникадила, даже было намѣреніе грянуть въ колокола, но кто то остановилъ.

Съ тѣхъ поръ какъ Коперникъ доказалъ „земли вращеніе“, съ періодичностью время года повторяется движеніе духовныхъ и гражданскихъ властей. Казалось бы можно было установить правильный діагнозъ соціально-экономическихъ невзгодъ жизни.

Ну съ а попробуйте разспросить:

„Ваши Превосходительства! не откажите объяснить какимъ путемъ люди дошли до нищеты, доводящей до отчаянія, толкающей на самоубійство у самой сокровищницы богатствъ цѣнности неизмѣримой? Почему ослабли тѣ пружины власти, тѣ общественно-воспитательныя органы, что должны служить двигателемъ культурно-экономическаго прогресса?“

„Гмм“, пожмутъ плечья превосходительства „наши поѣздки имѣютъ специально государственныя цѣли“.

На самомъ дѣлѣ державный Петербургъ съ бумажно-канцелярскихъ высотъ видитъ въ поѣздкахъ сановниковъ панацею, могущественный импульсъ къ разрѣшенію основныхъ проблемъ жизни.

Теперь попробуйте доложить: обширнѣйшія пространства сѣвера, орошаемыя бассейнами рѣкъ Печоры, Мезени и С. Двины, представляютъ непочатой край лѣсныхъ, земельныхъ и догатовъ нѣдра. До сей поры край этотъ почти неизслѣдованъ, если не считать экскурсіи чиновниковъ и „ученыхъ“, производившихъ „исслѣдованія“ въ лайковыхъ ботинкахъ изъ изящныхъ каютъ. Мы не только достовѣрно не знаемъ сколько тамъ земель, годныхъ подъ полевую культуру, но можетъ быть скоро очутимся лицомъ къ лицу съ самой страшной опасностью истребленія лѣсовъ, ибо лѣсное хозяйство громко вопіетъ о коренныхъ улучшеніяхъ; дачи не устроены, дѣятельность лѣсничихъ развиваетъ хищничество, взяточничество. По этому не лучше ли послать рабочую партію, а не „звѣздоносныхъ изслѣдователей“, которая бы не побоялась заглянуть въ неизмѣримую глубь края, которая нарисовала бы намъ реальную картину его богатствъ, сколько тамъ осталось цѣнныхъ лѣсовъ, такъ какъ ведя хозяйство въ темную мы скоро рискуемъ остаться при одномъ расколотомъ корытѣ.

„Надо быть круглымъ невѣждой относительно ресурсовъ казны, чтобы требовать новыхъ жертвъ на снаряженіе партіи“, возрожать охранители государственной казны.

Но какъ только жизнь выдвинетъ какую нибудь нужду: земельную, нефтяную—государственный геній уже витаетъ въ бассейнѣ рѣкъ: Вычегды, Печоры, Ухты съ ея притоками: Ярегѣ, Лыя-Юль, Нефть-Юль, Седью...

Между управляющими богатствами поверхности земли и ея нѣдра возникаетъ конфиденціальный обмѣнъ мнѣній, которые устанавливаютъ суровую необходимость, продиктованную желѣзнымъ закономъ жизни, передъ которымъ какъ извѣстно склоняетъ голову гордый вѣнценосный Петербургъ. Немедленно отправляются въ кромѣшную дебрь сѣвера одинъ за другимъ владіе

представители соответствующих ведомствъ. Въ день-два дѣлаются потрясающія „открытія“.

Только здѣсь на мѣстѣ раскрывается опереточно-водевильный характеръ экскурсій, исполненный глубокой ироніи, горькой насмѣшки надъ несчастьемъ народнымъ— нуждой, до которой довело владычество лѣнливой, тупой, хищной власти.

Подумать страшно, одна экспедиція генерала Хвостова стукнула 30 тысячъ рублей!

„А какіе результаты ея трудовъ“, пожалуй поинтересуется читатель?

„Вѣдь на 30 т. можно содержать цѣлый годъ сотню мастеровъ-кустарей, которые стали бы учить ремеслу, ибо зырянинъ до сего времени не умѣетъ смастерить сноснаго топорика“?

Съ этими мыслями я оставилъ Вогвадино. Черные клубы дыма, все усиливаясь, скрыли окончательно изъ виду деревушку Боръ, скрыли изъ виду Ибскихъ, Ероздинскихъ Ванвиздинскихъ мужиковъ, чающихъ уже цѣлыя столѣтія облегченія земельныхъ нуждъ, тѣсясь на насиженныхъ прадѣдами пепелищахъ.

Мы уже давно вѣхали на „Часовскій волокъ“, идущій отъ станціи Вогвадино до села Часова, протяженіемъ 25 верстъ.

На двадцать пять верстъ чуть не сплошь обугленная мертвая пустыня! Покоемъ кладбища вѣетъ отъ этой безжизненной равнины. Угрюмо глядятъ на васъ черные остовы великановъ—сосень, зароня въ душу самыя мрачныя мысли и чувства. Никакого признака жизни. Безсознательная стихія уничтожила на много десятилѣтій всякіе побѣги жизни. На мѣстѣ, гдѣ еще недавно цвѣла жизнь, зеленѣли хвойные гиганты, у подножія коихъ, словно пробираясь къ свѣту росли молодыя поколѣнія, стоятъ мертвыя тѣни, обдающія холодомъ страха и ужаса все живое, какъ грозныя тѣни смерти, передъ которыми все смолкло. Перестали щебетать

птички клесты, сороки, исчезъ куда то сѣренькій зайчикъ, что раньше бывало кой когда мелькнетъ въ чащѣ, исчезли и всѣ прочія созданія, что нѣкогда населяли этотъ цвѣтущій дѣвственный садъ.

Солнце, склоняясь на эти страшные, уродливые остовы — скелеты, бросаетъ прощальные лучи; вдоль полотна дороги ложатся темныя тѣни; колокольчикъ напѣваетъ все ту же усыпляющую мелодію и я скрываюсь на дно тарантаса, чтобы хоть на минуту забыться; но вотъ человѣческіе звуки, ящикъ мой набожно перекрестился.

Рядомъ съ нашей колеей, въ одномъ съ нами направленіи лѣниво шагаетъ понутивъ голову каряя лошадка, влача за собой неуклюжія дроги, на которыхъ покоится бѣлый сосновый гробъ.

Позади траурной колесницы, обнаживъ голову, слѣдуютъ три темныя фигуры, равнодушныя казалось ко всѣму на свѣтѣ, какъ сама природа.

Ящикъ мой обмѣнивается полдесяткомъ краткихъ фразъ на зырянскомъ нарѣчій и пустивъ во всю мечь лихую пару исчезаетъ, какъ будто желая поскорѣе оставить, избавиться отъ этой удручающей картины.

Куда-же направляется эта процессія? спросилъ я нѣсколько отъѣхавъ.

„Въ д. Слуду. Въ нашей Устьвымской больницѣ умеръ мужикъ изъ деревни Слудской, а нынче везутъ за 45 верстъ домой, отвѣтилъ возница.

Почему же не похоронили тамъ, въ Устьвыми?

„Да видишь ли, онъ умеръ незаконно, то есь какъ бы тебѣ сказать — не своей смертью.

Какъ это не своей смертью?

„Да такъ на праздникъ въ Слудѣ-то была отчаянная драка; ну значить ухлопали раба Божія до полусмерти, а потомъ и свезли въ устьвымскую больницу, гдѣ онъ и отдалъ Богу душу. Такъ вотъ докторъ кричитъ, везите откуда привезли; дома кричитъ его потрошить будутъ.

Почему же не вскрыли въ больницѣ, тамъ всѣ приспособленія?

„Докторъ грить, вскрывать буду не я, а прїѣдетъ другой изъ Яренска, окромя тово на мѣстѣ будетъ допрозь.

Но вѣдь умершій ни показывать ни указывать виновнаго не станетъ?

„Эхъ, баринъ, кажись въ головѣ у ты не сыворотка, а не знаешь, что бывають у насъ не такія шутки, оживился мой собесѣдникъ.

„Вѣдь ужъ безъ смертоносной драки ни одинъ праздникъ у насъ не обойдется, это даже и невозможно, къ примѣру сказать, какъ цыму безъ огня не бываетъ. Такъ и у насъ, какъ малость затеплился спиртовый огонь, такъ ужъ ково нибудь да укокошатъ. Въ людяхъ вотъ сказывають праздникъ проводятъ въ благоговѣнїи, ведутъ душеспасительныя бесѣды, а у насъ первое лицо по деревнѣ „попъ“ такъ насоборуется, что повалится на любое мѣсто. Изволь тутъ и назидайся! Въ это время мужики идутъ на рукопашный. Отутюжили одново-двухъ, а потомъ и вози по волокамъ.

„А прахъ ево знаетъ какой это упокойникъ, всякіе въ нашемъ мѣстѣ и упокойники бывають.

Какъ всякіе упокойники бывають?

„То есь упокойникъ это выходитъ какъ бы мертвое тѣло, прахъ значить, а только возять то всякихъ упокойниковъ.

Какъ „всякихъ упокойниковъ“?

Ну да развѣ же ты не знаешь нечистое дѣло Брячалова?

Нѣтъ.

„А еще носишься тутъ. Слушай. Года четыре-пять будетъ той порѣ. Семь верстъ выше Устьвыми за рѣкой есть дер. Ероздинъ, гдѣ искони празднують „Покровъ Пресвятыя Богородицы“. Вотъ туда праздновать значить ушелъ изъ нашево села Устьвымъ крестьянинъ Брячаловъ съ женой, потому она оттуда изъ Ероздина была бирована. Ну ушелъ рабъ Божій и понынѣ хо-

дить. Царство ему небесное. Грѣхъ есть али нѣтъ говорить о такомъ дѣлѣ?

„Сказываютъ будто на другой день Покрова вечеромъ Брячаловъ пришелъ домой, безъ жены, она де осталась еще гостить у своихъ; по пути заходилъ де онъ еще въ кабакъ.

„Вѣрно ли не знаю, а говорятъ, что бытто бы дома то у Брячалова спалъ на полатяхъ нищій, прозывается Броль-Мить, побирушка значить. Ну такъ вотъ этотъ Броль чуль де драку, зыкъ, возникшіе между братьями Б., которые все что то здорили да враждовали. Брячалиха-то, выходитъ мать ихняя, сказала де сыну-то: добей-те брата-те полѣномъ“, ну тотъ трахъ и готово. Схоронили де ево подъ навозъ, а тутъ подъ навозомъ то онъ и пролежалъ до весны, потому подъ навозъ, что хошь положь, все сопрѣеть. Остались однѣ кости, скелеть по нашему.

„Пришелъ Великій постъ, дни смиренія, покаянія. У Брячало въ домѣ не ладно, нечистая значить сила обуяла, ни днемъ, ни ночью покоя, Брячалиха та де, мать то убитово, что ночь то какъ на яву видить, бытто сынъ то ея голый, грязный стучить въ окно, карабкаца въ двери и все просить, умоляетъ мать то свою предать ево кости землѣ: ахъ, гритъ, мама, мама пошто меня вы тутъ положили. Вѣстимо ужъ земля въ землю такъ и въ писаніи сказано .

„Ну жигья не стало, совѣсть какъ бы заговорила. И выбросили кости то ево въ ручей, что около двора. Весной, какъ немножко поспала вода въ устье Выми чуточку пониже перевоза, гдѣ долженъ переѣхать рѣку возвращавшійся съ праздника Брячаловъ, нашли утопленника въ платьѣ покойнаго Брячалова, но это былъ Ѳедотъ да не тотъ: всѣ и сусѣди и жена, то бишь вдова Брячалова, всѣ въ одинъ голосъ говорили, что въ платьѣ Брячалова одѣтъ другой упокойникъ, брошенный въ воду, чтобы отвести глаза, что вотъ моль шель

рабъ Божій съ праздника и кувыркъ въ воду. И то можно подумать. Только мать пропавшаго и другой то сынъ ея узнали въ утопленникѣ Брючалова, значить сына и брата.

„Скоро послѣ того въ ручью нашли человѣческія кости.

Вдова Брючалова узнала по зубамъ, что это кости ея покойнаго мужа, да то же говорили и другіе, но мать и братъ божились и клялись, что это не онъ.

„Говорятъ, что вырыть упокойникъ изъ могилы и не съ нашево кладбища, а откуда то издалека и наряженный въ платье покойнаго Брючалова опушенъ въ воду.

„Тутъ и возгорѣлась канитель, возились два года, дѣлали значить слѣдствіе и допросы, изъ Мѡсквы и Питера судьи пріѣзжали. Все, какъ я сказалъ, такъ и было, но прямыхъ уликъ нѣтъ. Продержали мать и сынка около года въ тюрьмѣ, а потомъ ослобонили.

„Кто знать, нынѣ бродить въ лѣсу тьма народушку: ухту-то разыскивають. Ну завѣтъ, зафитюлить и готовъ Богу душу, а прахъ то значить на землѣ. Вотъ подобрали таково упокойника, нарядили какъ надо и бултыхъ.

„Словно бы и не хитрое дѣло, если посмотрѣть на скоро, а какъ заглянулъ поглубже: какая дьявольская пропасть. Вотъ какія шутки выкидываетъ въ здѣшнемъ мѣстѣ окаянный.

„Недавно все въ нашей же Устьвыми случился такой анколь. Докторъ и бабка выѣхали на прогулку. Такъ изъ дому ихъ ни крестомъ, ни пестомъ не вытуришь. Въ деревняхъ дѣтвора почитай что сплошь больна, барахтаясь въ грязи, да навозѣ, осыпанная коростой, опухолью, но чтобы докторъ когда нибудь заглянулъ въ это мѣсто стона и скрежета зубовнаго, кажется такой поры еще не было, развѣ ужъ когда заберетъ по-вально, что бываетъ нерѣдко. И то сказать уцѣлѣй

все, что плодятъ наши бабы, никакой земли не хватитъ; ужь и нынѣ, черезъ каждыя пять лѣтъ дробя да уравнивая, довели надѣлы до того, что у другою полоски шириной въ ленточку, что дѣвки обшиваютъ подолы. По правдѣ говоря мужики на доктора не въ обидѣ. По у бабки поставлено дѣло еще лучше. Она даже и не видывала во всю жисть, какъ деревенскія бабы рожаютъ робятъ, а дѣло у нихъ идетъ какъ по маслу, примѣрно такъ наловчились, что лучше и не придумаешь, сколько не думай...

„Ну-съ вотъ выѣхали это значить они на проминашъ, только успѣли скрыться изъ села, а въ доганку имъ несется голосъ учителя: „возьмите грить и меня“ усадили значить ево на козла и помчались. Ъдутъ да гуторять то да се, глядъ учитель то скокъ съ козель да въ лѣсъ ха, ха, ха загоготаль, что семнадцать бонбъ съ пулей лопнули.

Очутились они въ такой заводи, что ежели бъ не Антропка Щелкинъ, то пожалуй и на другой день не выкарабкаетсяя.

„Петръ Ивановичъ мяууу

„Марья Петровна аууу

„Какія то люди за дворомъ въ ельникѣ цѣлый уповодъ „аукаются“, сказалъ Антропка: знать закрутимъ шись“. Ну и вывелъ.

Скажемъ вотъ и ученые головы, а чуть сплеховаль, такъ затарабанить, что ой люли, особливо коды малость запустимши... Такъ и въ жизни спервоначалу человекъ человекомъ, а послѣ какъ закрутить глядъ по глядъ такъ исковеркало, что вышелъ не шило не мотовило.

Теперь вотъ эту заводь хотятъ заселять, сказалъ я.

„Людьми?

Кѣмъ же больше.

„Ну, баринъ, ты или глупъ или не въ умѣ. Мыслимое ли это дѣло. Теперича вотъ взять хоша нашу

Устьвымь. Притулилась на двухъ—трехъ пригоркахъ, а дальше ужъ ни-ни, потому значить самъ ты посуди, куды пойдешь? Кромѣшное пространство. И нужда, ребята какъ ни какъ а все подрастаютъ больше и больше, но полоски все тѣ же, вотъ и кроимъ на мелкія ленточки, выходить тоже малоземелье... И ты брать не смѣйся, такъ почитай что по всей Вычегдѣ: кто гдѣ осѣлъ, тотъ тамъ и сидитъ, жмется отъ тѣсноты, а сидитъ... Вотъ развѣ вымскіе мужики, но тутъ опять же колдунъ на колдунѣ. Онъ вымскій то мужикъ счоронится въ лѣсъ верстъ за сто и тамъ погоду живетъ не выходя. Ему что ель то брать, что сосна то сестра. Съ нечистой силой такъ сказать породнился. Ежели по настоящему таково лѣсовика и землѣ бы не слѣдовало предавать. Въ старину де такъ и дѣлали: разведутъ костеръ и поджарятъ добра молодца, чтобы значить прахъ то евонный не баламутилъ крещеный народъ.

Э-э удалые, крикнулъ во всю мочь мой собесѣдникъ. Вотъ и Часова.

„Чудной здѣся баринъ случай былъ. Однажды въ праздникъ мужики вышли косить на лугъ, что за Вычегдой. Глядь, откуда ни возьмись за ними по Вычегдѣ плыветъ медвѣдь и прямо къ нимъ на лугъ. Мужики не сдрефили. Всѣ огуломъ кинулись на гостя, а тотъ видитъ дѣло плохо айда назадъ вплавь. Мужики на лодки и въ догонку. Настигли, приподняли шестью за задъ и утопали, апосля продали кажись рублей за сорокъ.

Выходить праздничная работа впрокъ не пойдетъ. Это ужъ такъ искони бывало: поработалъ въ праздникъ, а глядь ужъ гдѣ нибудь прорвало...

Здѣсь я, перемѣнивъ лошадей, оставилъ моего рассказчика.

Село Часово—последнее поселеніе Яренскаго уѣзда по р. Вычегдѣ.

Слѣдующая деревушка Парчегъ, уже въ предѣлахъ Устьсысольскаго уѣзда.

Первое, что бросается въ глаза, въѣзжая въ Усть-сысольскій уѣздъ, какъ впрочемъ и Яренскій—это рѣдкія деревушки, крохотные едва замѣтные островки жизни. И какой жизни! На плодороднѣйшей дѣвственной почвѣ, на огромномъ пространствѣ земли, заключающей въ нѣдрахъ неисчислимыя сокровища, въ тѣни вѣковыхъ сосенъ, люди добываютъ кусокъ хлѣба цѣною тяжелыхъ условій, пробиваются кое какъ, спасаясь отъ голода бѣгствомъ на отхожій промыселъ. Такъ 90 тыс. жителей, считая въ томъ числѣ и старыхъ и малыхъ, на пятнадцати милліонахъ десятинъ драгоцѣннѣйшей земли, не находятъ себѣ пропитанія, влача жалкое полуголодное существованіе!

На самомъ дѣлѣ, слушая рассказы ямщика, невольно приходишь къ убѣжденію, что какая то темная нечистая сила тяготѣетъ надъ богатѣйшей страной!

Люди жмутся, тѣснятъ до невозможности по берегамъ Вычегды и ея притокамъ, изъ коихъ наиболѣе населенный р. Сысола.

Какъ уже я замѣтилъ, первая деревушка—Устьсысольскаго уѣзда на Вычегдѣ—Парчегъ, въ 12 вер. отъ села Часова.

Что это за мѣстность! Что за чудные живописные виды. Почти отъ самой границы Яренскаго уѣзда до дер. Парчегъ возвышается едва замѣтный уклонъ, словно увѣнчанный на верхушкѣ оваломъ. Темнѣя непроницаемымъ покровомъ хвойной чащи, роскошный уваль исчезаетъ гдѣ то въ туманной дали дебрей сѣвера, а на краешкѣ овала, что выступаетъ къ Вычегдѣ, лѣнятся грязныя, захудалыя зырянскія деревушки—жалкое явленіе, сложившееся какъ реальное доказательство невѣжества и лѣни на лучшей жемчужинѣ края.

Несчастливые обладатели ея ведутъ жизнь, недостойную человѣка, какъ существа, одареннаго свѣточемъ разума.

Ахъ, что это за жизнь! Если мужикъ собралъ хлѣба на годъ, то онъ чувствуетъ себя на седьмомъ небѣ,

ибо о какихъ либо другихъ потребностяхъ онъ и не мечтаетъ. Даже чай является для многихъ недоступной роскошью. Повторяю, что такой мужикъ считаетъ себя паномъ; ему остается только сколотить два—три десятка рублей, чтобы оплатить подати.

И вотъ зырянинъ зарабатываетъ эти десятки рублей, занимаясь извознымъ промысломъ: везетъ за пять коп. пудъ тяжестей цѣлые сто верстъ!

Парчегскіе мужики, чтобы достать эти десятки рублей, производятъ чашки, ложки, ведра, корыта и пр. несложные предметы крестьянскаго обихода; но посмотрите, что это за производство. Чисто попали вы на островъ Робинзона Крузэ. Напр. чтобы слѣлать чашку, мужики долбятъ долотомъ древесину или просто выжигаютъ „ямку“. Не правда-ли куда мы шагнули подъ напоромъ промышленнаго прогресса. Не дальше, не ближе какъ эпоха каменнаго вѣка встаетъ передъ глазами изумленнаго наблюдателя со всѣми ея незамысловатыми пріемами, надъ которыми не мало поработалъ первобытный чело-вѣческой умъ.

Представьте, что и это „производство“ удѣлъ не каждому! Около десяти тысячъ взрослога населенія ежегодно по первопутку перекочевываетъ за Уралъ, на горные заводы, гдѣ исполняетъ разумѣется самый каторжный трудъ—распиловку дровъ. Задыхается въ снѣгахъ, наживая ревматизмы, особенно въ мартѣ и началѣ апрѣля, когда приходится проводить день денской по поясъ въ водѣ.

Чтобы достигнуть Урала пѣшкомъ теряется цѣлый мѣсяць времени, да почти столько же на обратный проѣздъ по желѣзной дорогѣ и на параходахъ, идущихъ по Вычегдѣ черепашимъ ходомъ.

Отъ 7—8 мѣсячнаго пребыванія на отхожемъ промыслѣ, изъ коихъ производительная дѣятельность продолжается всего на все 5—6 мѣсяцевъ, путемъ лишеній, недоѣданія, питанія хлѣбомъ въ сухомятку даже безъ чая, зырянинъ скопляетъ нужные ему 20—30 рублей.

О расходѣ и напряженіи мускульной энергіи красно-рѣчивѣе словъ говоритъ тотъ фактъ, что зырянинъ сѣдаетъ до 50 фунтовъ въ недѣлю хлѣба! Не мало зырянъ переходятъ Уралъ, пріискивая заработки въ городахъ Западной Сибири.

На этомъ печальномъ фонѣ особенно рельефно выдѣляется удручающій фактъ—это отливъ зырянскихъ дѣвушекъ на заработки. Каждый годъ, начиная со второй половины августа, т. е. по окончаніи полевыхъ работъ, зырянскія дѣвушки ѣдутъ партіями на пароходахъ сѣвернаго общества, направляясь главнымъ образомъ по Вычегдѣ до Котласа, Устюга, отъ Устюга по Сухонѣ до Вологды, гдѣ часть остается, но большинство, добравшись до столицы, осѣдаетъ здѣсь нерѣдко на всегда, поступая въ лучшемъ случаѣ куда нибудь въ прислуги; но многія, понавъ въ водоворотъ столичной жизни, становятся жертвами притоновъ разврата.

Основная причина ухода дѣвушекъ—укоренившееся у зырянъ убѣжденіе, что дѣвушка должна заработать сама себѣ „приданое“. Конечно на самомъ дѣлѣ получается обратная картина.

Вдумайтесь поглубже въ это прискорбное явленіе. вмѣсто того, чтобы обратить рабочую силу на обработку дѣвственной почвы, на обращеніе дикихъ дебрей въ культурный оазисъ, въ цвѣтушія помѣстья, она распляется въ пространствѣ, расходуетъ непроизводительно на изнурительныя перекочевки, или же используется на производство такихъ издѣлій, которыя оплачиваютъ дневной трудъ производителя двумя—тремя копейками!

Если нельзя остановить этотъ гибельный процессъ движенія путемъ предоставленія зырянину льготъ и пособій, нужныхъ ему на обработку дикой почвы, на увеличеніе пашни и покосовъ, то почему бы не привлечь на сѣверъ почему бы не основать здѣсь хозяйства на капиталистическихъ началахъ? Я думаю дѣло это не только не

безвыгоднѣе ухтенской нефти, на которую нынѣ устремляютъ свои взоры мелкіе и крупныя капиталисты, но-безконечно прочнѣе, надежнѣе, не говоря уже о томъ, что занятіе земледѣліемъ открываетъ обширное поле личной предприимчивости, творческой дѣятельности. Десятина земли, дающая нынѣ государству 5—7 коп. годоваго дохода при незначительной затратѣ на обработку, используя дешевую рабочую силу, обратится въ неисчерпаемый источникъ дохода, увеличивъ послѣдній въ нѣсколько сотъ разъ!

Драгоценный кладъ, прикрытый лохмотьями зырянскихъ дереvушекъ, станетъ источникомъ обогащенія, сытости и довольства, самой главной основы социальнаго процвѣтанія и прогресса.

Только слѣпой не можетъ видѣть, какъ легко открыть этотъ кладъ. Возьмите тысячу десятинъ земли, находящейся подъ малоцѣнными породами лѣса: ель, пихта, береза, осина, но земли самой плодородной. Предположимъ на усадьбу и сельско-хозяйственный инвентарь 5000 р. Используемъ самую простую систему. Вырубите въ первый годъ двѣсти десятинъ лѣса, что будетъ стоить не дороже 500 р., считая по 2 р. 50 к. съ десятины. Цѣнный лѣсной матеріалъ можно употребить для какихъ нибудь производительныхъ нуждъ <sup>1)</sup> и цѣлей, а остатки черезъ годъ—два выжечь. Очистка, выжиганіе обойдется приблизительно тоже въ 2 р. 50 к. съ десятины, а весь расходъ выразится въ суммѣ 1000 р. На двѣсти десятинъ потребуется сѣмянъ около тысячи пудовъ, считая по 1 р. за пудъ ржи. Стало быть, чтобы засеять 200 дес. новины, потребуется капиталъ въ 2000 р. Урожай съ новины, можно смѣло ожидать самъ-десять, а продавъ пудъ ржи минимумъ по 60—70 коп. (цѣна ржаной муки рѣдко падаетъ ниже рубля, а особенно въ

1) Или хотя бы на дрова, которыя нынѣ отсюда пошли за границу.

сѣверномъ краѣ), предприниматель получить въ первый же годъ въ три раза больше сдѣланной имъ затраты. Обыкновенно съ цѣлины снимается два—три урожая; это сливки, которыя даетъ дѣвственная почва и землевладелецъ культутрегеръ проводитъ медовой мѣсяцъ, снимая послѣдующіе урожаи уже почти безъ всякой затраты труда. Когда плодородіе (вѣрнѣе удобреніе) истощается, онъ приступаетъ къ распашкѣ цѣлины, покрывая расходы отъ реализаціи урожая въ слѣдующихъ участкахъ. Если обратить цѣлину сразу подъ пашню, то стоимость одной десятины выразится въ 40—50. При описанной мной системѣ расходъ этотъ на половину понизится, кромѣ той выгоды, что не потребуетъ почти никакого кредита. Теперь изъ тысячи десятинъ четыреста обратите подъ покосы и шестьсотъ подъ пашню. Сѣна онъ сниметъ, считая по 60 пуд. съ десятины—24 т. пуд. и хлѣба, считая по 80 <sup>1)</sup> пуд.—32 т. пуд. Опредѣлимъ минимумъ стоимости сѣна въ 20 к., а хлѣбъ—60 к., то воловой доходъ выразится въ 24 тыс. руб. За вычетомъ девяти тыс. руб. на заработную плату, полагая въ общемъ по 9 р. за десятину, получится чистой прибыли 15 тыс. руб. въ годъ. Это при экстенсивной системѣ и грубомъ подсчетѣ.

Такимъ образомъ въ теченіе десятка лѣтъ, предприниматель, затративъ капиталъ 5—10 тыс. руб., будетъ имѣть чистаго годового дохода 15 тыс. руб.; вмѣсто 50—70 р. дохода, который нынѣ получаетъ государство съ одной тысячи десятинъ лѣсной земли.

Само собой понятно желательнѣе было бы заселеніе свободныхъ земель мелкими хозяевами; но къ несчастью въ настоящее время окультуренію края ставятся неодолимыя преграды, а излишняя строгость охраны лѣсныхъ богатствъ развиваетъ хищничество.

Недавно одинъ крестьянинъ рассказывалъ, какъ онъ,

<sup>1)</sup> Съ 400 дес., а остальные 200 будутъ подъ паромъ.

облюбовавъ участокъ земли въ 50 десятинъ, подалъ Управляющему Государственныхъ Имуществъ прошеніе объ отводѣ ему названнаго участка. Управление выразило согласіе, командировавъ лѣсничаго опредѣлить качество и количество лѣса на предполагаемомъ къ отводу участкѣ. И вотъ лѣсничій на такую сумму насчиталъ якобы цѣннаго лѣса, что у мужика вскочили волосы дыбомъ.

Разумѣется отъ участка земли онъ отказался, но охранители государственнаго достоянія не успокоились: на несчастнаго мужика полетѣли взысканія гербоваго сбора, такъ что онъ и теперь оплакиваетъ неосторожную попытку...

Потерявъ надежду получить законнымъ путемъ, мужикъ дѣлаетъ „новины“ украдкою. Забравшись подальше въ глубь лѣса, онъ вырубаетъ 3—5 десятинъ. Спустя два—три года, когда срубленный лѣсъ подсохнетъ, „новина“ выжигается, а выжженное мѣсто засѣвается рожью. Сплошь и рядомъ при выжиганіи „новины“ пламя охватываетъ значительное пространство: гибнуть отъ пожара миллионныя богатства на глазахъ придурковатаго надзора.

Въ іюнѣ этого года выгорѣли весьма цѣнные лѣса по р.р. Выши и Пожогу. Главная причина лѣсныхъ пожаровъ—„новины“. Такъ какъ выжженный лѣсъ надо во чтобы-то ни стало сбыть поскорѣе, то начинается усиленный отпускъ по удешевленной таксѣ къ великому удовольствію нѣмцевъ—лосопромышленниковъ.

Правда дѣланіе новинъ строжайше преслѣдуется; тѣмъ не менѣе по сіе время эта варварская система практикуется хотя и не вездѣ.

Между тѣмъ при разумной политикѣ, сотни тысячъ душъ могли бы не только свободно размѣститься и жить безбѣдно, но и процвѣтать. Драгоценнѣйшія жемчужины, плодороднѣйшіе увалы, которые строго говоря нынѣ не даютъ и 5—7 коп., такъ какъ въ большин-

ствѣ растутъ на нихъ такіе лѣса, почти вовсе не эксплуатирующіеся какъ напр. осина, береза,—сдѣлались бы житницей сѣвера.

Однако въ настоящее время и тѣ жалкія деревушки задыхаются отъ земельной тѣсноты, за сто лѣтъ пашни почти не увеличилось.

Единственное спасеніе, если хлѣбушка уродилось мало, удирай за Уралъ!

Это изъ края, гдѣ каждый уголокъ изобилуетъ богатствами. Такая картина разворачивается на всемъ пространствѣ огромнѣйшаго уѣзда, равнаго цѣлому государству Западной Европы.

Единственное культурное пятно на этомъ мрачномъ фонѣ—это г. Устьсыольскъ, столица зырянства.

Изъ зырянъ вышли талантливые ученые, есть самородки изобрѣтатели; но виднаго общественнаго дѣятеля пока не вышло.

И здѣсь административный аппаратъ, какъ и органъ хозяйственнаго управленія края—земская управа, копируетъ съ изумительной точностью тѣ же приемы, развиваютъ съ поразительной быстротой бумажное производство, съ такимъ же успѣхомъ плодятъ ненужныя синекуры, какъ и центральные ихъ органы.

О продуктивности бумажнаго хозяйства Яренской Уѣздной Земской Управы мы уже имѣемъ нѣкоторое понятіе изъ того факта, что тамъ шесть почталіоновъ едва едва поспѣваютъ, чтобы развести по назначенію разныя тамъ отношенія, запросы и пр., но и Устьсыольская Управа развиваетъ бумажную канитель съ такимъ успѣхомъ, что десять почталіоновъ разрываются, что называется на куски, изъ боязни образованія залежей!

Если бросить бѣглый взглядъ на земское хозяйство, то пожалуй можно назвать его образцовымъ, а четверть милліона рублей <sup>1)</sup>, которую поглощаетъ оно, затратой

1) Главная статья доходнаго бюджета—казенные лѣса.

вполнѣ цѣлесообразной; но если заглянуть поглубже въ нѣдра хозяйства, то наблюдатель увидитъ такіе фокусы канцелярской рутины, что просто уму непостижимо.

Въ Устьсысольскѣ живетъ уже много лѣтъ земскій агрономъ; казалось бы явленіе нормальное: когда-нибудь вѣдь надо же объявить рѣшительную войну устарѣлымъ приѣмамъ хозяйства, надо же насаждать, культивировать интенсивное хозяйство.

Что же подѣлываетъ Устьсысольскій агрономъ?

Каждый день минута въ минуту онъ выѣзжаетъ за городъ на „ферму“, гдѣ пробывъ часок—два возвращается, а послѣ обѣда и отдыха—за карты, за которыми коротаетъ дни и долгіе вечера все живое, что копошится въ этой трущобѣ.

Какъ уже сказано „новины“ или подѣлки строжайше запрещены крестьянамъ, неумолимо преслѣдуется всякое нарушеніе, а между тѣмъ обработка ковыральной сохой при плохомъ удобреніи съ каждымъ годомъ понижаетъ урожай.

Мѣстами мужики прямо въ отчаяніи; до такой степени понизилась производительность почвы, что на самомъ дѣлѣ прямо хошь бѣги куда глаза глядятъ безъ оглядки...

По р. Сысолѣ искони расплодился мелкая порода коровъ, исправные мужики держатъ ихъ головъ по двадцати, но какъ отъ козла во истину ни масла, ни молока. Настаетъ жизненная нужда культивировать лучшую породу, какъ это сдѣлалъ Великій преобрзователь Россіи на Двинѣ, и нынче разведенная Петромъ „холмогорка“ служить чуть ли не главнымъ источникомъ существованія.

Какъ же реагируетъ на эти жизненные нужды народа ученый агрономъ, до тонкости изучившій всѣ способы и пути, кои ведутъ къ улучшенію культуры основной отрасли хозяйства—земледѣлія.

Конечно, чтобы пропѣть вѣчную память подѣчной

системѣ, чтобы поставить хозяйство на высоту современнаго прогресса чтобы привить новые приемы хозяйства обширнаго края, нужны усилія десятковъ ученыхъ, но и одинъ при должномъ усердіи и охотѣ могъ бы сдѣлать колоссально много.

Всякая капля знаній, упавшая на изнуренную, истощенную деревенскую почву принесла бы свой реальный плодъ. Коснѣющій въ невѣжествѣ мужикъ, какъ утопающій за соломенку, ухватился бы за всякій совѣтъ, за всякое практическое указаніе, разъ онъ наглядно увидитъ его пользу и цѣлесообразность, разъ онъ увидитъ, что изъ мелкой породы можно вырастить цѣнную холмогорку, то продѣлаетъ самыя утомительныя манипуляціи, чтобы добиться цѣли. Лучъ свѣта, проникшій въ царство вѣковой тишины и застоя, пробудилъ бы дремлющія силы къ жизненной работѣ.

Предпринимаетъ ли что-нибудь въ этомъ направленіи нашъ ученый агрономъ? Выѣзжаетъ ли онъ въ деревню, чтобы дать на мѣстѣ указанія и совѣты, какъ поднять производительность почвы, устраиваетъ ли простые, наглядные опыты культуры на деревенскомъ полѣ или въ школьномъ огородѣ?

Къ прискорбію и нашъ культуртрегеръ, какъ и вся паразитирующая интеллигенція, лишь высасывая изъ народнаго тѣла жизненные соки, въ видѣ 2—3 тыс. оклада жалованья, не возмѣщаетъ никакой эквивалентной равноцѣнностью, направляя всѣ усилія къ тому, чтобы доставить какъ можно больше удовольствій собственной персонѣ, проводя добрую половину времени за „пулькой“, а на утро съ цѣлью освѣжиться отъ алкогольнаго угара выѣзжаетъ на „ферму“.

Или же вмѣсто того чтобы культивировать породу барановъ, бычковъ, вставляетъ своей Меланіи Егозинской розыя очки, открываетъ ей свои политическіе идеалы: „программы эсъ-дековъ и эсъ-эровъ неприемлемы по такимъ то соображеніямъ, а по сему, переходя

къ коммунизму, я въ данный моментъ всецѣло углубился въ изученіе реальныхъ условій, при которыхъ „коммунизмъ“ замѣнитъ устарѣлый, разложившійся социальный строй жизни“.

Несчастный! да вѣдь если отнять казенный паекъ, который даетъ устарѣлый строй, то съ позволенія сказать вши закусаятъ и съ Меланіей то вмѣстѣ Егозинской! т. е. пришлось бы пожалуй маячить на Усть-вымской перевознѣ, ибо при хорошемъ земствѣ, министерствѣ развѣ можетъ быть мѣсто подобнымъ „работникамъ“? Лѣндивые, бездѣльники, запусивъ хозяйство, загрязнивъ домъ, гдѣ какъ ни какъ жили тысячелѣтіе, нынѣ горланять на весь міръ: „товарищи! раскатывай допотопную руину, она причиной этой мерзости!“

И вотъ всѣ переоцѣнивають устарѣлыя цѣнности. На самомъ дѣлѣ надо же вѣдь изыскивать радикальныя средства, чтобы сдвинуть неуклюжій русскій корабль къ заманчивымъ миражамъ коммунистическаго строя... Когда нибудь вѣдь наконецъ надо же вырвать съ корнемъ злоупотребленія, что плодитъ съ каждымъ днемъ чиновничье правленіе. Волей не волей приходится взяться за освободительную работу, чтобы не быть заклеимленнымъ презрѣніемъ товарищей.

А зырянинъ, побородивъ сохой ковырялкой кормилицу землю, какъ только настанетъ осень, айда за Ураль!

Эка важность, много ходилъ, походить и еще проторенная дорожка!

Но если напр. въ петербургскихъ канцеляріяхъ перестали выводить прописными буквами „доклады“, а пошла „мода“, рандо, то Управа непременно введетъ новую систему: глядишь десятокъ борзописцевъ терпѣливо выводятъ такую каллиграфію, что позавидуетъ любой столичной кошійствѣ.

Такъ работаютъ наши общественные дѣятели, что касается канцелярской части, но чуть заглянули вы въ

ту область, гдѣ казалось бы должна кипѣть живая творческая работа, здѣсь господствуетъ полнѣйшій застой.

Народный трудъ никакъ не можетъ перейти отъ примовъ производства эпохи каменнаго вѣка къ техникѣ близкой къ современной. Древесныя издѣлія, фигурирующія на устьсыольскомъ рынкѣ, поражаютъ грубостью отдѣлки. Никакая отрасль народнаго хозяйства не приведена въ надлежащее благоустройство.

Тускло, вяло, ни малѣйшаго проблеска.

Новый выборный предсѣдатель Управы сдѣлалъ урѣзку жалованья учителямъ, а образовавшійся остатокъ распредѣлилъ на оплату труда женщинъ, служащихъ въ Управѣ.

Я не считаю эту мѣру геніальной; но полагаю, что еслибы всѣ учителя успѣшили оставить школы, то народъ врядъ ли хоть сколько-нибудь пострадаетъ, а на лицо выгода несомнѣнная.

Школа первымъ долгомъ должна привить любовь къ труду, открыть въ простыхъ картинахъ поэзію труда, породнить будущаго пахаря съ землей, какъ съ родной матерью, нынѣшняя школа отрываетъ малыша отъ земли и труда, развивая въ юныхъ головахъ привязанность къ праздности, стремленіе къ легкому заработку.

Механически вызубривается по извѣстному шаблону установленная программа, но учитель или отнюдь не влагаетъ своего творчества и таланта надъ развитіемъ и укрѣпленіемъ основныхъ началъ нравственности или же набиваетъ голову ученика идеями и чувствами, что волнуютъ его бездарное существо.

Чтобы пріучить деревню къ ремеслу, а черезъ это дать огромной рабочей силѣ, не находящей нынѣ въ теченіе цѣлой зимы полезнаго употребленія, производительное назначеніе, я рекомендовалъ бы не техническо-ремесленные школы, на подобіе Айкинской, которыя даютъ въ лучшемъ случаѣ бѣлоручекъ мастеровъ, бро-

сающихъ свое ремесло, какъ только подвернулось выгоднѣе дѣло, а послать въ Устьсысольскій уѣздъ десятка два-три практиковъ мастеровъ, которые будутъ учить въ крестьянской избѣ простымъ и нагляднымъ способомъ, а учиться станетъ каждый желающій и подвляніемъ такого стимула, какъ нужда. Дорогая многотысячная школа не доступна каждому селу, тогда какъ школа—мастеръ можетъ стать достояніемъ каждой деревушки, открывая возможность учиться и зажиточному и бѣдняку. На восемь тысячъ, ежегодное содержаніе Айкинской школы, можно имѣть 15—20 хорошихъ мастеровъ, которые сразу охватятъ большій районъ. Вятскіе самоучки—столяры готовятъ такія сложные вещи, исполняютъ настолько тонко—художественные предметы, что дай Богъ такъ работать „ученому мастеру“.

Разумѣется на этомъ поприщѣ земству предстоитъ довольно трудная работа по присканію лучшихъ мастеровъ—учителей, надзоръ за ними, изученіе рынковъ сбыта и требованій потребителя и т. д.

Пока однако для насажденія и развитія ремесленныхъ знаній въ Устьсысольскомъ уѣздѣ не сдѣлано къ стыду земства ровно ничего, а парчегскіе мужики, изготовляя чашки, ложки и др. нехитрые предметы крестьянскаго хозяйства, практикуютъ до сего времени приемы эпохи каменнаго вѣка.

Конечно трусить по проторенной дорожкѣ, перенимать новые методы каллиграфіи, открыть по избитому шаблону народную школу, бібліотеку, больницу, трудъ куда болѣе легкій, чѣмъ вызвать къ жизни новое производство, основать цѣлую промышленность.

Этимъ и объясняется тотъ грустный фактъ, что до нынѣ всѣ отрасли народнаго хозяйства пребываютъ на самой низкой ступени развитія.

Возьмите молочное хозяйство, скотоводство? Какой тутъ просторъ для расчистки покосовъ. Казалось бы на лицо всѣ условія для его процвѣтанія.

Въ настоящее время Усть-сысольскій уѣздъ производитъ масла пять — семь тысячъ пудовъ въ годъ, а о другихъ продуктахъ молочнаго хозяйства не можетъ быть и рѣчи. Но и эти 5—7 тыс. пуд. идутъ въ продажу не отъ избытка, а за счетъ недоѣданія.

Правда по р. Сысолѣ зыряне нерѣдко держатъ по 20 коровъ, но что это за скотъ: мелкій какъ телята, представляющій какую то карликовую породу. Сысольская корова едва надаиваетъ одну—двѣ крынки молока въ день.

Еще недавно р. Сысола считалась плодороднѣйшей частью уѣзда, житницей сѣвера. Отсюда шли караваны барокъ съ хлѣбомъ, направляясь къ Архангельску.

Это была та именно золотая пора, когда мужики, дѣлая „новины“, снимали сливки дѣвственной почвы съ самой незначительной затратой труда.

Чтобы вырубить десятину лѣса нужно три—пять дней. Черезъ два года, когда срубленный лѣсъ подсохнетъ, „новина“ выжигается. На уборку, очистку, посѣвъ и боронованіе одной десятины мужикъ теряетъ то же не болѣе трехъ дней. Урожай бываетъ 70—100 пуд. Съ цѣлины снимается еще два—три урожая, а затѣмъ она снова запускается, заростая лѣсомъ. Эти два — три послѣдующіе урожая, зачастую не менѣе обильные, чѣмъ первый, мужикъ снимаетъ безъ всякой затраты труда, кромѣ посѣва и боронованія. Но самый тучный урожай получается, когда на только что выжатую „новину“ навозится хвоя, которая на слѣдующій годъ выжигается.

Теперь эта система запрещена; правда зыряне кое гдѣ практикуютъ новины, но очень мало. А съ прекращеніемъ новинъ сысольское населеніе обѣднѣло, хлѣба стало меньше, хотя здѣсь и въ настоящее время зыряне пробиваются своимъ хлѣбомъ, не рѣдко продавая избытки, тогда какъ по всей Вычегдѣ добрую треть года оно питается покупнымъ хлѣбомъ.

Вообще можно сказать сысольское населеніе, лишившись главнаго источника существованія, въ настоящее время какъ бы раздумываетъ, что ему предпринять? Сколько пройдетъ вѣковъ въ такомъ раздумьѣ извѣстно одному Богу, если не случится какой нибудь непредвидѣнный переворотъ, надвинувшійся стихійно, какъ грозная туча, что пробуждаетъ порой проблески энергіи даже у инертнаго, соннаго зырянина: расчесавъ до красна любимое мѣсто онъ все таки въ концѣ концовъ двинется.

Само собой разумѣется, разъ похоронена хищническая система, то не воскрешать же ее вновь!

Не оставлять же благодатный сысольскій уголокъ, вблизи Пермь-Котласской желѣзной дороги, въ настоящемъ варварскомъ состояніи, когда сама природа предназначила его быть именно житницей сѣвера, обширной молочной фермой?

Желательно было бы именно въ этой южной части Усть-сысольскаго уѣзда разведеніе культурныхъ хозяйствъ.

Такія гнѣзда внесуть свѣтъ культуры въ темное царство сѣвера, станутъ рассадниками просвѣщенія; но кромѣ того здѣсь открыто широкое поле дѣятельности земству, агроному и пр. труженикамъ, которые нынче потѣютъ, ожесточившись „на бюрократію“, надъ освобожденіемъ отъ ея ржавыхъ оковъ, не замѣчая, что по духу и крови они суть тѣ же бюрократы только развѣ сортомъ пониже, заражены сплошь тѣми же предрасудками, лѣнью, апатіей, что приводятъ всякое начинаніе бумажнаго человѣка къ столь плачевнымъ и ничтожнымъ результатамъ.

Пока однако сысольскій край не цвѣтущее помѣстье, не тотъ сказочный край, гдѣ текутъ молочныя рѣки въ масляныхъ берегахъ, а представляетъ собой мірокъ, жалко прозябающій на богатѣйшей почвѣ, среди природныхъ богатствъ неизмѣримой цѣнности.

Картины, ярче иллюстрирующей горемычное существование сысольскаго зырянина, чѣмъ Кайгородская волость, гдѣ находится Кажемскій чугунно-плавильный заводъ, врядъ ли нарисуетъ самое пылкое воображеніе.

Издали бросаются въ глаза жилища — развалины кажемскихъ рудокоповъ. Провалившіяся крыши, полуразрушенныя зданія говорятъ, что тутъ пронеслась какая то страшная стихія съ цѣлью смести съ лица благословенной земли жалкія руины, гдѣ скрываетъ свое горькое существо кажемскій рудокопъ.

Кажемскій заводъ принадлежитъ наслѣдникамъ Бенардаки. Годовая выплавка чугуна колеблется отъ 50 до 100 тыс. пуд.

Достойно вниманія положеніе зырянъ, доставляющихъ руду на заводъ. Роетъ мужикъ яму глубиною саж. 3—4, но руды нѣтъ. Бросаетъ, принимаясь за другую. Такъ мучается порой чуть не мѣсяць, не получая ни копейки. Но вотъ руда попала. Наложивъ возъ, зырянинъ поѣхалъ на заводъ. За 30 пудовый возъ ему предлагаютъ тамъ 40—50 к., а тащить руду пришлось верстъ тридцать. При самомъ успѣшномъ ходѣ дѣла, т. е. достать и свезти руду, нужно минимумъ два дня да еще съ лошадыю! Вотъ какой цѣной усилій получается здѣсь сорока копеечный заработокъ!

И вотъ нужда вырываетъ изъ родительскихъ объятий, безжалостно отрываетъ отъ отца и матери горячо любимую ими дочь. Подъ предлогомъ заработать „приданое“ дѣвушка уходитъ въ большіе города, въ эти свободные вертепы разврата, пропадая зачастую навсегда.

Но оставимъ благословенныя земли, орошаемыя Сысолой. Заглянемъ на минутку на сельско-хозяйственную ферму, что въ 8-ми верстахъ отъ Усть-сысольска, куда каждое утро выѣзжаетъ изъ города агрономъ, о которомъ выше уже сказано нѣсколько словъ.

Что это за бездарная затѣя, рабски скопированная

у безмозглої лѣнивой, паразитирующей земской интеллигенціи, что дала и даетъ, какъ изъ рога изобилія, столь печальные опыты въ дѣлѣ благоустройства мѣстной жизни.

Впрочемъ успѣхъ учрежденія зависитъ не только отъ принципа, на которомъ оно основано, а больше отъ личной предприимчивости руководителя.

Я уже говорилъ, что какъ ни мало одного агронома на Устьсысольскій уѣздъ, но и одинъ могъ бы сдѣлать колоссально много.

Посмотрите какое печальное зрѣлище представляетъ собой это безспорно благое начинаніе.

Устьсысольская сельско-хозяйственная ферма основана въ память восшествія на престолъ Императора Николая II. Вначалѣ на ферму было помѣщено нѣсколько крестьянскихъ мальчиковъ изъ разныхъ волостей уѣзда съ цѣлью научить путемъ наглядныхъ приемовъ интенсивной культурѣ полевыхъ и огородныхъ растеній, молочнаго хозяйства, но вышло такъ что нынѣ никто фермы не посѣщаетъ.

Ферма культивируетъ до 1000 огурцовъ, сотни три кочановъ капусты, „картошки“, да нѣсколько пудовъ масла. Показательныхъ полей при фермѣ не устраивается.

Поглядѣли зыряне, что дѣйствительно пользы отъ этого „разсадника культуры“ никакой нѣтъ и рѣшили не посылать малышей, а велѣдъ затѣмъ и само устьсысольское земство, убѣдившись на опытѣ, что и на самомъ дѣлѣ ферму хоть бросай, прсектировало устроить на ея мѣстѣ пріютъ для сиротъ! Ужъ по истинѣ, осердясь на блохъ, да всю шубу въ печь! Однако осуществить этотъ проектъ не удалось и „ферма“ до сего времени просвѣщаетъ нашу темную деревню, сгорающую жаждой сельско-хозяйственныхъ знаній. Глядишь мало по малу вкоренится въ жизнь „учрежденіе“, а тамъ попробуйте тронуть „разсадникъ культуры“, освя-

щенной десятилѣтїями опыта просвѣтительной дѣятельности?..

Съ такимъ же точно успѣхомъ просвѣщала и Остатовская сельско-хозяйственная школа въ Вологодскомъ уѣздѣ. Школа эта выпускала ученика по два ежегодно, но „окончившіе“ земледѣліемъ не занимались, уходя въ прикащики и на другія должности. Послѣ блестящихъ доказательствъ безполезности школы, земство два года назадъ прикрыло „разсадникъ сельско-хозяйственной культуры“...

За десятилѣтній періодъ существованія школы-фермы ни одна капля знаній не пустила жизненныхъ корней въ богатѣйшую, пресыщенную удобреніемъ дѣвственную почву.

И вотъ теперь ежегодно въ Яренскій и Устьсыольскій уѣзды ввозится ржаной муки около милліона пудовъ, тогда какъ уѣзды эти могли бы засыпать зерномъ маленькое государство западной Европы.

Какимъ гомерическимъ хохотомъ разразился бы на это практическій янки.

Но такъ ни въ одномъ Устьсыольскомъ, Яренскомъ и Вологодскомъ уѣздѣ, а вездѣ и всюду.

Открывается школа, больница, ферма, гдѣ центральной фигурой является человекъ, окончившій высшую школу, т. е. пробывшій десятка полтора лѣтъ въ учебномъ заведеніи, содержимомъ на мужицкіе гроши.

Выступивъ на служебное поприще, такой молодецъ вваливается всей своей тушей на шею народную.

Надо бы ѣхать въ Межадорскую, Кайгородскую или какую нибудь другую тамъ Устьсыольскую весь, гдѣ настоятельно нужно устроить показательное поле, преподать опыты высшей культуры; но нынче до того-ль: хлынуло освободительное движеніе, которое приподняло всю расейскую муть.

„Какъ можно углубиться въ созидательную работу, пока не побѣжитъ врагъ народный—правительство, пока

народъ задыхается въ нищеть, безправіи, — гремитъ на всю Устьсысольскую глушь просвѣтитель земледѣлія...

А постучись нужда народная. Какъ отзываются на нее эти просвященные защитники — громовержцы?

Однажды, проходя мимо дома, гдѣ живетъ докторъ Ш. я увидѣлъ вереницу коней, а на телѣгахъ сидѣли „страждущіе“, окутанные въ лохмотья, терпѣливо выжидая.

Прохожу 5—6 часовъ спустя — та же картина. Разспрашиваю. Оказалось, это больные, прибывшіе кто за 50, а кто и за сто верстъ къ земскому доктору, но такъ какъ докторъ почему то не принимаетъ, то они и ждутъ уже полдня...

Попроси помощи настойчивѣе, онъ тя такъ шугонетъ, и еще по матушкѣ, что сгоришь со стыда, заявилъ чаявшій движенія воды.

„Окаянное пространство“, вспоминаю я слова Усть-вымскаго ямщика.

„Пріѣдетъ человѣкъ, какъ человѣкъ, а прошло полдесятка лѣтъ, глядь гдѣ тотъ святой энтузіазмъ, что влечетъ молодежь къ высокимъ идеаламъ нравственной красоты“.

На самомъ дѣлѣ удивительно скоро здѣсь дурѣютъ люди, особливо духовное сословіе, или какъ тутъ принято называть „попы“, которые просыпаются лишь въ дни іюльской грозы.

Не успѣла улечься пыль архипастырской колесницы, какъ уже началось одурманиваніе.

Недавно здѣсь была веселая „вечеринка“, кончившаяся въ 9-мъ утра: въ духовной бесѣдѣ ночь промелькнула незамѣтно.

Спускаясь съ лѣстницы крыльца взору отцовъ открылась самая обычная картина: — рогатая корова разгуливала на зеленой лужайкѣ двора повидимому безъ опредѣленной цѣли.

Отецъ Димитрій, купи, право славная коровенка! пред-

ложилъ гостепріимный іерархъ и для вящшей убѣдительности, ухватившись за рогъ, маститный отецъ мигомъ очутился на скотинѣ; но недальновидное животное, прыснувъ черезъ ворота на улицу, уперлось лбомъ о какую то твердь.

Какъ на бѣду въ это время двигалась партія „политики“.

„Товарищи! впервые вижу“, фыркнулъ какой то „обрѣзанный“ товарищъ семитическаго происхожденія.

Послѣдовалъ дружный товарищескій взрывъ хохота, заглушившій все.

Долго граждане Устьсысольска, встрѣчаясь на улицѣ, кивали головами улыбаясь: „моль ужъ это не спроста случилось“.

Но всмотритесь внимательно въ глубь народной жизни и вы увидите, какія зловѣщія, темныя чувства клокочуть на днѣ души, не согрѣваемой теплымъ христіанскимъ словомъ, какъ мало по малу на мѣстѣ матери церкви, воспитавшей въ народной душѣ благородныя чувства, разводятся подъ неусыпнымъ архипасторскимъ окомъ мелкія канцеляріи, гдѣ орудуетъ канцелярскій служитель въ рясѣ.

На всемъ и всюду печать окаменѣлости и застоя.

Въ послѣдніе 30 лѣтъ городъ Устьсысольской немного обновился: выстроено огромное полицейское зданіе съ каланчей, да духовное училище, но въ остальномъ почти безъ измѣненій, даже обширный храмъ во имя Стефана Пермскаго остается до сего времени во внутренней части наполовину недоконченнымъ.

Изъ Устьсысольска вверхъ по р. Вычегдѣ я отправился на пароходъ „Козель-Наша“.

Грязная палуба сплошь завалена горами тряпья, въ которомъ копошатся живые люди. Выбравъ тепленькое мѣстечко возлѣ паровой трубы, блѣдныя тѣни жуютъ въ сухомятку черствый, какъ камень, ржаной хлѣбъ. Изъ подъ висящаго лохмотья торчатъ голыя

ноги, покрытыя толстымъ слоемъ грязи, образовавшимъ своего рода броню, словно предназначенную служить защитой отъ разныхъ вліяній и поврежденій. Точно такою же броней покрыты и мозолистыя руки. На исхудалыхъ лицахъ лежитъ покорность нести свой крестъ.

Читатель смекнетъ вѣроятно, что это тѣ самыя зыряне, что ежегодно съ наступленіемъ осени перекачывають за Уралъ, возвращаясь домой къ полевымъ работамъ, о которыхъ мимоходомъ я уже упомянулъ выше.

Безжизненно-тусклая картина. Изжевавъ по полкараваю, одинъ окунулся головой на полѣно, другой повалился въ растяжку на каленую плиту, что у самой трубы, третій, вскарабкавшись на бочку съ „сушкой“ и свернувшись кренделемъ, мирно захрапѣли.

Черезъ минуту изъ большой партіи бодрствовали только пять шесть человекъ, да въ носовой части парохода у самага помѣщенія I класса ораторствовали ссыльные, окруженные кучкой зѣвакъ.

„Четвертную везу домой, а забрано у купца хлѣбомъ на сорокъ, вотъ тутъ и изворачивайся, говорить тихимъ упавшимъ голосомъ рабочій—зырянинъ.“

„Мое дѣло лучше только тѣмъ, что забору на шестьдесятъ, а везу ровно половину; значить остается одно: или послѣднюю корову по боку, чтобы расквитаться, или же объявиться банкротомъ, замѣтилъ другой“.

Наступила пауза. Разговоръ рабочихъ-зырянъ въ самомъ началѣ неловко оборвался, на загорѣлыя лица легла тѣнь озабоченности, словно собесѣдники очутились передъ какой то неотразимой необходимостью.

Внезапно раздавшійся толчокъ прервалъ молчаніе, въ одинъ мигъ встревожился весь этотъ плавучій островокъ, все закопошилось, всѣ закивали другъ другу головами, какъ китайскіе мандарины на именинахъ у Богдыхана.

„Акъ, манянь-ясь! Сюда, попаль! Зонясемедь паро-

кодъ озъ усь, пусть паракодъ не сѣла,“ пронеслись на трапѣ чьи то звуки отчаянья.

Оказалось мы налетѣли на какуюто „гриву“ и пароходъ дѣйствительно здорово накренился.

Раздался трескъ и чье-то грузное тѣло обрушилось въ Вычегду.

„Акѣ, бара пазадись! О-о-о шесть ломало, кыски лови,“ загремѣлъ капитанъ, прыгая черезъ изгороди, что наставлены на крышѣ парохода. Снимаясь шестомъ съ „гривы“ матросъ Окунчиковъ отъ всей души поналегъ, дерево не выдержало, сломалось и съ концомъ шеста въ рукахъ Окунчиковъ нырнулъ въ вычегодскую пучину, какъ будто желая скрыться отъ взысканія, ибо по дѣйствующимъ правиламъ, установленнымъ на Вымско-Вычегодскомъ пароходствѣ Павла Никитича Козлова, матросъ, сломавшій носилку, шесть и пр. безъ всякаго снисхожденія долженъ возмѣстить убытокъ, причиненный пароходству.

Вообще Вымско-Вычегодское пароходство Павла Никитича Козлова (зыряне такъ просто зовутъ: „Козель Пашъ“, но самъ Павелъ Никитичъ вездѣ и всюду расписывается полнымъ титуломъ) рѣшительно ни за что не отвѣчаетъ, взваливая убытки на кочегаровъ, матросовъ и тому подобную „ерунду.“

За то ужъ Павелъ Никитичъ Козловъ, ежели что понадобится, скажемъ тамъ баржу или что другое соорудить просто ни за что. Напр. постройка баржи длинной саж. въ 20 ему обходятся около тысячи рублей, тогда какъ по существующей таксѣ за одинъ лѣсной матеріалъ, потребный на судно, пришлось бы уплатить не менѣ двухъ-трехъ тысячъ руб. пошлины. Но Павелъ Никитичъ сіяетъ не только техничеко-строительными способностями. Однажды онъ скупилъ всю „дичь“, что обитаетъ въ пространствахъ, орошаемыхъ бассейномъ рѣкъ Вымско-Вычегодской системы, при томъ скупилъ дичь весной, которая должна быть убита осенью...

Довольно рискованная покупка, пожалуй подумаетъ читатель; но Павелъ Никитичъ маху никогда не дастъ и въ концѣ концовъ всегда оставляетъ въ карманѣ отъ всякой операціи по нѣсколько тысячонокъ чистоганчи-комъ.

Однако оставимъ Павла Никитича, пора вернуться на пароходъ, который, благополучно снявшись съ „гривы“, давно уже летѣлъ правда съ небольшой скоростью, этакъ версты  $2\frac{1}{2}$ —3 въ часъ, но все же всѣ были довольны, что не остались сидѣть „на гривѣ“.

На Вычегдѣ, догоняя насъ, показался черный пароходъ съ бѣлой трубой; сзади парохода развѣвался флагъ съ якорями.

Явленіе это снова вызвало тревогу и всѣ пассажиры съ любопытствомъ стали разглядывать казенный пароходъ, какъ оказалось, везшій важнаго по губерніи чиновника, имѣвшаго серьезное порученіе произвести ознакомленіе съ свободными землями, годными для заселенія. Будто бы ознакомленіе это нужно было для какихъ то высокихъ соображеній петербургскимъ чиновникамъ.

А такъ какъ никто толкомъ не знаетъ, сколько въ Устьсысольскомъ уѣздѣ удобныхъ земель, куда можно было бы направить безземельныхъ крестьянъ, самъ же важный чиновникъ бродить по лѣсамъ не станетъ, производить изслѣдованіе вѣроятно не будетъ, потому что онъ даже не на каждой станціи выходилъ изъ своей каюты, то надо полагать поѣздка или точнѣе прогулка эта не будетъ имѣть никакого практическаго результата.

Промелькнувъ мимо насъ съ непостижимой быстротой, казенный пароходъ исчезъ на поворотѣ Вычегды.

Скоро и нашъ пароходъ остановился у пристани въ селѣ Коткересѣ, 50 верстъ выше Устьсысольска.

На берегъ для приѣма хлѣба явился зырянинъ съ мѣшечкомъ въ рукахъ, въ коемъ было заранѣе заготовлено извѣстное число лучинокъ, равное количеству

мѣшковъ, которые онъ долженъ былъ принять. По мѣрѣ того какъ матросъ выносилъ на берегъ мѣшковъ муки, зырянинъ выбрасывалъ изъ мѣшка лучинку. Выбросивъ всѣ, онъ крикнулъ: „тырмась“ (будетъ, довольно).

У каждаго села пароходъ оставлялъ костры хлѣба, а между тѣмъ еще недавно вычегодское населеніе не нуждалось въ насущномъ.

Чѣмъ объяснить этотъ фактъ, спрашивалъ я у мѣстныхъ зырянъ; „земли мало“... отвѣчали мнѣ. А мы въ недѣлю едва едва объѣхали половину уѣзда.

Второе крупное село на Вычегдѣ—Небдино, восемьдесятъ верстъ выше Устьсыольска.

Изъ Небдина я отправился въ село Богородское на Вишеру, притокъ Вычегды, трактомъ, что составляетъ около 50 верстъ, тогда какъ воднымъ путемъ будетъ слишкомъ сто верстъ. Мнѣ давно хотѣлось побывать въ Богородскомъ, сохраняющемъ обычаи и преданія глубокой старины.

На нѣсколько верстъ отъ Небдина тянется чудный боръ, но вотъ боръ кончился, лѣсъ становится выше, гуще, настоящая дебрь непроходимая, темное, дремучее царство вѣковой тишины и покоя.

Хотя рука хищника - человѣка мѣстами и сдѣлала свое опустошительное дѣло, кое гдѣ замѣтны слѣды варварства, гниютъ множество прекрасныхъ деревьевъ, срубленныхъ охотниками или зырянами, заготовляющими бревна, но почти на добрую половину лѣса еще не тронуты.

Дорога идетъ среди колоссовъ—сосенъ и елей. Ледяной прохладой вѣетъ отъ этихъ гигантовъ, достигающихъ до двухъ обхватовъ въ объемѣ. Многіе окончили растительную жизнь и стоятъ обнаженными, представляя страшные остовы.

Но вотъ дорога спустилась въ низину, пошла сырая, болотистая мѣстность, лѣсъ мельчалъ и рѣдѣлъ, показался деревянный крестъ, поставленный возлѣ дороги.

Скоро я выѣхалъ на берегъ рѣки Вишеры, за которой виднѣлось село Богородское, расположившееся въ глухой, низменной мѣстности, покрытой скучнымъ ельникомъ.

Существуетъ преданіе, что въ день Рождества Богородицы 8 сентября на Вишеру ежегодно до начала обѣдни изъ лѣсу выбѣгалъ красивый олень, котораго зыряне со священными обрядами приносили въ жертву Богородицѣ. Мясо оленя дѣлили на части, уносили по домамъ и хранили, какъ святыню на случай болѣзни. Въ 1713 году олень не явился къ обычному часу. Духовенство не начинало обѣдни. Зыряне молили Пресвятую Богородицу ускорить явленіе жертвеннаго звѣря. Наступилъ полдень, пришла пора вечерняя, оленя не было. Вишерцы, полагая что прогнѣвили Царицу небесную и приступили къ богослуженію. Въ срединѣ церковной службы прибѣгаетъ олень, покрытый пѣной и, видя, что обѣдня начата ударился въ паперти о помость, убился и съ тѣхъ поръ явленіе прекратилось.

Въ Вишерской церкви и до сего времени хранится часть оленьяго рога, съ пятью отраслями на подобіе пальцевъ, близко похожая на кисть согнутой руки. Ижемцы пріѣзжающіе сюда для поклоненія чудотворной иконѣ брали частицы рога, исцѣлявшія оленьи стада и людей отъ разныхъ болѣзней.

На этомъ одинокомъ островкѣ жизни, не зараженномъ прелестями прегловутой цивилизаціи, въ этомъ уединенномъ муравейникѣ, защищенномъ со всѣхъ сторонъ непроходимой чащей, люди живутъ въ мирѣ грезъ и фантазіи: нерѣдко столѣтній старецъ сохраняетъ въ своей душѣ искренность и наивность, какъ и въ первые дни появленія на свѣтъ.

Пални на Вишерѣ очень мало, но за то необъятный просторъ для расчистки покосовъ. Тѣмъ не менѣе и здѣсь не развилось въ крупныхъ размѣрахъ скотоводство, а главный источникъ существованія—промыслы на дичь, бѣлку звѣря, да еще заготовка бревенъ.

Разъ въ году выѣзжаетъ вишерецъ въ Усть-Сысольскъ за хлѣбомъ и др. предметами потребления, но кажется скоро не будетъ надобности ѣздить никуда, такъ какъ уже вторую навигацію на Вишеру стали заходить пароходы, доставляя подъ бокъ всякую всячину.

Впрочемъ кромѣ хлѣба вишерцы удовлетворяютъ чуть не всѣ потребности произведеніями своихъ рукъ. Женщины и мужчины носятъ одного фасона „коты“ съ дублеными подошвами, приготовляемые домашнимъ способомъ. Сарафаны и рубахи изъ разноцвѣтной пестрядины. Зипунъ толстый, шерстяной ткани коричневаго цвѣта.

Только платки, служащіе головнымъ уборомъ, да чай, сдѣлавшійся предметомъ общаго употребленія—не домашнего производства.

Въѣзжая въ Богородское, я думалъ попаду въ грязную русскую деревушку, но дѣйствительность не оправдала моихъ ожиданій.

Большіе дома въ двѣ избы и комната или „горница“. Даже избы, въ большинствѣ оклеенныя обоями, представляютъ образецъ чистоты и опрятности, не говоря уже о горницахъ, которыя содержатся прямо въ недоступной нашему крестьянину роскоши: зеркала, крашенные полы, довольно сносной работы столы и стулья.

Пока я рассказывалъ, на берегъ Вишеры высыпало все Богородское, даже древніе старцы, нагруженные столѣтними недугами, выползли на бережокъ, терпѣливо ожидая прибытія парохода, хотя, какъ уже сказано, пароходъ шелъ на Вишеру второй разъ.

Проходить еще часъ—два, а парохода нѣтъ. Мальчишки карабкаются на крыши домовъ, выбирая болѣе удобныя наблюдательныя позиціи. Но вотъ изъ за верхушекъ лѣса поднялось облако дыма, а скоро показался и давно желанный пароходъ, словно выползая изъ чащи, привѣтствуемый криками мальчишекъ.

Поскакавъ съ крышъ, они ринулись толпой на встрѣчу пароходу; многіе изъ суевѣрныхъ обитателей Богород-

скаго даже осѣняли себя крестнымъ знаменіемъ.

Толпа съ глубокимъ интересомъ разсматривала диковинку во всѣхъ деталяхъ.

На пристань явился мальчикъ лѣтъ 11 съ моделью парохода, скопированнаго съ изумительной точностью и искусствомъ.

Оказалось въ прошлую навигацію мальчикъ, впервые увидѣвъ пароходъ, смастерилъ модель, за которую владѣлецъ парохода, удивленный изобрѣтательностью мальчугана, далъ ему золотой.

Господствуетъ жизнерадостное настроеніе, оживляющее даже убѣжденныхъ сѣдиной старцевъ.

Парни и дѣвушки толкаютъ другъ друга. Къ толпѣ пробирается пьяный мужиченко, клюнувшій по случаю столь высокаго торжества въ буфетѣ парохода.

Мѣстная красавица проситъ у подгулявшаго табаку понюхать. Не подозрѣвая коварнаго замысла, простоватый гуляка досталъ изъ-за пазухи табакерку, но едва онъ успѣлъ раскрыть, какъ табачное облако заполнило ему глаза и ротъ. Взрывъ всеобщаго хохота. Мужиченко мечется въ толпѣ за проказницей.

Глядя на эти вольности, позволяемыя дѣвушками, сторонній наблюдатель можетъ заподозрить ихъ въ склонности къ флирту и легкомыслію. На самомъ дѣлѣ такое представленіе не соотвѣтствуетъ дѣйствительности: женская честь почитается здѣсь какъ святыня и зырянка оберегаетъ ее всѣми средствами.

Читатель уже видѣлъ деревянный крестъ, поставленный возлѣ дороги, ведущей къ Богородску.

Крестъ этотъ поставленъ на могилѣ дѣвушки, лишившей себя жизни отъ безчестья.

Какой-то приказчикъ соблазнилъ ее, а односельчане заклемили презрѣніемъ провинившуюся. Несчастливая лишила себя жизни, а по существующему здѣсь обычаю самоубійць не хоронятъ на общемъ кладбищѣ.

Изъ селя Богородскаго до Ульяновскаго монастыря на Вычегдѣ мы ѣхали на парходѣ около сутокъ.

Еще десять верстѣ не доѣзжая обители, на лѣвомъ берегу Вычегды виднѣются стѣны монастырскихъ зданій.

Ульяновскій монастырь представляетъ одинъ изъ живописнѣйшихъ уголковъ привычедскаго края.

Только что начался благовѣстъ къ обѣднѣ, какъ мы подошли къ пристани, откуда до монастыря около версты.

Внутреннее великолѣпіе храма, блескъ дорогихъ облачений, чудный хоръ, настраиваютъ религиозныя чувства, заставляютъ погрузиться отъ житейскихъ заботъ и невзгодъ въ духовный міръ, заглянуть въ свое собственное „я“, но это лишь минутное настроеніе тотчасъ же разсѣивается, когда передъ глазами богомольца пронесутся одна за другой картины, коимъ мѣсто скорѣе гдѣ нибудь на рынкѣ, но ужъ отнюдь не въ храмѣ.

Напр. во время хожденія съ блюдомъ для сбора порой разыгрываются возмутительныя сценки. Если богомолецъ осмѣлится попросить „сдачи“, то сборщикъ монахъ грубо возвращаетъ жертвователю ту же монету. За то ужъ по окончаніи обѣдни заблаговременно объявляется, что молебень простой полтина, а съ водосвятіемъ и весь рубль. Спрашивается чего ради назначать „цѣны безъ запроса“? Многіе вѣрующіе возвращаются домой, угрызаемые совѣстью, что не могли отслужить молебна по недоступности цѣнѣ.

Но меня больше заинтересовало монастырское хозяйство. Прекрасныя поля, чудные покосы, но обработка полей производится той же сохой ковырялкой, какъ и во всемъ хозяйствѣ тѣ же доютонныя приемы. Обитель обладаетъ милліоннымъ капиталомъ. Почему бы не завести здѣсь образцовое помѣстье съ интенсивной культурой?

Можетъ быть тогда обитель стала бы разсадникомъ просвѣщенія, тогда какъ нынче монахъ, продавая

„патни“ въ большинствѣ день деньской слоняется не у дѣль или просто „спасается“, а окрестныя деревни заражены пороками, исходящими изъ этой „свягой обители труда.“

Отъ Ульяновскаго монастыря до Устькулома 25 вер. Устькуломъ—большое село по населенію немного меньше села „Керчомья,“ тридцать верстъ выше Устьсыольска на Вычегдѣ.

Село Устькуломъ—административный пунктъ обширнаго района. Здѣсь живутъ не одинъ, а цѣлыхъ два земскихъ начальника! Изъ коихъ одинъ завѣдуетъ Печорскимъ участкомъ, отстоящемъ отъ Устькулома на разстояніи четырехъ сотъ верстъ! Правда Печорскій участокъ земскій начальникъ ни разу не навѣщаль, вызывая за малѣйшей формальностью мужика къ себѣ въ Устькуломъ. Несчастный печорець несется четверста верстъ порой за сущій пустякъ, теряя двѣ три недѣли! Воистину кара Божія падаетъ на голову печорца вѣроятно за то, что онъ забрался въ такую глушь, куда нужно не переводя духу скакать цѣлыя недѣли до одури.

Въ Устьсыольскѣ я встрѣтилъ отставнаго контръ-адмирала. Это было какъ разъ въ достопамятныя дни Цусимы. Окузалось контръ морякъ исполнялъ сухопутную должность земскаго начальника печорскаго участка!

И то сказать печорцы народъ буквально некультурный, боясь начальства, какъ огня.

„Только бы не тревожилъ, говорятъ они, а то мы бы ужъ какъ нибудь долбили свой камень (брусная гора).“

Надо ли много распространяться о ненормальности этого явленія? Для чего содержатся двѣ ненужныя си-некуры, поглощающіе 6000—7000 р. въ годъ. Чтобы заработать эту сумму должны перекочевать за Уралъ, теряя на хожденіе добрыхъ двѣ трети года, цѣлыхъ триста человекъ! Считая остатокъ отъ зимняго заработка въ среднемъ 20 р.

Чтобы оплатить двѣ вредныя синекуры нуженъ чимовѣрный трудъ трехсотъ человѣкъ! Вотъ цвѣточки культурнаго правленія. Чтобы куда нибудь пристроить своего человѣчка тури его въ Устьсысольскую глушь. Но а сколько здѣсь содержатся бесполезно становыхъ, изъ коихъ каждая персона тоже стоять казнѣ не мѣнѣе какъ тысячи полторы въ годъ.

Становой служитъ лишь передаточной инстанціей, препровождая рапорты урядниковъ „съ протоколами“ въ полицейское управленіе или исправнику.

Такъ что урядникъ, составивъ протоколъ о какомъ нибудь правонарушеніи, могъ бы, минуя пристава, послать исправнику.

У нашихъ становыхъ нынче только и работа: развѣ кое-когда предать землѣ утопленника или другой тамъ трупъ <sup>1)</sup> да встрѣчи начальствующихъ лицъ, когда становые съ цѣлью „подтянуться“, буквально что называется взмыливаютъ до пѣны полъ уѣзда охраны, посылая за яйцами, ловлей стерляди, которой въ Вычегдѣ тьма тьмушая.

А въ послѣдніе годы вѣроятно подъ предлогомъ къ наградѣ пошла прескверная мода посылать въ Устьсысольскій и Яренскій уѣзды все крупную начальствующую знать, чтобы досконально разузнать сколько молъ тамъ годныхъ для заселенія земель и пр. Вѣдь чѣмъ нибудь надо же показать радѣніе о благѣ народа.

И вотъ становой да лѣсничій представляютъ превосходительному „ислѣдователю“ самыя точныя свѣдѣнія, сами ладомъ не зная, сколько и что есть въ подвѣдомственныхъ имъ участкахъ, ибо до сей поры въ сущности лѣса не изслѣдованы въ точности, не говоря уже о годныхъ для заселенія земляхъ.

Сократите всю эту ненужную паразитирующую армию

<sup>1)</sup> Хотя это дѣло „попа“, а не станового, но у насъ такъ ведется искони.

и вотъ средства для поднятія матеріальнаго благосостоянія края—этой основы соціальнаго процвѣтанія и прогресса.

Словомъ нынѣ при наличности природныхъ богатствъ, живется всѣмъ плохо, даже рыба въ Вычегдѣ неимовернодохнетъ и та задыхается отъ поголовнаго невѣжества, что владычествуетъ на землѣ.

Какъ извѣстно въ Вычегдѣ водится дорогая порода рыбы—стерлядь, которой ежегодно отправляется отсюда въ столицы сотъ до пяти пудовъ въ живорыбныхъ лодкахъ, но большая часть стерляди продается на мѣстѣ по цѣнѣ равной вонючей трескѣ такъ какъ за отсутствіемъ надлежащихъ приспособленій рыба умираетъ скоро.

Въ прошломъ году въ Устьсысольскомъ уѣздѣ цѣны на живую стерлядь стояли отъ 22 до 25 р. за пудъ, а въ Котласѣ рыботорговцы охотно предлагали стерлядь по 30 р.

Казалось бы всѣми силами надо было бы улучшать и оберегать этотъ довольно цѣнный промыселъ; а полюбуйтесь какое варварство: зыряне отравляютъ рыбу какой-то ядовитой начинкой! Такъ ловить легко „потому чтодохлая рыба всплываетъ на поверхность, только бери“...

Неправда-ли какой упрощенный способъ ловли!

Пожалуй возмущенный читатель спросить: „что же смотреть просвѣщенное начальство“?

На это можно съ полной увѣренностью сказать, что начальство самодохнетъ подъ парами алкоголя не лучше Вычегодской стерляди.

Таковы картинки нашей жизни; но углубимся на минутку въ нечорскія пространства, въ тѣ драгоцѣннѣйшія кедровыя роши, гдѣ одно дерево даетъ плода на 5—6 и даже десять рублей въ годъ!

Въ верховьяхъ Вишеры и вблизи Синдорскаго озера нѣкогда стояли кедровыя лѣса, но теперь кое гдѣ

изъ подъ грудь валежника выступают молодыя поколѣнія кедровъ.

Каковъ урожай орѣховъ, спросилъ я у Вишерцевъ въ с. Богородскомъ.

„Ми висерись, а кедрра растеть Печора (мы вишерскіе, а кедры на Печорѣ) отвѣтили вишерцы.

Да вѣдь и на Вишерѣ есть, настаивалъ я.

„Абу, абу (нѣту) упорно отрицали зыряне, принявъ меня за какого то сыщика.

Оказывается кедровые лѣса безпощадно вырублены. Той же участи подвергаются и печорскіе кедровые лѣса.

Здѣсь какъ въ сказкѣ господина Лафонтена мужикъ воистину убиваетъ курицу, несущую золотыя яйца.

Представьте средній кедръ даетъ отъ 500 до 1000 шишекъ, а самый крупный столѣтній гигантъ до 2000 шишекъ. Изъ одной тысячи очищается орѣха около пуда, стоимостью въ 3—5 рублей, а двѣ тысячи стало бытъ стоять 6—10 р.

Передъ вами открывается зеленѣющій садъ, сохраняющій почти круглый годъ одинъ и тотъ же цвѣтъ.

Зырянинъ не додумался до такой простой вещи, чтобы поставить лѣстницу для снятія шишекъ, а катаетъ наповалъ вѣковые кедрры.

Съ наступленіемъ сентября драгоцѣнныя деревья падаютъ, подвергаясь гніенію, потому что кедровая древесина не находитъ никакого употребленія, такъ какъ слишкомъ нѣжна, мягка.

Такъ изъ года въ годъ рѣдѣетъ дѣвственный садъ, раскинувшійся на нѣсколько тысячъ квадратныхъ верстъ; цвѣтущее зеленѣющее пространство, гдѣ звучитъ пѣсня клеста, сорочки, льются беззаботныя трели жаворонка, обращается въ мертвую пустыню, надъ которой носятся тучи разнаго гнуса, копошатся міриады черья, истребляющаго мертвечину.

Роковой стукъ топора не доносится до слуха ли-

хихъ охранителей государственнаго достоянія, преслѣдующихъ съ неумолимой строгостью мужика чуть не за каждый срубленный колъ, особливо когда незаконная порубка чинится подъ окнами ихъ квартиры.

Постепенно падаетъ хвойная стѣна, защищающая жизнь и растительность средней полосы Россіи отъ губительныхъ полярныхъ вѣтровъ.

Тѣмъ не менѣе въ Печорскій край не только боятся заглянуть земскіе начальники, безъ которыхъ благодаря Бога дѣло идетъ нисколько не хуже, но чтобы расшевелить лѣсную охрану нужно на „подъемъ“ столько золота, сколько вѣситъ соотвѣтствующая лѣсная особа.

Опять же и то надо сказать: не легко забраться въ эту глушь, почти на полтора ста верстѣ ни одной деревушки, сплошное дикое царство, гдѣ орудовала фирма Ульсенъ—Стампе.

Г. Управляющій Государственныхъ Имуществъ говорилъ мнѣ, что изъ проданнаго Ульсенъ Стампе милліона слишкомъ бревенъ, лѣсопромышленникъ вывезъ лишь только одну четвертую часть, а это обстоятельство, по мнѣнію управляющаго указываетъ на невыгодность и трудность вывоза лѣса, особенно по цѣнѣ, взятой Ульсенъ Стампе, ибо въ противномъ случаѣ, предприниматель вывезъ бы весь милліонъ, закупленный имъ по условію съ Управленіемъ.

Шумиха, затѣянная газетными еврейчиками по поводу „Печорскихъ хищеній“, есть не болѣе какъ утка, пущенная съ цѣлью уязвить начальство; но какъ поручиться за достовѣрность цифры, что Ульсенъ Стампе вывезъ 250 т. бревенъ, я не два съ половиной милліона, когда черезъ наши всюду разставленные заставы и таможни проходятъ контрабандой цѣлые караваны.

Напримѣръ въ прошломъ году Вымскій лѣсничій продалъ секвестрованный лѣсъ по удешевленной (крестьянской) таксѣ крестьянину, который, улизнувъ черезъ всѣ заставы, прелюбополучно сплавилъ лѣсъ за границу.\*

А высшее начальство поживаетъ беззаботно: молъ тамъ заставы...

Надо бы съѣздить на Печору, чтобы изучить пути и способы сбыта лѣсныхъ богатствъ, но во что влетитъ государству подъемъ одной особы?

Такъ и гниетъ драгоцѣнный матеріаль, а рѣдкое населеніе жалко прозябаетъ, долбя камень.

Я говорю про брусную гору на Печорѣ.

Гора эта пожалована Императрицей Екатериной II крестьянамъ четырехъ волостей печорскаго края въ вѣчное пользованіе.

Много лѣтъ крестьяне сдавали гору въ аренду частнымъ предпринимателямъ. Первымъ арендаторомъ горы былъ Устьысольскій купецъ Латкинъ, владѣвшій промысломъ 36 лѣтъ. Въ послѣдствіи арендовалъ гору Екатеринбургскій купецъ Симоновъ, арендный срокъ котораго кончился въ 1903 году, а въ настоящее время гора никому ни сдана: крестьяне сами занимаются обработкой точила, брусевъ, сбывая пріѣзжающимъ сюда скупщикамъ, но спросъ на точило не великъ, уменьшаясь съ каждымъ годомъ. Вѣроятно не далеко время, когда и на Печору доставятъ камень норвежской обработки, ибо ежегодно ввозится въ Россію иностраннаго камня на семь слишкомъ милліоновъ рублей! Тогда какъ у насъ своего камня на Печорѣ цѣлыя горы и какой камень-то, не чета какому нибудь норвежскому; но послѣдній худшаго качества, а лучше обработанный, всюду вытѣсняетъ наше точило и брусья печорскаго производства.

Прежде при арендаторѣ добыча и обработка точила производилась крестьянами по 40 коп. съ пуда и съ обязательствомъ сдачи товара исключительно арендатору, за каковое право послѣдній и платилъ аренду, независимо отъ заработной платы. Арендная плата колебалась отъ 3-хъ до 12-ти тысячъ руб. въ годъ. Годовая производительность доходила 250 тыс. пуд. Стои-

мость точила съ доставкой въ Чердынь и др. пункты Пермской и Вятской губерній обходится въ 1 р.—1 р.50к. тогда какъ продается точило 2 р. 50 к. пудъ.

Нынче Устьсыольское земство съ цѣлью распро-страненія сбыта посылаетъ своихъ агентовъ въ Ирбитскую ярмарку и др. пункты, но врядъ ли земству удастся оживить упавшее или вѣрнѣе не развившееся производство.

А между тѣмъ одна эта промышленность могла бы обратиться въ многомилліонное дѣло: печорское точило и брусья, при условіи усовершенствованія техники производства, займетъ безспорно господствующее положеніе не только на внутреннемъ рынкѣ, но и за границей.

### „Въ дебряхъ сѣвера“.

Изъ краткихъ набросковъ читатель уже знаетъ, что несмотря на богатѣйшія земли, лѣса, разнообразныя промыслы, на Вычегдѣ не сложилось цвѣтущихъ сель, а наоборотъ всѣ отрасли хозяйства находятся въ низшей стадіи развитія, на лучшихъ жемчужинахъ края образуются какія то болѣзненные явленія.

Совершенную противоположность представляютъ Вымское населеніе и Удорскій край, о которомъ поговорю потомъ, когда поѣду въ село Важгорть на Крещенскую ярмарку, а теперь познакомлю читателя съ вымскими зырянами.

Какъ только направишься изъ знакомаго намъ села Устьвымъ вверхъ по Выми на лѣвомъ и правомъ берегахъ ея разбросаны мелкія деревушки, на которыхъ я не стану останавливать вниманіе читателя, а перенесусь прямо въ село Серегово, двадцать верстъ выше Устьвыми.

Съ самаго устья Выми виднѣются причудливыя очертанія Сереговскихъ холмовъ, какъ бы громоздящихся одинъ на другой полукругами, господствуя надъ вер-хушками лѣсовъ, надъ безконечно разливающимся хвой-нымъ моремъ.

Большіе новые дома стоятъ правильными рядами на красивомъ уклонѣ живописно опускающемся къ Выми.

Какъ только освободятся пространства съвера отъ ледяныхъ оковъ и снѣжныхъ сугробовъ, и вплоть до осеннихъ заморозковъ и новыхъ сугробовъ, Сереговскій уклонъ покрывается бархатнымъ ковромъ зелени, представляя чудный лугъ, на которомъ расположились чистые и опрятно содержимые дома Сереговцевъ, какъ бы въ отличіе отъ нашей деревни, сплошь кудахтающей по уши въ грязи.

Въ Сереговѣ искони существуютъ соляные промыслы. Нѣкогда добычей и вываркой соли занималась Чудь, предки нынѣшнихъ зырянъ, но въ настоящее время Серегово—это единственное славянское пятно въ зырянскомъ царствѣ и надо сказать культурное пятно, ибо сереговцы не только могутъ гордиться чистотой и опрятностью, но и правальной русской рѣчью; здѣсь вы не услышите „цово“, „цево“, какъ цавкаютъ короткоязычные сухонцы или двиняне.

Первыми владѣльцами Сереговскихъ варницъ, которые сохранились въ памяти были: Панкратовы, Рыбниковы, Витушешниковы, а впоследствии долго владѣла промысломъ Бѣломорская компанія, которая около 20 лѣтъ назадъ продала заводъ съ лѣсной дачей, размѣромъ въ 10.000 десятинъ всего на все за 60.000 руб., нѣкому А. В. Булычеву, который часть дачи  $2\frac{1}{2}$  тыс. десятинъ пожертвовалъ имъ же основанному женскому монастырю, а четыре тысячи десятинъ наслѣдники Булычева продали Суркову и К<sup>о</sup> за 60.000 руб.

Съ этихъ 4-хъ тысячъ десятинъ Сурковъ вывезъ 500.000 бревенъ, за которыя пришлось бы уплатить одной пошлины болѣе милліона рублей!

Когда впервые мужики пришли въ дачу рубить бревна, то стояла такая чаша, что не куда было упасть дереву, а надо было валить подъ рядъ цѣлый десятокъ и больше деревь.

Нынче означенное лѣсопромышленное товарищество Сурковъ и К<sup>о</sup> перепродаетъ дачу какому то иностранному обществу кажется за 100.000 руб., которое собирается устроить въ Сереговѣ лѣсопильный заводъ. Въ теченіе десятка лѣтъ общество предполагаетъ вывести не мѣнѣе полутора милліона бревенъ, т. е. милліона на три рублей. Такимъ образомъ всего съ 4 тысячъ дес. будетъ около 2 милліоновъ деревь, считая по 2 руб. одной пошлыны, на четыре милліона рублей, а стало быть стоимость всей дачи слѣдуетъ опредѣлить приблизительно въ 10 милл. рублей.

Такое то имущество—заводъ съ варницами и амбрами покойная Бѣломорская компанія сплавила за 60 тысячъ руб.

Нѣмецкое товарищество Сурковъ и К<sup>о</sup>, снявъ сливки съ дѣвственныхъ лѣсовъ, передало этотъ драгоценный питомникъ другой иностранной компаніи, которая безспорно исчерпаетъ все до послѣдней мутофки; а непутевые наслѣдники русскаго предпринимателя чего добраго свалятъ кому нибудь тысячь за шестьдесятъ, конечно какимъ нибудь иностранцамъ, что нынѣ рискуютъ по сѣверу, разнюхивая лакомые кусочки и остальные  $3\frac{1}{2}$  тыс. десятинъ.

Впрочемъ наслѣдники Булычева: Бѣляевская, Гурылева, Булычевъ „владѣютъ“ Сереговскимъ солевареннымъ заводомъ.

Но увы и ахъ! Что это за безнадежно тупые предприниматели! Прежде въ сереговскихъ варницахъ вываривалось соли около 400 тыс. пуд. въ годъ. Въ послѣдніе годы производство сократилось до 150 тысячъ, а въ 1907 г. съ 1 августа и вѣроятно до весны 1908 г. варницы будутъ бездѣйствовать.

Между тѣмъ производство сереговской соли могла бы развиваться до милліона пуд. въ годъ, а благодаря своимъ высокимъ качествамъ сереговская соль найдетъ широкій сбытъ далеко за предѣлами Вологодской губ.

Но чтобы оживить производство остается исходъ: или передать промыселъ въ руки иностранцевъ или экспроприровать въ эксплуатацію „товарищей“, такъ какъ ожидать отъ нынѣшнихъ владѣльцевъ завода какихъ-либо улучшеній нѣтъ никакихъ основаній.

Выварка сереговской соли со всѣми расходами обходится не дороже 15 коп. пудъ, а продается соль: въ Сереговѣ 40 к. пудъ торговцамъ 38 к., въ Устюгѣ, гдѣ конкурентомъ ея является пермянка, цѣна на соль падаетъ до 30 к., но въ Устьсыольскихъ дебряхъ цѣна повышается до 60 и даже 80 коп. за пудъ, такъ что зыряне буквально вынуждены ограничивать потребление до минимума, оставляя безъ засола грибы, рыбу, составляющіе существенный предметъ питанія.

Если не будутъ предприняты мѣры въ смыслѣ улучшенія промысла, то необходимо открыть доступъ въ Устьсыольскій уѣздъ пермской соли путемъ пониженія тарифа на провозъ по Пермь-Котласской ж. д.

Само собой понятно, цѣлесообразнѣе было бы поднять промыселъ, замѣнить допотопную технику выварки, ввести новую систему управленія. За сохраненіе промысла говорить и тотъ фактъ, что здѣсь пропадаетъ въ лѣсахъ сухостой, прекрасный матеріалъ для топлива, который въ противномъ случаѣ не найдетъ никакого примѣненія.

Я уже сказалъ, что на нынѣшнихъ владѣльцевъ плохая надежда. Напр. получая безъ всякой затраты капитала на оборотныя средства, такъ какъ соль по мѣрѣ выварки и продается, на одинъ пудъ соли чистой прибыли 15—25 коп., наши грошевики заводо-владѣльцы до такой степени понизили заработную плату, что кажется дальше ужъ ѣхать не куда. Солеварь за свой 24-хъ часовый трудъ (другія сутки отдыхъ) въ адской жарѣ безъ сна и отдыха получаетъ 13—15 р. въ мѣсяцъ, не зная праздника, а чтобы заработать двугривенный въ день заводская бросальщица должна ски-

дать въ варничное окно четыре съ половиною кубических саж. дровъ! т. е. по  $4\frac{1}{2}$  коп. съ куба!

Царство небесное! Не мало бросальщицъ отправилось къ праотцамъ прямо отъ варничнаго окна, а несчастный солеваръ порой такъ ухайдакается, что поднимаютъ въ гору прямо на дровняхъ!

Съ цѣлью урегулировать трудъ, недавно прїѣзжалъ изъ Вологды горный инженеръ, который „дѣйствуя“ подъ парами шипучки, лежа на уютномъ диванѣ въ заводскомъ домѣ, восклицалъ: прекрасно созданъ Божій свѣтъ! Да недурно, только не для солеваровъ и бросальщицъ.,.

Въ прошломъ году мужики за доставку дровъ накинули плату. Поэтому дровъ не заготовлено, а заводчикъ наверстываетъ на барышахъ заводской лавки, которую сереговцы прозвали „грабиловкой“, такъ какъ за все дерутъ въ три дорога.

Оставимъ расписывать цвѣты русской предприимчивости, а вскарабкаемся на живописно раскинувшуюся сереговскую гору, куда 24 Юня на „Ивановскую ярмарку“ собирается „вся Вымь“, какимъ то чудомъ выползаютъ обитатели Синдорской деревушки, схоронившейся верстъ за семьдесятъ отъ р. Выми въ такой глуши, что въ лѣтнюю пору не проберется никакая душа.

За нѣсколько дней до Иванова дня Вымь представляетъ оживленную картину, вереницами несущихся лодокъ.

Въ Сереговѣ на берегу Выми огромная отмель сплошь запружена на бокъ опрокинутыми лодками, поставленными одна противъ другой въ разстояніи 1—2 аршина. Лодки покрываются еловой корой или берестой, образуя шалашъ, гдѣ и живутъ зыряне пока не распродадутъ рыбу и др. промыслы. Возлѣ лодокъ горятъ огни, не угасая ни днемъ, ни ночью, какъ и жизнь муравейника бьетъ ключомъ не умолкая.

Цѣны на семгу въ этомъ году были отъ 10—12 р. за пудъ, харіусъ, синдорская щука 2—3 р.

Устюгскіе торговцы закупили масла около 2 т. пуд. по цѣнѣ 8 р. за пудъ. Надо замѣтить, что вымичане масла почти не продаютъ, а доставляютъ его сюда больше съ Вычегды.

Ивановская ярмарка для зырянина—это праздниковъ праздникъ, котораго онъ ждетъ не дождется круглый годъ.

Здѣсь вымичанинъ обмѣнивается мыслями и чувствами, парни и дѣвушки заводятъ знакомства, кончающіяся зачастую узами гименея.

На горѣ среди села „гостинный“, около котораго стоитъ невообразимая давка. Зырянка во что бы то ни стало протискается непременно въ ту лавку, гдѣ и безъ того биткомъ набито, хотя бы сосѣдняя лавка совершенно пустовала.

Купцы устюжане буквально задавлены требованіями, но вымичанка въ этомъ дѣлѣ вообще недовѣрчива и обойдетъ разъ десятокъ гостинный, выбирая мича-жикъ (получше), но а кончается тѣмъ, что плутоватый устюжанинъ сплавляетъ такую дрянъ, что просто хоть не гляди.

Здѣсь около гостиннаго кипитъ торговая жизнь, тогда какъ подъ горой на берегу Выми господствуетъ чисто праздничное настроеніе.

Немного выше отмели на зеленомъ уклонѣ толпятся группами парни и дѣвушки, разодѣтые въ праздничные наряды. Издали краснѣть море головъ, украшенныхъ цвѣтами и видами.

Трудно представить, какъ чувствуетъ дѣвушка какой-нибудь Синдорской деревушки, изолированной отъ міра десятками, а воднымъ путемъ и сотнями верстъ, которые нужно пройти лодкой, чтобы выбраться, колеса по рѣчкамъ, такъ какъ хотя прямо отъ Синдорскаго озера до Выми семьдесятъ верстъ, но попасть этимъ путемъ очень трудно.

Нельзя представить, какъ чувствуетъ себя молодежь, попавшая изъ этой глуши въ мирное, беззаботное собраніе юности.

Плавно несутся звуки марсельезы подь аккомпаниментъ гармоникки, хотя здѣсь нѣтъ конечно почвы къ революціи, а просто мирное торжество лучшей поры жизни, проникнутое очаровательной поэзіей красоты.

Уже давно „бѣлая ночь“ окутала нѣжно дымчатымъ покровомъ пространства сѣвера, а бесѣда не умолкаетъ. Сидятъ парочками. Если дѣвушка не садится на колѣни парень, то это осуждается и дѣвушка пользуется дурной славою: „ну, говорятъ зыряне, ее и парни то не любятъ.“

Но да не заподозрить читатель зырянку въ легкомыслии.

Звуки пѣсни плавно несутся въ глубь окружающихъ лѣсовъ, откуда изрѣдка доносятся отвѣтные: „ку, ку“, да прокричить стая утокъ, мелькнувшая надъ рѣкой.

Тихая свѣтлая ночь идетъ незамѣтно. Бесѣда льется, неомраченная пьяными криками бессмысленной частушки.

„Кыче воке (куда братъ), спрашиваетъ молодой парень товарища по бесѣдѣ. Посмотрѣть на лодку—отвѣчаетъ тотъ. Другого названья я не слышалъ. Да тутъ всѣ братья. Ни тѣни злобы, ни слова ругани. Не вѣрится, что это дѣти природы, воспитавшіяся въ суровыхъ условіяхъ лѣсной жизни.

Возлѣ лодокъ горятъ огни. Высоко вздымаются бѣлые столбы дыма, разстилаясь бѣлой пеленой надъ Вымью.

Вотъ ужъ солнце встаетъ изъ-за верхушекъ лѣсовъ, а бесѣда не умолкаетъ: казалось усталость и сонъ забылись.

Потянулись въ гору телѣги, нагруженные товарами, закурились избы, началась обычная ярмарочная суето-лока. На берегу толпа понемногу рѣдѣетъ, молодежь

скрывается подъ лодки, довольная упоенная, пріятнымъ, душу оживляющимъ весельемъ.

Этотъ праздникъ вымичанина продолжается собственно четыре—пять недѣль въ году, а затѣмъ онъ углубится въ лѣсную чашу, верстъ за сто—двѣсти отъ дома, гдѣ и коротаетъ чуть не всѣ одиннадцать мѣсяцевъ года.

Сереговцы занимались искони заводской работой и только въ послѣдніе годы съ упадкомъ производства соли стали работать бревна. Сравнительно живутъ здѣсь исправно за исключеніемъ двухъ-трехъ десятковъ заводскаго малоземельнаго люда.

Начиная отъ Серегова вверхъ по Выми, вы уже не можете не почувствовать крупной перемѣны во всемъ укладѣ жизни.

Первая отъ Серегова деревушка Кошки 40 дворовъ. Здѣсь живутъ учитель и учительница, возводится многотысячное зданіе школы, тѣмъ не менѣе кошецкіе граждане весьма скептически относятся къ нынѣшнему школьному просвѣщенію, а не дальній примѣръ всего въ 5 верстахъ отъ Кошекъ „Сереговской образцовой школы“, навѣваетъ такой пессимизмъ, что болѣе пылкіе души называютъ школьное дѣло въ современной постановкѣ прямо бесполезной затѣей. На самомъ дѣлѣ сереговская образцовая земская школа существуетъ около 40 лѣтъ. Пора казалось бы дать свой плодъ, тѣмъ болѣе, что и учителя здѣсь все образцовые, получающіе за успѣшное просвѣщеніе похвальные отзывы соотвѣтствующаго начальства. Но въ строѣ жизни никакихъ измѣненій къ свѣту и прогрессу: та же соха ковырялка, а нервосортные поля прямо хоть бросай. За то сереговскіе парни въ каждое Воскресенье, нализавшись какъ слѣдуетъ и обнявшись другъ съ дружкой, отхватываютъ такія частушки, что семидесятилѣтки пускаются въ припрыжку.

Было бы вообще плохо, если бы не лѣсныя дачи, что даютъ еще заработокъ сереговцамъ.

12 верстъ выше „Кошекъ“ дер. Половники, обойденная школой, плохенькія поля, а сѣно собираютъ мужики по клочкамъ въ лѣсахъ, удаляясь отъ дому порой за сотню верстъ. Несмотря однако на столь существенныя неудобства, деревня Половники можетъ считаться прямо исправной: новые дома съ большими свѣтлыми окнами, въ каждой избѣ самоваръ, а у рѣдкаго въ подвалѣ не схоронена сотня—двѣ на черный день.

Затѣмъ на протяженіи почти ста верстъ вверхъ по Выми идутъ слѣдующія крупныя села: Княжногость, Кыркочъ, Шошки, Отла, Онежье, Турья, Кони и Веслянское.

Во всѣхъ перечисленныхъ селеніяхъ устроены школы, хотя вымичане болѣе двухъ зимъ ни въ какомъ случаѣ не позволяютъ дѣтямъ навѣщать школу, а многіе и совсѣмъ не посѣщаютъ.

Необходимо отмѣтить слѣдующій фактъ, что по всей Выми до села Веслянскаго лучшіе луга принадлежать крестьянамъ села Серегова, а вымичане забираются въ лѣса, гдѣ и страдают сѣно.

Тѣмъ не менѣе вотъ краткія свѣдѣнія о зажиточности вымскихъ крестьянъ.

Село Веслянское 80 дворовъ, изъ нихъ неимѣющихъ сбереженій на черный день два три домохозяина, а остальные имѣютъ не по сотнѣ и двѣ, какъ въ Половникахъ, а по тысячѣ—двѣ и даже больше. Имѣющіе сотню—двѣ и держащіе по двѣ три коровы принадлежать къ числу захудалыхъ. Исправные, коровъ держатъ по 7—8, но ни молока ни масла за очень рѣдкими исключеніями почти не продаютъ. Вообще можно сказать, что вымичанинъ живетъ, что „сыръ въ маслѣ купается“.

Село Кони, слѣдующее отъ Веслянскаго внизъ по Выми точно также неисправныхъ крестьянъ почти нѣтъ. Далѣе внизъ по Выми будетъ огромное село Турья, гдѣ болѣе половины домохозяевъ изъ всего числа 150 про-

бываются кое какъ. Причина упадка: лѣнь, пьянство, укоренившіяся издавна. Затѣмъ остальные села Онежье, Отлы, Шошки, Кыткочъ и Княжпогость отличаются высокою зажиточностью, а нѣкоторые Шошецкіе зыряне живутъ въ такихъ хоромахъ, что дай Богъ имѣть средней руки помѣщику.

Представьте лицевая сторона дома пять саж. длины, здѣсь двѣ горницы и изба, а въ задней части дома одна изба и повѣтъ надъ дворомъ. Нѣкоторые мужики оцѣниваютъ дома тысячи въ полторы-двѣ рублей.

Выше я сказалъ что лучше поемные луга, разстилающіеся подъ самыми окнами этихъ хоромовъ косятъ Сереговскіе крестьяне, проходящіе за сто верстъ.

Полтора, а можетъ быть и два вѣка назадъ здѣсь были „черные годы“. Хлѣбъ родился плохо часто вызябая, такъ какъ стояли непочатые лѣса, сохранявшіе въ тѣни огромные запасы влаги и прохлады, вызывая ранніе губительные заморозки. Вотъ въ эти то времена, когда нужда часто заставляла людей питаться древесной корой, владѣльцы Сереговскаго солевареннаго завода и скупали за безцѣнокъ лучшіе луга. Такъ были скуплены и закрѣплены луга на всемъ протяженіи Выми, а послѣ освобожденія крестьянъ владѣльцы завода дали луга своимъ бывшимъ крѣпостнымъ крестьянамъ Сереговской волости, которые и по сіе время пользуются ими.

И вотъ теперь съ Петрова дня вымичанинъ забирается въ лѣса версъ за 50—100, гдѣ въ началѣ страдаетъ сѣно, собирая по клачкамъ. При хорошей погодѣ уборка кончается скоро, но это случается не часто: ненастье задерживаетъ страждущихъ до Успенья, но изъ 3—5 человекъ—двое остаются въ лѣсу заготовлять плоты для сплава сѣна. Около Рождества Богородицы къ оставшимся въ лѣсу снова приходятъ изъ дому, принося кое какіе припасы хотя сухари заготовляются еще въ мартѣ. Пришедшіе опять возвращаются

домой, сплавливая сѣно на плотахъ, а тѣ опять остаются потому что подошла пора бить рябчика. Эта охота продолжается мѣсяць. Затѣмъ около Покрова многіе начинаютъ бить осеннюю бѣлку, а уже въ концѣ ноября принимаются за бревна. Заготовка бревенъ продолжается вплоть до конца февраля. На недѣлю къ празднику Рождества зыряне выѣзжаютъ изъ лѣсу домой, но послѣ крещенья, а то и на другой день Васильева дня заѣзжаютъ въ лѣсъ, гдѣ и находятся почти безвыѣздно до сплава лѣса въ маѣ мѣсяцѣ. Какъ уже сказано заготовка бревенъ происходитъ до конца февраля, а какъ кончили ихъ вывозку, сейчасъ же берутся за промыселъ на весеннюю бѣлку. Это одинъ изъ мучительнѣйшихъ видовъ охоты. Промышленникъ, сложивъ всѣ необходимѣйшіе припасы на нарты (легкія санки) айда за бѣлкой, которая идетъ волной подобно несущемуся потоку, охватывающему извѣстную мѣстность. Около мѣсяца вымичанинъ ночуетъ подъ елью, до такой степени умаиваясь, влача день деньской за собою нарты, что съ цѣлью облегчить грузъ на нартахъ бросаетъ черенокъ отъ шила! Ночуя у разведеннаго костра подъ елью, промышленникъ мечтаетъ о лѣсной избушкѣ какъ о нѣкоей райской обители! Въ началѣ апрѣля зырянинъ-вымичанинъ уже на катищѣ бревенъ, готовясь къ сплаву. Если ранняя Пасха и поздняя весна, то на нѣсколько дней выходитъ изъ лѣсу, чтобы встрѣтить свѣтлый праздникъ, но зачастую этотъ праздникъ онъ проводитъ въ лѣсу, бродя по горло въ водѣ во время выгонки бревенъ.

Охъ, тяжела трудовая жизнь вымичанина! только сроднила его съ ней вѣковая привычка; только подъ ударами суровой природы закалилась столь изумительная выносливость.

Страдная пора для вымичанина это дѣйствительно сплошное страданіе. Страдаетъ онъ не только отъ мучительныхъ трудовъ уборки сѣна, но и отъ разнаго тамъ гну-

са, что носится тучами надъ его несчастной головой. Порой комары и мошки доводятъ человѣка до изступленія, но больше горя зырянину причиняетъ „косолапый“ ужь если этотъ гость повадился къ вамъ въ избушку, дѣло очень скверно. Мишка не только пожираетъ хлѣбъ, шаньги и проч., но порой разворачиваетъ лѣсное убѣжище, отыскивая съѣстное. Однажды промышленники спрятали хлѣбъ на высокую ель почти на вершину, но и это не спасло: придя къ избушкѣ они увидѣли лишь клочья мѣшковъ, развѣвающихся на сучьяхъ.

Такова въ краткихъ словахъ картина трудовой жизни вымичанина.

Цѣною этихъ усилій, цѣною неимовѣрныхъ лишеній и невзгодъ семья, состоящая имъ 3—4 работниковъ добываетъ до 1.000—1.200 руб., кромѣ рыбы, птицы, молока, масло, грибовъ, ягодъ, что потребляетъ вымичанинъ вдоволь. Непримѣръ трехфунтовый сигъ едва, едва хватаетъ одному пообѣдать! А во время промысла осенняго одна крупная тетерка составляетъ умѣренный завтракъ промышленника. Какъ лакомое блюдо готовится на скорую руку каша, состоящая изъ муки и масла. И вотъ если перевести все что потребляетъ вымичанинъ на деньги, то годовой бюджетъ его выразится въ суммѣ не менѣе 2500 руб.

Денежная часть бюджета слагается изъ слѣдующихъ статей. Заготовка бревенъ на трехъ рабочихъ съ двумя лошадьми даетъ отъ 500—700 р. Осенкей и весенней бѣлки въ среднемъ придется на одного ста три ченыре, а на троихъ 900—1200 штукъ стоимостью 220—300 р., считая бѣлку по 2 р. 50 к. за десятокъ, да рябчика три промышленника убьютъ не менѣе 300 паръ; считая за пару по 30—35 к. рябчиковый промыселъ доставитъ минимумъ 100 рублей, кромѣ того ловля зайца, куропатки, звѣря даетъ не менѣе 100—200 р.

Нынче весь вымскій промыселъ: рябчика, бѣлку ску-

пасть нѣкій Козель Пашъ (Козловъ Павелъ) по очень низкимъ цѣнамъ, которыя самъ Козель и устанавливаетъ, такъ какъ онъ не допускаетъ мелкихъ конкурентовъ. Напримѣръ на рябчика онъ назначить цѣну 30—33 к. за пару и быть по сему, хотя самъ продаетъ въ Петербургѣ, Москвѣ по двойной цѣнѣ, а за доставку съ Выми до столицъ уплачиваетъ, максимумъ, пять коп. съ пары.

Этотъ же самый „Козель Пашъ“ поставляетъ на всю Вымь и главный предметъ питанія — хлѣбъ, сбывая въ этой глуши разную гниль по безбожно высокой цѣнѣ.

Напримѣръ наша Пермь-Котласской ж. д. больше бываетъ занята перевозкой Сибирской пшеницы Дрейфусовъ, Нотансоновъ и др., направляющейся дляграничнаго экспорта ежегодно въ размѣрѣ около 10 мил. пуд. По этой же Пермь-Котласской дорогѣ идетъ около 2 $\frac{1}{2}$  милл. пуд. для нуждъ сѣвернаго края, но хлѣбоотправители, снабжающіе населеніе сѣвера ждутъ мѣсяцы очереди отправки, а въ это время мука гниетъ на станціяхъ отправленія. Въ Петербургѣ летятъ соответствующимъ министрамъ телеграммы, что молъ хлѣбъ гниетъ, народъ голодаетъ, переплачивая кулакамъ въ три дорога; но развѣ можно остановить золотой потокъ, движущійся въ карманы Дрейфусіады? Въ 1906 г. на перевозкѣ изъ Сибири за границу 10 милл. пудовъ еврейчики заработали чистоганомъ 3 милл. руб. взяли барыша по 30 к. на каждый пудъ пшеницы. Покупали пшеницу на мѣстѣ 45—50 к., доставка отъ Челябинска до Лондона черезъ Котласъ—Архангельскъ обходится со всѣми расходами 30—33 к., а всего пудъ пшеницы въ Лондонѣ стоилъ экспортеру 75—80 к., тогда какъ цѣны нанеѣ были на лондонскомъ рынкѣ 1 р. 10 к.—1 р. 15 к.

И вотъ какъ только сѣверный хлѣбъ сгниетъ, сдѣлается отъ долгаго пребыванія подъ дождемъ никуда не

годнымъ его сейчасъ же и доставлять въ Котлась, куда налетаютъ, какъ вороны на мертвечину, разные тамъ Козель Паши и Гурыль Паши, покупая гниль за безцѣнокъ, а затѣмъ пересыпавъ гниль въ новые мѣшки везутъ на своихъ пароходахъ въ вымскую глушь: тамъ что хошь съѣдятъ.

Такъ, сбывая эту гниль по безбожно высокой цѣнѣ Козель Пашъ закабалилъ подъ свою власть чуть не всю пьяную и лѣнивую „Турью“, да и не одну Турью, а чуть-чуть кто свихнулся, глядишь ужъ несчастный опутанъ сѣтью кулака.

На всѣхъ крупныхъ рыбныхъ промыслахъ: Сѣверной Двинѣ, Печорѣ вы встрѣтите скупщиковъ, специально приѣзжающихъ изъ Петербурга для покупки семги, осетра, но на Вымъ пока не заглядываетъ ни кто, хотя это самый промышленный уголокъ сѣвера, представленный въ полное ратпоряженіе Козель Паша, который орудуетъ здѣсь со всей жадностью хищника, вымѣнивая за безцѣнокъ купленную гнилую муку—цѣнные прелметы вымскаго промысла.

Читатель уже видѣлъ какъ коквицкіе франты, закрутивъ усы а Іа Вильгельмъ и надвинувъ на темя шляпу а Іа Пушкинъ празднуютъ память „Кирика и Улиты“.

Теперь я на минутку остановлюсь въ селѣ Шошки, гдѣ празднуютъ Рождество Богородицы.

Отъ села Коквиць до Шошекъ разстояніе верстъ около 80, а по плодородію горы и удобству разнообразныхъ промысловъ Коквицкіе граждане въ неизмѣримо лучшихъ условіяхъ, чѣмъ Шошецкіе, но какая разница во всемъ укладѣ жизни!

Еще наканунѣ „Кирика и Улиты“ Коквицкій мужикъ удрученъ заботой какъ бы и гдѣ раздобыться хлѣбомъ, грибами, картофелемъ.

Но загляните въ избу шошецкаго мужика? Пива навариваютъ цѣлыя бочки. Водки семейные покупаютъ

ведра по три, а къ Рождеству Христову и всё пять. Въ углу у самой печки наложены горы рыбниковъ, манегъ лепешекъ. На полу стоитъ кадушка, въ которой вы насчитаете десятка два—три глухарей, тетерокъ. Горы шанегъ, рыбниковъ сложены пирамидообразно, увѣнчаны козульками и ватрушками. Такъ что впервые попавшій подумаетъ: ужъ не забрелъ ли онъ по ошибкѣ въ обжорный рядъ.

Въ Шошкахъ въ „Богородицынъ день“ я зашелъ къ знакомому мужику средняго достатка и какъ разъ попалъ во время обѣда, который къ слову сказать продолжается чуть ли не весь день, а по здѣшнему обычаю, возведенному въ законъ, пришедшій, кто бы ни былъ, хошь не хошь, но садись за столъ.

Огромная изба заставлена рядами столовъ, за которыми чинно возсѣдали гости, обильно угощаемые гостеприимными хозяевами.

Радушный хозяинъ въ красной рубашкѣ, самъ покрасивши какъ кумачъ, словно подъ цвѣтъ рубашки сразу оглушалъ гостя чайнымъ стаканомъ водки, а потомъ ужъ исподволь на перемѣну подносилъ: то рюмку водки, то чашку пива.

Тѣмъ временемъ хозяйка, расфрантившись въ красный сарафанъ съ пѣтухами немножко пониже колѣнъ, безъ устали сновала отъ печки къ столу и обратно, безъ устали подкладывала съѣстное, какъ бы стараясь убѣдить въ въ неистощимости запасовъ.

„Закусите чѣмъ Богъ наградилъ, безъ умолку твердила хозяйка, обкладывая гостей рыбниками, шаньгами, лепешками и ватрушками, такъ что другой гость сидѣлъ дѣйствительно, какъ торговецъ въ обжорномъ ряду, заваленный по уши снѣдью, только виднѣлась одна макушка...

Можно смѣло поручиться, что все, что обитало въ водахъ и окружающихъ лѣсахъ до самаго послѣдняго „еса“ (маленькой рыбки, какъ называютъ зыряне на-

шихъ сметковъ) было разставлено передъ гостями въ вареномъ, жареномъ, соленомъ и пареномъ видѣ.

Въ маленькихъ блюдечкахъ стояла на столѣ икра трехъ сортовъ, а изъ рыбныхъ пироговъ были слѣдующіе: съ щукой, харіусомъ, сигомъ, семгой; затѣмъ пошли мясныя блюда: супъ вареной тетерки, щи мясныя, жареныя тетерки, буквально плавающія въ маслѣ, потомъ разнообразныя здобнички, картофельники, блины съ икрой и проч. разновидности счетомъ дюжины полторы.

„Повому зятюшкѣ, новая часть“, проговорила хозяйка, сильно заалѣвшая отъ чрезвычайныхъ хлопотъ, поднося бравому гвардейцу такую завитушку, что у коквицкаго фронта потекли бы слюнки, но зятюшка только промычалъ (озъ-ковъ) не надо.

Послѣ каждого блюда гость набожно крестился, намѣреваясь выйти изъ за стола, но незамѣтно появившееся передъ нимъ новое блюдо съ неизмѣннымъ приглашеніемъ хозяйки „закусить чѣмъ Богъ наградила“ останавливали гостя и онъ снова кушалъ съ прежнимъ прилежаніемъ. Однако скоро, не смотря на приглашенія, гости всетаки стали выходить.

Замѣтивъ, что гости наконецъ серьезно рѣшили оставить столъ, хозяйка опрометью ринулась въ подполье, откуда извлекла огромную чашу морошки въ сметанѣ, но гости по немногу вылѣзали, только нѣкоторые сопя и похрюкивая, принявъ полулежачія позы, словно ошеломленные чѣмъ то тяжелымъ остались въ неподвижномъ состояніи.

Послѣ обѣда гостепріимный хозяинъ мой красный какъ кумачъ съ сіяющей, расплывшейся по всѣму лицу улыбкой, добродушно бесѣдовалъ съ сереговцами, что ежегодно, заходя вверхъ по Выми для сплава сѣна, норовять угодить въ Шошки, какъ разъ къ 8-му сентября.

Сѣно нынѣ у васъ хорошъ, конь будетъ кушать хлѣба не надо, такъ корошій сѣна у насъ нѣту, —про-

сто и искренно говорилъ хозяинъ, коверкая русскія слова, не выказывая ни тѣни злобы ни зависти, какъ будто рѣчь шла не о томъ сѣнѣ, не о тѣхъ лугахъ, что косятъ береговцы подъ его окнами, приходя за сотню верстъ и заставляя его идти въ лѣса собирать сѣно клочками.

„Вы бревно дѣлать будете, а мы урѣ, рябка бить станеть, потомъ ужъ и бревно корамъ“<sup>1)</sup>.

„А приказчикъ абу на воома“<sup>2)</sup>.

„Надувайте же“<sup>3)</sup>.

„Міянъ мойму керъ пондысѣ бракуйтны, зевъ буръ керъ велема, а коли, сесся кызъ вить шайтѣ зонапрасно сѣи“,<sup>4)</sup> словоохотливо повѣствовалъ хозяинъ своему собесѣднику, который давно уже нырнулъ головой на лавку, захрапывая во всю ивановскую.

Тѣмъ временемъ изба стала по немногу наполняться парнями и дѣвушками.

Узнавъ, что я живу въ С.-Петербургѣ, одна шустрая стрекоза, алая какъ роза, стыдливо прижавшись къ голбцу и кусая кончикъ платка, распрашивала меня подстрекаемая любопытствомъ:

„Тамъ вѣдь очень весело, подикосѣ дѣвки то баскіе сарафаны носятъ, не какъ мы, ковды-косъ петъ они хаживаютъ иль нѣтъ сѣно-то убирать па рѣчки въ лѣсъ?“

А на праздникѣ „Кирика и Улиты“ мужики осаждали меня вопросами:

„Что Министры-то не вышли въ отставку?“

„Дѣлаютъ ли нѣтъ, что косъ они нынче?“

1) Вы бревна дѣлать будете, а мы бѣлку, да рябчика бить станемъ, потомъ ужъ и бревна дѣлать.

2) А приказчикъ не пріѣхалъ еще?

3) Надуваетъ-же.

4) У меня въ прошломъ году бревна сталь браковать, очень хорошія бревна были, а оставилъ, потомъ двадцать пять рублей по напрасну съѣлъ.

шихъ сметковъ) было разставлено передъ гостями въ вареномъ, жареномъ, соленомъ и пареномъ видѣ.

Въ маленькихъ блюдечкахъ стояла на столѣ икра трехъ сортовъ, а изъ рыбныхъ пироговъ были слѣдующіе: съ щукой, харіусомъ, сигомъ, семгой; затѣмъ пошли мясныя блюда: супъ вареной тетерки, щи мясныя, жаренныя тетерки, буквально плавающія въ маслѣ, потомъ разнообразныя здобнички, картофельники, блины съ икрой и проч. разновидности счетомъ дюжины полторы.

„Новому зятюшкѣ, новая часть“, проговорила хозяйка, сильно заалѣвшая отъ чрезвычайныхъ хлопотъ, поднося бравому гвардейцу такую завитушку, что у коквицкаго франта потекли бы слюнки, но зятюшка только промычалъ (озъ-ковъ) не надо.

Послѣ cadaго блюда гость набожно крестился, намѣреваясь выйти изъ за стола, но незамѣтно появившееся передъ нимъ новое блюдо съ неизмѣннымъ приглашеніемъ хозяйки „закусить чѣмъ Богъ наградила“ останавливали гостя и онъ снова кушалъ съ прежнимъ прилежаніемъ. Однако скоро, не смотря на приглашенія, гости всетаки стали выходить.

Замѣтивъ, что гости наконецъ серьезно рѣшили оставить столъ, хозяйка опрометью ринулась въ подполье, откуда извлекла огромную чашу морошки въ сметанѣ, но гости по немногу вылѣзали, только нѣкоторыя сопя и похрюкивая, принявъ полулежащія позы, словно опеломленные чѣмъ то тѣжелымъ остались въ неподвижномъ состояніи.

Послѣ обѣда гостепріимный хозяинъ мой красный какъ кумачъ съ сіяющей, расплывшейся по всѣму лицу улыбкой, добродушно бесѣдовалъ съ сереговцами, что ежегодно, заходя вверхъ по Выми для сплава сѣна, норовятъ угодить въ Шошки, какъ разъ къ 8-му сентября.

Сѣно нынѣ у васъ хорошъ, конь будетъ кушать хлѣба не надо, такъ корошій сѣна у насъ нѣту,—про-

сто и искренно говорилъ хозяинъ, коверкая русскія слова, не выказывая ни тѣни злобы ни зависти, какъ будто рѣчь шла не о томъ сѣнѣ, не о тѣхъ лугахъ, что косятъ сереговцы подъ его окнами, приходя за сотню верстъ и заставляя его идти въ лѣса собирать сѣно клочками.

„Вы бревно дѣлать будете, а мы урѣ, рябка бить станеть, потомъ ужъ и бревно корамъ“<sup>1)</sup>.

„А приказчикъ абу на воома“<sup>2)</sup>.

„Надувайте же“<sup>3)</sup>.

„Міанъ мойму керъ пондысъ бракуйтны, зевъ буръ керъ велема, а коли, сесся кызъ вить шайтъ зонапрасно сѣн“,<sup>4)</sup> словоохотливо повѣствовалъ хозяинъ своему собесѣднику, который давно уже нырнулъ головой на лавку, захрапывая во всю ивановскую.

Тѣмъ временемъ изба стала по немногу наполняться парнями и дѣвушками.

Узнавъ, что я живу въ С.-Петербургѣ, одна шустрая стрекоза, алая какъ роза, стыдливо прижавшись къ голцу и кусая кончикъ платка, спрашивала меня подстрекаемая любопытствомъ:

„Тамъ вѣдь очень весело, подикосъ дѣвки то баскіе сарафаны носятъ, не какъ мы, ковды-косъ петъ они хаживаютъ иль нѣтъ сѣно-то убирать на рѣчки въ лѣсъ?“

А на праздникъ „Кирика и Улиты“ мужики осаждали меня вопросами:

„Что Министры-то не вышли въ отставку?“

„Дѣлають ли нѣтъ, что косъ они нынче?“

1) Вы бревна дѣлать будете, а мы бѣлку, да рябчика бить станемъ, потомъ ужъ и бревна дѣлать.

2) А приказчикъ не пріѣхалъ еще?

3) Надуваетъ-же.

4) У меня въ прошломъ году бревна стали браковать, очень хорошія бревна были, а оставилъ, потомъ двадцать пять рублей по напрасну сѣлъ.

„Нужда, хлѣба нѣту, а есть все надо...

„Подикась вѣдь ничего имъ не подѣлать съ нуждой то народной?..

На Выми водятся преинтересные типы. Съ однимъ изъ нихъ я познакомлю читателя въ предлагаемомъ разсказѣ.

### „Лѣсной дѣдушка“.

Ты вѣдь, навѣрно, не знаешь дороги, какъ пройти къ лѣсному дѣдушкѣ, обратился я къ маленькой дѣвчуркѣ, рѣзвившейся у овина за селомъ С.

„Хто-зо дѣдуску не знаетъ? изумилась дѣвчурка.

„Иди все прямо, будутъ другія дороги, а ты все дерзи прямо, попадетъ лѣсъ темный-претемный тамъ есь будетъ рѣчка, тутъ на увалѣ и зиветъ дѣдуска, подробно пояснила она.

Такая популярность дѣдушки объясняется не только тѣмъ что онъ уже доживалъ „десятый десятокъ“, но и особенностями его характера: добродушіемъ, прямою, а главное богатырскимъ сложеніемъ и необычайной физической силой.

Однажды дѣдушка плавалъ на баркѣ въ Устюгъ съ хозяйской солью. Это было еще въ крѣпостную пору.

Въ городѣ сдѣлался онъ предметомъ общаго вниманія. За нимъ всюду слѣдовала толпа парней, разглядывая съ любопытствомъ.

„Выходи на троихъ, назойливо приставалъ къ дѣдушкѣ какой то коренастый парень. Такъ что въ концѣ концовъ дѣдушка вскипѣлъ: схвативъ въ два приѣма человѣкъ съ полдюжины, онъ спустилъ ихъ подъ откосъ къ Сухонѣ.

Вотъ почему не только въ селѣ, но и въ уѣздѣ всѣ знаютъ дѣдушку, а становой да лѣсничій, нерѣдко даже и самъ исправникъ нарочно приходятъ, чтобы поглядѣть на него, какъ на ископаемаго великана.

Утомившись трудностями охоты, я добрался къ дѣдушкѣ уже при свѣтѣ луны, заливавшей дремучее царство сѣвера голубымъ сказочно-волшебнымъ свѣтомъ и не раздѣваясь прилегъ на лавку, гдѣ скоро и заснулъ мертвымъ сномъ.

„Филинь и совка неистово голосятъ, проворчалъ лѣсной дѣдушка входя въ избушку. „Быть непогодью, замѣтилъ онъ. Опять же и то пора: рябокъ поспѣлъ, да и бѣлку хоть сейчасъ бей, а на дворѣ лѣто красно“.

Послѣ того какъ впервые зашѣла дверца прошло полчаса, дѣдушка все время стоялъ на землѣ босикомъ, въ пестрядинной рубахѣ, безъ шапки, какъ на молитвѣ съ благоговѣніемъ погружившись въ созерцаніе природы.

Возвратившись въ избушку, дѣдушка обулъ коты, умылся, помолился Богу, одѣлъ зипунъ, засунулъ за поясъ топоръ и накинувъ на плечи лозанъ, густо высмоленный для защиты отъ дождя, вышелъ, но тотчасъ же вернувшись спросилъ: „не хошь ли газеты? вечеръ забылъ сказать и, не ожидая моего согласія вынулъ изъ шкафчика „Товарища“ „Буреломъ“ и пр. прелести въ красныхъ обложкахъ.

Дѣдушка, неужели самъ выписываешь, изумился я, увидавъ цѣлую охапку печатной бумаги.

„Какое“, улыбнулся дѣдушка. Намеднишь урядникъ на охоту приходилъ, ну значить и наградилъ, а у меня есть библия.

„У насъ гритъ нынѣ почитай что только та и работа: кой коды пьяной трупъ опротоколь, да вотъ плоды сѣятелей смуты пожинаешь.

Часовая стрѣлка показывала три съ половиной утра. Сильно уставъ наканунѣ, я скоро снова заснулъ.

Было уже около девяти утра, когда разбудилъ меня разговоръ дѣдушки.

„Богъ на помощь дѣдушка?

„Добро жаловать, приходи-кось. Ты чей будешь?

„Лѣснику Филипу сыномъ придусь, знаваль?

„Помню.

„Мы больше въ Архангельскомъ проживали, на лѣсопилкѣ Пфуфа состоялъ, значить Карла Карловичемъ прозывается, за досками комиссію имѣлъ, ну а фанеры тожь.

„Супротивъ здѣшнево житье куды-те. Вѣстимо ужъ нѣмецъ придураковать немножко: ты ему долбишь на носъ такъ и такъ, а онъ одно свое: король, корошь, но учености большой, ну ты его и вразумляешь, за то ужъ обхожденіе пріятное имѣеть, особливо когда подъ хмелькомъ.

„Выходитъ приказчикъ сталъ?

„Мы нынѣ въ стражники мѣтимъ. Почитай что лучшей ваканціи и не найдешь. Вотъ всѣ и хлынули, а въ Яренскомъ де тотъ и народъ: либо стражникъ на конѣ, либо пѣшіи, да вотъ еще политика. Натурально въ Устьсысольскомъ тожь. Сиди знай да покуривай, а пришло число получай. Конечно скажемъ теперь надзоръ и за политикой надо держать, а что политика? самая что ни есть левая шушера, навожденіе одно...

„А хорошо паря у ты тутъ дѣдушка, не какъ въ Архангельскомъ: тамъ же ни сосенки кудрявой, не березки зеленой, а расте хворь, да муть, одно слово пространство.

„До увиданія, дѣдушка, пора и на охоту,

„Султашка! крикнулъ охотникъ, исчезая въ чащѣ.

„Въ стражники мѣтитъ, обратился ко мнѣ дѣдушка. Вотъ Филя-то не разговорчивъ былъ. Спросишь бывало: не поможешь ли покосить взаимы, Филя? Что нибудь черезъ часъ пробормочеть. Да и Филиха-то была не лучше: увидитъ земсково подоль на голову и айда, какъ ходять наши бабы, когда моросить дождикъ.

„Я такъ вотъ не могу рябка бить неожиданно перевелъ разговоръ дѣдушка. Наладилъ ружье, а онъ глядитъ на тебя, какъ дитѣ словно заглядываетъ въ душу, ну и дрогнетъ рука.

Пользуясь временемъ пока грѣбется мой охотничій чайникъ нѣсколько ближе познакомлю читателя съ дѣдушкой.

Я не видѣлъ дѣдушку лѣтъ тридцать, изъ подростка юноши успѣлъ постарѣть, а онъ выглядитъ все такимъ же молодцомъ бодрый высокій, только на смугломъ лицѣ, окаймленномъ серебристой бородкой, сдѣлались поглубже морщины, придавая ему отпечатокъ энергіи и силы, какъ будто дѣдушка жилъ внѣ времени.

Разъ какъ то онъ ужъ здорово прихворнулъ, много разъ принимался рѣзать ножичкомъ межъ лопатками, пуская кровь, но ничего не помогло. Перепилъ всѣ цѣлебныя травы и корешки, что собраны у него кажется со всей сѣверной флоры, но и это не подѣствовало. Съ тѣмъ жо результатомъ онъ пилъ и траву отъ „двѣнадцати грыжъ“.

Наконецъ ужъ рѣшился дѣдушка на самое послѣднее средство: обратиться къ фельдшеру. Однако тутъ его постигла такая неудача, что онъ страшно огорчился и далъ слово никогда не лѣчиться по модному. „Переню еще разъ все, а ужъ не пойду къ дохтурамъ“, горячился дѣдушка. Вотъ что было причиной дѣдушкина гнѣва. Фельдшеръ, осмотрѣвъ дѣдушку, сунулъ ему какой то порошокъ, но ничего не помогло. Черезъ недѣлку онъ еще зашелъ къ „дохтуру“, какъ называлъ онъ С...-скаго фельдшера, но „дохтуръ“ былъ что то „не въ духѣ“, а супруга послѣдняго такъ огорошила дѣдушку, что у него искры посыпались изъ глазъ.

„У-у безстыжая рожа чужой вѣкъ живешь, а шляешься тутъ каждую недѣлю беспокоишь фельдшера!“

У дѣдушки помутилось въ головѣ и онъ уже хотѣлъ было рискнуть на самое отчаянное дѣло: „зайти подъ зеленую вывѣску“, однако какой то остатокъ силы вѣковой привычки остановилъ его на самомъ порогѣ въ храмъ Бахуса.

Долго дѣдушка ходилъ какъ „самъ не свой“, наконецъ успокоился, углубившись въ свою трудовую жизнь, которая не разъ спасала его отъ всякихъ недуговъ и искушеній.

Послѣ того, какъ дѣдушка получилъ „волю“, сейчасъ же сталъ раздѣлывать изъ подъ лѣса пашню, покосы. Вначалѣ онъ распахалъ десятины двадцать въ трехъ верстахъ отъ села, а потомъ перебрался версть за семь поглубже въ лѣсъ, гдѣ облюбовавъ красивый уваль, осѣлъ окончательно, выстроилъ избушку, амбаръ, приходя въ село въ воскресные дни, чтобы сходить къ обѣднѣ, а послѣ обѣда удалялся въ свою обитель.

Казалось бы зажиточность позволяла ему покойные дни, но праздну не теряетъ онъ ни минуты. Безъ сомнѣнія какой-то зудъ безпокойства живетъ въ этой могучей натурѣ.

Однажды кузнецъ Малуха возвратилъ дѣдушкѣ мѣшокъ ржаной муки, взятый займа весной.

Спустя недѣлю къ дѣдушкѣ явился сосѣдъ съ просьбой продать ему мѣшокъ муки.

„Хлѣбомъ я не торгую, а буди надо—бери займы“, возразилъ дѣдушка; но сосѣдъ настоялъ именно продать и дѣдушка уступилъ: „выбирай любой, указалъ онъ рукой на рядъ мѣшковъ, большей частью возвращенныхъ заемщиками.

Дня черезъ три все село облетѣла ужасная вѣсть, что дѣдушка продаетъ муку съ пескомъ.

Дѣдушка въ будній день пришелъ изъ лѣсу и не переодѣваясь прямо въ церковь, гдѣ закатилъ такой налѣпокъ „Царицѣ Небесной Утоли моя печали“, что даже староста и батюшка вытаращили глаза.

Хотя дѣдушка питаетъ самую нѣжную привязанность къ своему многочисленному потомству внукамъ и правнучкамъ, принося на праздникъ изъ лѣсу каждый разъ гостинецъ: тусокъ березовицы, земляники, малины, колявозъ и пр., но по долгу дома не оста-

вался, уходя въ лѣсную избушку поскорѣе, больше потому чтобы не видѣть праздничный разгуль.

Въ винной лавкѣ дѣдушка чувствуетъ какое то органическое отвращеніе, обходя стороной.

Правда дѣлаетъ это онъ больше потому, чтобы не видѣть опухшее лицо цѣловальника, напоминавшее пузырь, наполненный сизоватой жидкостью и кузнеца Малуху, завсегдатая винной, который еще издали, завидѣвъ дѣдушку кричить:

„Старина, пойдемъ къ заводчику, сегодня тамъ даровое угощеніе „всѣ идутъ“.

На лицѣ дѣдушки показывается испугъ, онъ ускоряетъ шагъ, какъ будто его преслѣдуетъ страшная тѣнь Каина первоубійцы.

„Всѣ идутъ“, ворчитъ дѣдушка. А какой мнѣ указъ „всѣ“. Яко яда бѣгай пьянства. Для чего люди одурманиваются? Чтобы забыться отъ праздности и рабскаго постылаго труда, но тамъ гдѣ трудъ свободенъ, онъ насыщаетъ душу тысячею разнообразнѣйшихъ наслажденій, цитируетъ дѣдушка слова священной книги, начертанной въ памяти его долгой жизни, исполненной дѣйствительной поэзіи красоты.

Существуетъ повѣріе, что бѣсъ искушаетъ чистоту и непорочность. „Ишь говорятъ, юлить, что бѣсъ у храма“.

Видимо дѣдушку давно подстерегалъ окаянный!

Вотъ какое нынче въ Успенье стряслось съ нимъ навожденіе.

Прежде бывало спросишь дѣдушку: кто первый запивуха на селѣ?

„Кузнецъ Малуха! выпалить лѣсной отшельникъ.

А спросите теперь: кто первый на селѣ?

Дѣдушка дастъ неясный, уклончивый отвѣтъ.

Такая перемѣна объясняется слѣдующимъ.

Нынѣ въ Успенье къ дѣдушкѣ зашелъ со славой о. Василій и упросилъ его выпить стаканчикъ, приведя довольно вѣскіе духовные мотивы о разрѣшеніи елея.

Дѣдушка согласился, выпилъ, ну понятно, что называется осоловѣлъ. Тѣмъ не менѣе отправился къ себѣ.

Уже смеркалось, а когда онъ вошелъ въ дѣсь со всѣмъ стемнѣло.

Вдругъ раздался звонъ колокольчика, а скоро догнала его лихая пара содержателя ямщины, Митрія.

„Дѣдушка, садись подвезу, крикнулъ Митрій.

„Спасибо Митрій Ивановичъ, поблагодарилъ дѣдушка и улегся въ покойный тарантасъ Митрія, но въ ту пору дѣдушка какъ то не смекнулъ, что почтовый трактъ въ сторонѣ и ѣхать Митрію тутъ незначѣмъ.

Пара неслась только мелькали деревья.

Косматая ели, великаны сосны, чуть не цѣлый вѣкъ угрюмо глядѣвшія на дѣдушку, какъ будто принарядились въ праздничный нарядъ, горѣли радужными цвѣтами, любезно привѣтствуя необычайный поѣздъ дѣдушки.

Мелькнула на деревѣ затесь, на которой углемъ начертаны какіе-то загадочные іероглифы. Скоро въ глазахъ дѣдушки приняли они опредѣленные формы, въ которыхъ онъ узналъ опухшее лицо цѣловальника, кузнеца Малуху и о. Василя.

Легкая дрожь скользнула на лицѣ дѣдушки, но тотчасъ же его охватило волной пріятной, доселѣ неизвѣданной имъ нѣги. Еще привѣтливѣй кивали ему кудрявыми шапочками великаны сосны, подпиравшія темно-синіе своды неба, усѣянные брилліантами.

Трудно достовѣрно сказать сколько проѣхалъ такъ дѣдушка. Но тутъ произошло то, чего ужъ онъ никакъ не могъ предвидѣть.

Вмѣсто Митрія на козлахъ очутился Грингмутъ съ черной тряпкой на палкѣ. Дѣдушка хорошо зналъ его по фотографіямъ, а вмѣсто лихой пары бѣшено скакали въ припрыжку тѣмы чертенятъ, влекшіе колесницу вождя союза русскаго народа.

„Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его“, хотѣлъ было произнести дѣдушка, хорошо понимая магическое дѣйствіе этихъ словъ, но языкъ его не повиновался и онъ только слегка поерзалъ о сидѣннѣ, тарантаса.

„Что, какъ прокатятъ по селу? мелькнуло въ несчастной головѣ дѣдушки. Однако этого не случилось, а произошло то что онъ никогда не ожидалъ.

Поѣздъ подкатилъ къ огромному замку, утопавшему въ морѣ огней.

Дѣдушка очутился въ обширѣйшій залъ, уставленный столами съ винами и закусками. За столами важно возсѣдали Грингмутъ, гр. Витте, Дубровинъ, Милюковъ, Тихвинскій, Петровъ, Алексинскій и др. товарищи. Въ числѣ гостей дѣдушка узналъ кузнеца Малуху, волостного писаря Обросова, настрочившаго кляuzu на дѣдушку земскому, но дѣдушка сильно изумился, увидавъ въ этой же компаніи и досточтимаго о. Іоанна Кранштадскаго.

„Какъ онъ попалъ сюда“, размышлялъ дѣдушка, но вспомнивъ картину Страшнаго Суда, гдѣ главные іерархи церкви впереди шагаютъ къ самому пеклу геены огненной, успокоился: „значить такъ и надо“.

„Дѣдушка отвелъ взоръ нѣсколько въ сторону и передъ нимъ пронеслись одна за другой престранныя картины: толпились кучки студентовъ, рабочихъ-товарищей съ красными тряпками на палкахъ, показались Пензенскіе, Полтавскіе мужики съ крошечными запашками, пылающія помѣщичьи усадьбы, промелькнулъ дѣдушкинъ „путикъ“, и его владѣнія составляющія около ста кв. верстъ, но изумленію дѣдушки не было границъ, даже въ глазахъ у него что-то зарябило, когда онъ увидѣлъ на сценѣ амбаръ свой, изъ котораго двигалась мохнатая и пернатая орава, что сдѣлалась добычей его искуснаго промысла. Впереди шагаль Мишка на заднихъ лапахъ, направляясь къ подножію трона

Страшнаго Властителя Ада съ жалобой на дѣдушку, за нимъ одинъ волкъ катилъ смоляной боченокъ, другой тащилъ кадку съ грибами, третій ящичекъ съ казной дѣдушки, схороненный имъ въ землю и т. л. Долой тиранію дѣдушки! галдѣла орава.

Вниманіе дѣдушки отвлекла невообразимая суматоха, возникшая между гостями: Грингмутъ, вѣпившись съ гр. Витте, откусилъ носъ послѣдняго, Дубровинъ дубасилъ Милюкова, а спустя минуту все смѣшалось въ какую то сплошную свалку, гдѣ товарищи тузили Дубровина, выдвигая на почетное мѣсто Алексинскаго, словомъ пошла такая катавасія что нельзя было чтонибудь разобрать.

„Я требую признанія государственной заслуги кадетской партіи, закричалъ Кутлеръ, потрясая листомъ бумаги, на которомъ начертанъ Думскій наказъ“.

„Да, да“, поддержали голоса думскихъ чиновниковъ, получившихъ по утвержденному Думой штату тысячные оклады“.

Отъ царящаго гама, въ глазахъ у дѣдушки запрыгали зелененькіе, черненькіе чертенята.

„Небывалый гость пожаловалъ, дѣдушка разрѣшилъ! Загремѣлъ чей-то голосъ, потрясшій своды замка.

Дѣдушка, оглянувшись, увидѣлъ грознаго властителя ада возсѣдаващаго на тронѣ.

„Оказать дѣдушкѣ должный почетъ, повторилъ властитель“.

Сначала дѣдушка почувствовалъ будто его окатили ушатымъ ледяной воды, а потомъ его бросило въ потъ.

Тьмы слугъ съ рожками, зелененькими хвостиками бросились исполнять приказъ властителя.

Передъ дѣдушкой наставили графины, закуски.

„Выкушайте дѣдушка, просимъ покорно, юлили слуги.

„Не пью, благодарствуйте, отказывался дѣдушка, но про себя подумалъ: „стану я вашу бѣсовскую погань пить“,

„Дѣдушка, какъ будто, сегодня маненечко хватилъ“, хихикнулъ ехидно зелененькій чертенокъ.

Тутъ дѣдушка дѣйствительно впервые на своемъ вѣку покривилъ душой и такую почувствовалъ боль что очнулся недалеко отъ своей избушки.

„Дьявольское навожденіе“, плюнулъ дѣдушка.

Чайникъ мой вскипѣлъ и, приготовивъ стаканы я отправился за дѣдушкой, но онъ что называется по уши углубился въ свою работу, не замѣтивъ моего прихода: пришлось крикнуть почти подъ самое ухо.

Дѣдушка, выпрямившись, улыбнулся, показавъ рядъ бѣлыхъ зубовъ, симметрично расположенныхъ какъ у пожилой барыни, молодящейся искусственной челюстью.

Погоди вотъ вытану эту рѣдку, а потомъ и можно. Дѣдушка всадилъ подъ корень длинный березовый кряжъ, вѣсомъ пуда въ два, которымъ онъ игралъ, какъ старуха вязальной иглой, поналегъ, корень затрещалъ, а скоро вышелъ дѣйствительно какъ рѣдка.

Обрубивъ корни и очистивъ землю отъ корней, дѣдушка взялъ пень на руки и, раскачавъ какъ мячикъ, швырнулъ подъ откосъ, гдѣ дымилась смолокурная печь и выгонялся деготь. Возлѣ печки были нагромождены горы пней и корней.

Дѣдушка, вѣдь поди не легко пни корчевать?

„Кому какъ, все отъ сноровки: одному все дается легко, а другому все трудно“.

„Вотъ хоша бы взять Фильку-то лѣсника. Бывало начнетъ пень ковырять: кокачь сверкаетъ какъ молонья, да еще звонить какъ игрушка, а дѣло не съ мѣста: пропотѣетъ надъ пнемъ то чуть не весь день, вотъ какъ умается, глядѣть жалко.“

На самомъ дѣлѣ въ хозяйствѣ дѣдушки все шло, какъ по маслу, онъ не брался за дѣло, не обдумавъ всесторонне планъ работы, срочность ея.

Одной смолы дѣдушка выкуриваетъ въ годъ до двухъ сотъ пудовъ, продавая издалека прїѣзжающимъ къ нему скупщикамъ по 50—70 к. за пудъ.

„Смолу и деготь я выкуриваю между дѣлъ, говорить дѣдушка, „уповодками на досугѣ“, дѣла много, всего разомъ не возьмешь.

Дѣйствительно дѣла у дѣдушки хоть отбавляй.

Передъ окнами избышки онъ раздѣлываетъ поле, корчуя пни. Рядомъ съ воздѣлываемымъ полемъ краснѣетъ огромное пространство, гдѣ изъ подъ краснѣющаго покрова выглядываютъ обугленные пни.

На этой „новинѣ“ въ прошломъ году шла рожь, а потомъ навалилъ на неё хвою, которую околѣ Иванова дня спалю и вновь засѣю рожью. Такъ хлѣбъ родится лучше всякаго удобренія: самъ двадцать, а то и больше.

Среди увала на полѣ стоитъ огромная кладуха ржи и ячменя, а за ней близъ опушки лѣса зеленѣетъ озимое, разстилаясь по уклону красивымъ ковромъ.

Хорошо и уютно во владѣннн дѣдушки. Онъ стоитъ какъ на островкѣ, окруженный хвойной стѣной, отъ которой вѣетъ здоровой смолистой прохладой.

Показался на лужайкѣ сѣренькій зайчикъ, присѣлъ на заднія лапки и, уставившись мордочкой на дѣдушку мелькнулъ въ чашу.

Какъ будто и этотъ крохотный звѣрекъ любовался дѣдушкой, а онъ стоялъ гордый, высокій, ни передъ кѣмъ не унижающійся, ни отъ кого независимый, кромѣ Создателя: да это царь, исполняющій высшее назначеніе, вѣчный законъ творца подѣ звуки гармоніи природы.

Годковъ десятокъ балуюсь чайкомъ, — заговорилъ дѣдушка, а вѣдь одна пагуба: нашему брату не до забавы.

„Я работаю самъ на себя, продолжалъ онъ, зипунъ, рубаху ткуть бабы, рыба, молоко, масло, а въ осеню пору глухарь, тетерка сколь хошь всего въ изобиліи только не лѣнись, но вотъ бѣда силы падаютъ, хошь я еще держуся, а какъ подумаешь сколько работы: кажись такъ бы лоскомъ и положилъ этотъ уваль. Нѣтъ,

не одолѣть мнѣ этого увала! 93 годъ на свѣтѣ. Не видишь какъ годы идутъ. Прежде подъ крѣпостной неволей на силу коротаешь дни, а тутъ рукъ не хватаетъ, ну что ни на есть подѣлалъ бы еще—глядь ужъ ночь. Люди боятся селиться въ лѣса, все вишь трудно, не охота спинку погнуть, а по мнѣ такъ безъ занятіевъ человѣкъ какъ безъ пищи дня не проживетъ, особливо за расчисткой полей да покоса.

Вотъ тутъ, взмахнулъ рукой дѣдушка въ сторону, гдѣ краснѣетъ пространство, послѣ тово какъ сняли рожь я натаскалъ хвой. Уповодками работалъ дѣчь пятокъ. Околъ Іоны или Иванова дня выжгу, а о Ильинѣ дни засѣю. Пудовокъ десятокъ пожалуй надо, а ужъ урожай будетъ смѣло пудовъ двѣсти! Вотъ ты и считай почему работа моя стоитъ въ день. Нынѣ ржаную-то муку продають 1 р. 40 к.—1 р. 50 к., почитай что въ нашемъ мѣстѣ дешевле то мало ковды и бываетъ. Вотъ какова наша работушка-то. Вотъ и тянетъ, кажись охватилъ бы все, да глядь по глядь: видишь молоко да рыло коротко. Почитай что на молотить ржи рублевъ на триста! а и съ молотью-то и жнитвой сробишь все недѣли въ три. Пни добывать мѣшкотнѣй, но и тутъ ежели по натурѣ дѣло работа оплачиваетъ каждый часъ труда.

Однако не смотря на столь обильные урожаи, по Выми почти не раздѣлываютъ новинъ, не говоря уже о разработкѣ подъ пашню? Спросилъ я.

„Отъ лѣни, каждый гонится за денежной работой, больше бревна дѣлають; другой бы и заколотить въ зиму-то не мало, но а все и проходитъ прахомъ: набивають карманы только Козель Паши, да Гурыль Паши, сбывая въ три дорога порченую муку.

Послѣ чая дѣдушка указалъ мнѣ свой „путикъ“.

„Иди все по этой тропѣ, а какъ увидишь затеси на деревѣ конецъ „путика“.

Угодье дѣдушки занимаетъ около ста квадр. версты!

Здѣсь на каждомъ шагу наставлены: слопцы, петли, силья и др. хитроумныя ловушки. Казалось все что пролетаетъ и пробѣгаетъ черезъ владѣнія дѣдушки неминуемо попадаетъ въ искусно разставленныя сѣти и силья.

Уже стемнѣло, когда я возвратился къ избушкѣ съ ношей дичи вѣсомъ болѣе пуда, а двухъ глухарей вѣсомъ тоже около пуда пришлось оставить подъ елью.

Тихая сѣверная ночь окутала лѣсныя пространства. Передо мной открылась очаровательная картина.

На рѣчкѣ подъ уклономъ горѣлъ ярко огонь, заливая лѣсной берегъ фантастическимъ свѣтомъ. Огромная хвойная стѣна прелставляла причудливую декорацію, которую только и способенъ слѣлать геніальнѣйшій изъ художниковъ — „Природа“. Сквозь чашу елей, пихты кое гдѣ желтѣя, выглядываютъ осина, береза, отражая радужные оттѣнки.

Посреди рѣчки стояла лодка, на которой пылали смоляныя доски, а на кормѣ сидѣлъ дѣдушка, зялитый пурпуромъ: это онъ ловилъ рыбу „лучомъ“.

Дѣдушка держалъ въ рукѣ шесть съ желѣзнымъ наконечникомъ въ видѣ вилки, тихо погружая въ воду.

Изрѣдка тихо, осторожно онъ бралъ въ руки весло, словно боясь потревожить покой рѣчки, а потомъ снова пристально вглядывался въ зеркало воды, какъ сказочный волшебникъ погружившись въ чары колдовства.

Около Николаина дна, я снова навѣстилъ дѣдушку.

Погрузившись по поясъ въ снѣгъ, онъ рубилъ огромную осину для выдѣлки лопаты.

„Дѣдушка, все рубишь?“

„Рублю. Да вотъ Малуха топоръ сковалъ неважный: ты имъ ударишь по дереву, а онъ отскакиваетъ, да еще звенить какъ побрякушка.“

„А безъ топора и лопаты шагу не ступишь: вишь хатка-то моя на косогоркѣ, такъ порой такъ зафитюлить, что съ крышей вровень, показалъ онъ рукой на

засыпанную снѣгомъ избушку, пріютившуюся на вершукѣ увала у подножія огромныхъ сосенъ и елей.

На самомъ уклонѣ все еще стояла не обмолоченною кладуха ржи и ячменя, а внизу у рѣчки виднѣлась гора пней, кокорь съ кореньями, груды бересты, осыпанной снѣгомъ. Это матеріалъ для выгонки смолы и дегтя. Тутъ же у рѣчки, нѣсколько въ сторонкѣ выглядываютъ изъ сугробовъ стоги сѣна.

На всемъ владѣніи дѣдушки лежалъ толстый слой снѣга, сверкая на солнцѣ ослѣпительной бѣлизной. На этомъ фонѣ бѣленькіе зайчикъ и куропатка сдѣлали затѣйливые узоры, художественно расписанные пернатой и мохнатой оравой, населяющей дремучее царство дѣдушки.

Теперь центръ жизни дѣдушка перенесъ въ избушку, которая походила скорѣе на мастерскую, гдѣ онъ дѣлалъ бочки подъ смолу, ведра, корыта, засиживаясь по долгу вечерами, а утромъ еще до разсвѣта дѣдушка уже гремитъ капканами, скрываясь въ чашу, гдѣ онъ старательно ловко разставляетъ петли, силъя, капканы, боясь помять тропинки звѣрка.

Такъ жизнь дѣдушки течетъ уже 93 годъ, исполненная истинной поэзіи красоты.

Только разъ на своемъ долгомъ вѣку дѣдушка промахнулся и теперь оплакиваетъ эту роковую оплошность.

Казалось бы, чѣмъ тѣсниться въ большихъ селахъ, какъ это всюду мы видѣли по Вычегдѣ и Выми несравненно лучше было бы заселять свободныя пространства сѣвера, цѣлесообразнѣе было бы всячески поощрять заселеніе, но пока островокъ дѣдушкинъ едва ли не единственный въ безбрежномъ океанѣ лѣсовъ.

Даже такіе источники промысла, какъ Синдорское озеро остаются неиспользуемыми или эксплуатируются варварскими способами.

### „Синдорское озеро“.

Уныль и скученъ сѣверный пейзажъ, но и тутъ встрѣчаются уголки, ласкающіе взоръ наблюдателя.

По общему признанію Синдорское озеро одинъ изъ такихъ уголковъ нашего сѣвера.

Если смотрѣть въ тихій, ясный день, то передъ вами—огромный овалъ—зеркало, заключенное въ живые рамки—берега, покрытые пышной растительностью столѣтнихъ кедровъ, зеленѣющихъ по уваламъ. Изрѣдка въ низменныхъ мѣстахъ, дремлетъ вѣчно плакучій ельникъ, отражаясь въ зеркальной поверхности воды косматыми остроконечными верхушками. На самой срединѣ озера темнѣютъ крохотные островки, словно искусственно наведенныя эмалью пятнышки на серебромъ сверкающей, глади.

Длина озера три чомкоса, <sup>1)</sup> а въ ширину около 5 верстъ, т. е. девяносто кв. верстъ.

И вотъ на этомъ то озерѣ, на этихъ зеленѣющихъ берегахъ, какъ на краишкѣ огромнаго блюда, сиротливо ютится одна единственная деревушка въ 26 дворовъ!

Нынче синдорцы выстроили хорошій деревянный храмъ на мѣстѣ ветхой часовенки, обросшей зеленоватымъ мхомъ. Въ храмѣ чудный иконостасъ, пожертвованный московскимъ благотворителемъ; хотя священника и по сіе время еще нѣтъ.

Отъ дер. Кыркочъ на Выми до Синдорскаго озера считается около 70 вер., но одолѣть это пространство въ лѣтнюю пору даже пѣшеходомъ дѣло не легкое: болѣе 20 верстъ тянется болото, гдѣ, чтобы не увязнуть по горло, надо дѣлать заячьи прыжки съ кочки на кочку.

---

1) Чомкосъ — разстояніе, которое проходятъ вымичане въ лодкѣ на одну смѣну безъ отдыха,—равняется шести верстамъ.

Представьте теперь и въ этой деревушкѣ живетъ учитель.

Добрую половину года синдорцы питаются покупнымъ хлѣбомъ, хотя мѣста для распашки полей сколько угодно, но въ особенности хороши покосы.

Тѣмъ не менѣе и здѣсь не развилось скотоводство, хоть имѣетъ всѣ условія. Въ настоящее время синдорцы держать по 5—6 коровъ. Главный же источникъ существованія рыбная ловля и промыслы.

Весенній уловъ рыбы на одну семью достигаетъ порой 200 пуд. и болѣе. Ловится главнымъ образомъ: щука, окунь, елецъ, а зимой ёршъ, который добывается на одинъ разъ возами.

Способы лова крайне примитивны: дѣлаютъ изгороди, куда ставятся „морды“.

Вообще не смотря на то, что синдорцы душатъ рыбу разной отравой и не умѣлой ловлей, все же на долю другой семьи перепадетъ сотъ до трехъ пудовъ въ годъ.

При надлежащей культурѣ это, порой кишашее рыбой, озеро могло бы стать огромнымъ промысломъ по крайней мѣрѣ на тысячу дворовъ, но а пока питаются кое какъ всего на все двадцать шесть семей. И то слава Богу.

Синдорская деревушка — это одинъ изъ уголковъ, что сиравелливо славится хтѣбосольствомъ: живи хошь мѣсяцъ будешь сытъ по горло.

Надо замѣтить; что и здѣсь чистота и опрятность соблюдается строго, а во многихъ избахъ даже окрашены полы.

Какъ я уже сказалъ, что въ Синдорѣ еще нѣтъ священника. Два раза въ году для Синдорца всходитъ красное солнышко: это пріѣздъ батюшки для исполненія требъ и др. религіозныхъ потребностей изъ ближайшаго села Княжпогость, находящагося въ 80 вер. отъ Синдоры: одинъ разъ въ началѣ великаго поста, а другой лѣтомъ въ самую засуху.

\* \* \*

Однажды на масляной недѣлѣ пріѣхаль къ намъ въ Серегово синдорець Михайлъ Пудовъ, съ двумя во-  
зами ершей и шуки.

Распродавъ рыбу, Михайло предложилъ отцу моему  
купить у него лошадь. Отецъ согласился. Лошадь про-  
жила у насъ съ масляной до сентября, но въ сентябрѣ  
куда то исчезла и всѣ поиски остались напрасными.

Вначалѣ думали, что лошадка сгрустнувшись по  
родной Синдорѣ бѣжала, но скоро въ этомъ пришлось  
разубѣдиться, такъ какъ знакомый ей путь одинъ:  
Синдора—Кыркочъ, Княжпогость—Серегово. Пройти  
этимъ путемъ незамѣченною она не могла. Впрочемъ  
изъ Серегова до Синдорскаго озера можно попасть  
прямо лѣсомъ, что будетъ около 80 вер., но здѣсь  
нѣтъ даже и лѣсной тропы и, кромѣ того путь этотъ  
ей вовсе незнакомъ.

Оставалось одно—лошадь досталась добычей косо-  
лапому.

6-го декабря, стояло ясное, морозное утро. Къ на-  
шему дому съ шумомъ подкатила лихая пара, запря-  
женная гуськомъ.

„Коня привелъ, входя въ избу, шутливо прогово-  
ворилъ Михайло. „Чудеса воке да и только. Да вѣдь  
какъ прошоль-то напрямикъ, что земномѣръ! Охотни-  
ковъ нашихъ разбудилъ среди ночи: подошелъ къ из-  
бушкѣ ржетъ, копытомъ землю бьетъ.“

Михайло на отрѣзъ отказался отъ всякой платы,  
но охотно согласился выпить чашку чаю.

За чаемъ Михайло разсказалъ слѣдующій фактъ,  
случившійся лично съ нимъ лѣтъ десять тому назадъ.

Въ 1897 году въ началѣ великаго поста бушевзали  
здѣсь страшныя пурги, рѣшительно затруднявшія про-  
ѣздъ по волоку.

Ждали синдорцы батюшку первыя три недѣли поста,

но напрасно. Прошла и четвертая недѣля, а батюшки нѣтъ.

„Знать ужъ не будетъ,“ заключили синдорцы, и рѣшили ѣхать говѣть въ Княжпогость.

Михайло былъ боленъ сначала поста, не вставая съ полатей, а потому долженъ былъ, скрѣпя сердце остаться безъ говѣнія.

Не трудно себѣ представить положеніе больного въ лѣсу, окруженнаго заботами и уходомъ деревенской бабы, но тутъ вѣра дѣлаетъ по истинѣ чудеса, которыя современнымъ докторамъ вѣроятно на вѣки останутся непостижимой тайной.

Жена Михаила, Анна, баба здоровая лѣтъ тридцати, удѣляла для ухода за больнымъ весь избытокъ времени, который былъ впрочемъ очень не великъ; чтобы управиться съ крестьянской работой ей не хватало дня. Утромъ еще до разсвѣта надо истопить печку, накормить скоть, напечь хлѣба, съѣздить за сѣномъ, сходить на озеро ловить рыбу. Словомъ бѣдная баба изъ силъ выбивалась. Былъ у нея сынъ лѣтъ семи, но тотъ нянчилъ двухъ малышей брата и сестру, ползавшихъ по полу. Да и какая ужъ отъ него помощь.

Между тѣмъ подошла Страстная недѣля. Больному становилось хуже; онъ лежалъ неподвижно на полатяхъ. Заботливая Анна не оставляла его своимъ попеченіемъ—на полатномъ брусу постоянно стояла чашка съ квасомъ и пирогъ со свѣжей рыбой или грибами, но больной въ послѣдніе дни уже ни до чего не дотрагивался даже и не говорилъ.

Во вторникъ вечеромъ, возвратившись съ озера Анна первымъ долгомъ справилась о состояніи больного, но едва дотронувшись до его ногъ, вдрогнула отъ страха. „Холодная,“ подумала она и по лицу ея сбѣжала слѣза. Больной лежалъ на спинѣ съ открытыми глазами.

Уложивъ дѣтей рядомъ съ отцомъ, Анна зажгла

передъ иконами лампадку и помолившись Богу, легла на голбець, противъ больного.

Безпомощность душила ей грудь, и она всю ночь не смыкала глазъ, но не о докторской помощи думала Анна, о ней она не знала; её мучилъ ужасъ положенія остаться въ такую минуту безъ напутствія, а въ томъ что минута эта уже наступила, она нисколько не сомнѣвалась. „Остаться въ такую минуту, не дай Богъ злему врагу,“ твердила Анна.

Утромъ чуть забрезжилось больной, къ изумленію Анны проговорилъ: „поѣдемъ говѣть.“

„Какъ же ты поѣдешь?“ удивилась Анна.

„Правда, разсудила она, погода теплая, лошадь накормлена, 70 вер. до Кыроча къ вечеру выбѣжить, а тамъ до Княжпогоста рука подать“ и оживленная надеждой выбѣжала къ сосѣдкѣ съ просьбой подомовничать.

Дорога была хорошая торная, послѣ пурги разѣздъ былъ большой.

Черезъ часъ, приготовленія къ отѣзду были кончены; наложивъ полныя розвальни сѣномъ и накрывъ сверху полостью, Анна съ помощью сосѣдки вынесла больного, тщательно обложивъ его сѣномъ и шерстяной полостью.

Солнце уже высоко поднялось надъ лѣсомъ, когда они подѣхали къ первой избушкѣ. До Кыроча оставалось еще сорокъ пять верстъ.

Доставъ изъ передка саней дрова и растопку, заранѣе заготовленныя дома, Анна вошла протопить избушку, а черезъ четверть часа, когда избушка нагрѣлась, она ввела больного, но тутъ до слуха ея донесся звонъ колокольчика.

„Кто бы это могъ сюда ѣхать въ такую пору?“

Взглянувъ въ окошечко, Анна вскрикнула отъ радости: „батюшка ѣдетъ.“ Уложивъ больного на лавку, она выбѣжала на встрѣчу.

Освѣдомившись о цѣли ихъ поѣздки, батюшка вошелъ въ избушку.

Между тѣмъ Анна, доставъ изъ мѣшка новое полотенце, приготовленное въ подарокъ батюшкѣ, накрыла имъ огромную чурку, замѣнявшую столъ.

Батюшка положивъ на столъ крестъ, евангеліе и чашу со св. дарами, исповѣдалъ и причастилъ больного и его жену,

„Ну теперь поѣзжайте домой, а мнѣ въ Синдору ѣхать не зачѣмъ, тамъ уже всѣ говѣли и благословивъ ихъ, батюшка уѣхалъ.

Больной всталъ бодро, какъ послѣ крѣпкаго освѣжающаго сна.

\* \* \*

Въ половинѣ іюня въ Синдору пріѣхалъ батюшка. Совершивъ обычное богослуженіе, въ знакомой уже намъ часовнѣ, а затѣмъ и общую панихиду, батюшка отправился по домамъ со „славой“.

„Вотъ это вамъ“, за исповѣданіе на волоку, въ избушкѣ, вручая батюшкѣ рублевую бамажку, проговорилъ Михайло. „Тогда въ страстную среду вы не взяли, а ужъ теперь не обезсудьте,“ добавилъ онъ.

Батюшка служилъ въ Княжпогостѣ не давно и плохо зналъ зырянскій языкъ. Онъ никакъ не могъ понять словъ Михайла. „За какое исповѣданіе на волоку,“ припоминалъ батюшка, но послѣ размышленій умозаключилъ: „Михайло не въ умѣ.“

Простой вѣрующій человекъ назоветъ этотъ фактъ „чудомъ“, а ученые люди можетъ быть приведутъ другое объясненіе; поэтому поводу мы распространяться не будемъ, скажемъ только какъ мучительно тяжело для синдорца жить въ этой глуши, не имѣя возможности удовлетворять религіозныя потребности.

\* \* \*

Теперь почти возлѣ самаго синдорскаго озера намѣчается новый путь, который соединитъ р. Ухту съ Вычегдой (устье Выми).

Безспорно, если намѣченный путь осуществится, то это дастъ серьезнѣйшій импульсъ къ развитію промышленной жизни синдорскаго края, а быть можетъ и вызоветъ переселенческое движеніе къ синдорскимъ богатствамъ; но для синдорца этотъ путь принесетъ въ началѣ ту существенную пользу, что откроетъ возможность удобныхъ сношеній съ внѣшнимъ міромъ, а черезъ это облегчитъ сбытъ промысловъ.

Здѣсь уместно упомянуть о тѣхъ милліонахъ, что валяются на землю на глазахъ бдительнаго „надзора“.

Я говорю о сухостоѣ, буреломѣ, который на пространствѣ 20-ти мил. дес. лѣсной площади Яренскаго и Устьсысольскаго уѣздовъ почти не используется. На огромные милліоны падаетъ весьма цѣнной древесины, становящейся пищей червя, а каждое лѣто вспыхивающіе лѣсные пожары увеличиваютъ эту пищу. Какъ вышеупомянуто, даже такой матеріаль, какъ береза, во все не утилизируется. Это при наличности дешевой рабочей силы, не находящей въ теченіе  $\frac{2}{3}$  года полезнаго примѣненія. Наконецъ эти богатства гниютъ не на захолустной Печорѣ, куда подъемъ одной особы не оплатитъ весь Яренскій и Устьсысольскій сухостой..., а по берегамъ большихъ сплавныхъ рѣкъ, могущихъ въ 4—5 дней перебросить къ Архангельску какіе хотите милліоны древесины, откуда до Лондона,—гдѣ цѣны на куб. саж. дровъ доходятъ до 50 р. и больше, рука подать.

Въ то время какъ наши невѣжественные предприниматели—миліонеры Русановы, Хаминовы, пропиваютъ унаслѣдованные ими отъ энергичныхъ предковъ капиталы въ заграничныхъ вертепахъ разврата, дѣятельные

иностранцы, евреи давно уже заготавливаютъ дрова въ Онежскомъ и др. уѣздахъ, доставляя за границу. Лѣса здѣсь сильно порѣдѣли, вырублены, доставка къ рѣчкамъ обходится не дешево, тогда какъ въ Яренскомъ и Устьсысольскомъ уѣздахъ на самыхъ берегахъ сплавныхъ рѣкъ можно заготовить сотни тысячъ куб. саж., если не милліоны. Очевидно иностранцы еще не успѣли пронюхать эти цѣнности дѣвственнаго края, а наши отечественные хрю-хрю? Впрочемъ, кажется, не за горами время, когда эти милліоны, лежащіе на берегахъ Вычегды и ея притоковъ, поплывутъ за границу, такъ какъ въ послѣдніе годы въ низовьяхъ Вычегды стали заготавливаться дрова, правда въ небольшихъ размѣрахъ.

Между тѣмъ заготовка дровъ дала бы населенію заработокъ, можетъ быть пріостановила бы раззорительное движеніе за Уралъ.

Куб. саж. дровъ въ Архангельскѣ станетъ не выше 7—8 р., считая распиловку съ доставкой къ рѣкѣ 4 р. и сплавъ до Архангельска — 3 р.; фрахтъ отъ Архангельска до Лондона около 2 фунт. стерл. Такимъ образомъ устьсысольскія дрова обойдутся въ Лондонѣ не выше 25 р. куб. саж., т. е. по Московской цѣнѣ.

Предпринимаетъ ли что-нибудь лѣсное управленіе?

Искони вымскіе мужики рубятъ сухостойныя деревья, дѣлая плоты для сплава сѣна. Порой длина дерева достигаетъ 25 — 30 арш. и 8 — 10 вершк. въ отрубѣ! За такого-то гиганта мужикъ уплачиваетъ пошлины ровно пятакъ! Зыряне строятъ изъ сухостоя избы. Еще бы. Такія-то деревища! Да они въ десять разъ лучше бревенъ, отправляемыхъ за границу. И вотъ, чтобы искоренить зырянское беззаконіе, лѣсной надзоръ обязываетъ мужиковъ дѣлать надрубь черезъ два аршина...

На самомъ дѣлѣ, какъ тутъ не провести сравненія собаки на сѣнѣ?

Пора убрать сухостой, мѣшающій здоровымъ побѣгамъ жизни, но я думаю надобно прежде всего убрать сухостой, образовавшійся во всѣхъ органахъ лѣснаго управленія.

„Ухтенская нефть“.

Чула?

Чево чула?

Шиши!?

Шиши! Микола уголничекъ, заступниче усердный.

Шиши, жонка, шиши не синь пороху.

Каково пороху?

Это, матушки вы мои, выходитъ Правительство-то взяло влѣво, свихнулось значить, спѣмшисъ съ Конфуртуціей, надо быть знахарка такая въ Питерѣ живетъ, ото всякихъ де шахерь-махерь булократіевъ помогаетъ. Все ровно какъ бы за одно, а леворюція-та нынѣ дуетъ вверхъ и айда вразсыпную по лѣсамъ. Куды не ткнисъ ни гдѣ проходу нѣтъ: сидятъ, а глазища-то во.

Въ лѣсу-то?

Намедни, продолжала рассказчица, онамеднисъ къ Ошлальинской попадѣ три ночи кряду зоходили.

Не бай жонка страшно.

Апосля дочка-та еѣная ручки фертикомъ и фюютъ. Эхъ-ма! Гритъ андель ты мой болотный, съ тобой гритъ и подь елью рай! Въ епархстряхалкахъ училась, сама всѣ представленія имѣеть, желѣзомъ изъ волосъ фитюльки завиваетъ, чай безъ ланпансье не кушаетъ.

Ну!?

Тамъ гритъ мы ентинги начнемъ закатывать, что дымъ коромысломъ.

Въ лѣсу-то?

Чево въ лѣсу-то?

Они за насъ, вмѣшалась въ разговоръ остроглазая бабенка, въ пестрядинномъ сарафанѣ съ красной каймой на подолѣ.

Молчите. Почеса мой-то Фунлудѣй съ Уфты пришелъ, это откедова нынѣ нехтя-та хлынула.

Чуешь сначала въ земь-то все дыру вертѣли, ушли нешто верстѣ на тышщу, потомъ желѣзной - то струментинной какъ хлябулызнуть по спинѣ...

Кому!?

Киту-то?

Киту!?

Киту, на которомъ земля-та вертится. Ну это, матушки вы мои, какъ онъ прыснетъ хфонтаномъ, пошла такая мразь, черная какъ смоль. Пожалуй всѣхъ бы де и насъ то затопило, да вишь наши во время смекнули: изъ Питера-то скорехоенько и айда пятьдесятъ совѣтниковъ, да стодвадцать начальниковъ съ стражниками, исправниками, урядниками.

Пришли это они поглядѣли и назадъ оглобли. Топерича гритъ не страшно, а ежель ещо взѣрепенится, то желѣзную трубу наставятъ, а по ей нехтю-то маршь въ кянъ...

Ну слава-те, а то другу пору пойдешь на Вымъ, а тамъ такая гуща преть, что чуть-чуть лакнетъ какая звѣря: баранъ, овча, быкъ иль теля — все бѣситься...

Да ты и но это што черное имя призывашь, порченая, а?

Ты сама порченая...

Нѣтъ ты.

Твоя бабка-та вѣщицей была, колдунья, на помелѣ въ Старой Ерусалимъ летала...

Чье бы ужъ дыхало рычало, а твое-то лучше бѣ помолчало, дѣдко-то твой у лѣшово бахилы стибрилъ...

А ты бодягой рожу натирашь...

Подъ костромъ съ приказнымъ шушукалась.

Ну ты мотри языкомъ болтай, а рукамъ волю не давай.

Разъ, разъ...

\* \* \*

Движеніе на Ухту вызвало необычную тревогу въ народѣ, всполошило всѣ вымскіе муравейники.

Правда движеніе это идетъ съ малыми перерывами почти полвѣка, начиная съ легкой руки Сидорова, но въ нынѣшнемъ году оно приняло небывалые размѣры.

По рѣкѣ Выми, рѣчкамъ: Шомъ Вуквѣ, Говниогѣ, Ухтѣ тянутся караваны лодокъ; по тракту день и ночь не умолкаетъ звонъ колокольчика.

Первой прослѣдовала экспедиція во главѣ начальника Вологодской губерніи въ составѣ—помощника исправника, урядниковъ и только изъ 15 членовъ экспедиціи были два—три не специалиста полицейской службы: г. Управляющій Государственныхъ Имуществъ Вологодской губ., непремѣнный членъ губернскаго присутствія, да еще козакъ Якобенко.

Второй прошла экспедиція подъ управленіемъ инж. Паракова, уполномоченнаго какого-то высокопоставленнаго лица. Пароконъ провезъ на Ухту пудовъ двѣсти какихъ то буравчиковъ, но онъ такъ вѣритъ въ успѣхъ предпріятія, что дай Богъ каждому.

Третьимъ проѣхалъ самъ капитанъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка г. Вороновъ. У него около 600 пуд. буровыхъ инструментовъ, не считая груза, посланнаго изъ Архангельска на Печору-Ухту моремъ. Въ этой экспедиціи есть геологъ, топографъ, предполагающіе произвести изслѣдованіе верстъ на 400 квадратныхъ, что однако имъ врядъ ли удастся за позднимъ временемъ. За этотъ рискъ изслѣдованія и буренія скважинъ, въ общемъ глубиной до 1000 саж., предпріятію Воронова дарована концессія, въ силу коей по исполненіи обусловленныхъ работъ для развѣдокъ и изысканій, онъ получаетъ въ собственность  $\frac{4}{15}$  ему

отведенной нефтяной земли, что составит около 1000 десятин!

На Ухтѣ уже давно „работаютъ“ князь М., инженеръ Гансбергъ и др. Я говорю „работаютъ“, въ дѣйствительности эти предприниматели, занявъ извѣстный участокъ, поставивъ кой-какіе буравчики, выжидаютъ пока благопріятную минуту, когда можетъ быть какой-нибудь кротъ и въ самомъ дѣлѣ, до чего-нибудь докопается, а тамъ глядишь уже навѣрняка можно работать или скорѣе перепродать, ибо перечисленные „предприниматели“ не обладаютъ капиталомъ.

Говорятъ впрочемъ Гансбергу удалось организовать англо-нѣмецкое общество съ десятиллионнымъ капиталомъ.

Вѣрно ли это не знаю, но мнѣ хорошо извѣстно, что у Гансберга не было средствъ для расчета рабочихъ, которые взыскивали съ него судомъ.

Какъ ни какъ, но онъ въ теченіе трехъ лѣтъ прошелъ скважину глубиной 48 саж., а вскорѣ по возвращеніи начальничьей экспедиціи у Гансберга забилъ фонтанъ, не нефтяной, а, какъ впоследствии оказалось, словесный, который онъ не разъ пускалъ въ трудныя минуты своего предпріятія.

На станцію Вогвоздино, гдѣ весь Іюнь мѣсяць этого года жилъ многоопытный Альбертини, доверенный князя М. и прожилъ, что называется въ пухъ и прахъ, полетѣли одна за другой телеграммы отъ Іогихэсса изъ Москвы, компаньона князя М. съ требованіемъ немедленно отвѣтить по телеграфу: „дѣйствительно ли Гансбергъ на 50 саж. встрѣтилъ нефть суточнымъ тартаніемъ 500 пуд.“

(Черпаніе тартальною желонкою).

На эту телеграмму Іогихэссъ получилъ слѣдующій отвѣтъ: „Гансбергу ожидается транспортъ нефти Баку“.

Альбертини.

Кѣмъ пущенъ въ столицахъ слухъ, что Гансбергъ встрѣтилъ нефть, я не знаю, но за то мнѣ хорошо извѣстно, что къ многочисленнымъ столбамъ, которые ставятъ предприниматели, занимая участки, прибавился десятокъ новыхъ съ надписью: „А. Н. Хвостовъ“, фамилія главы начальничьей экспедиціи, а вскорѣ, по слухамъ, А. Н. Хвостовъ благополучно отбылъ за границу, чтобы вольготнѣй вздохнуть отъ трудностей походной экспедиціи въ Печорскій край.

И такъ, пока на Ухтѣ „работаютъ“ князь N., графъ Z., камергеръ R., словомъ, къ ухтенскимъ богатствамъ ринулись всѣ прогорѣлые остатки благородной русской знати съ цѣлью возстановить матеріальное могущество, но успѣшнѣе всего работаетъ еврейская спекуляція; что же касается сіятельныхъ „предпринимателей“, то, какъ уже сказано, пока они занимаютъ выжидательное положеніе, и если заблаговременно не сумѣютъ кому-нибудь передать свои позиціи, то выждутъ ли они что-нибудь, кромѣ Бога никто ничего не знаетъ.

По Выми отъ ея устья до села Веслянскаго въ теченіе всей навигаціи совершаютъ рейсы пароходы „Козель Паша,“ проникающіе всюду, гдѣ есть хоть какое нибудь теченіе,

Движеніе чисто черепашье, какъ предупреждаетъ и самъ владѣлецъ словами: „кочешь ѣдешь, не кошь какъ кошь, деньга твоя, пароходъ мой“.

Пассажировъ мало. Въ помѣщеніи III класса ѣдутъ десятка два рабочихъ, въ первомъ—всего на всего одинъ пассажиръ, только во II классѣ нѣсколько оживленнѣе: возлѣ стѣнъ на лавкахъ размѣстились съ чемоданами подгулявшіе нѣмцы—мастера, а у стола—расположились два „попы“ съ понадьями, благодуществуя за бутылкой пива.

Настроеніе сдержанное. Пожилой нѣмецъ, почтенной наружности съ испанской луковицей вмѣсто носа рассказываетъ эпизодъ, случившійся съ нимъ въ Котласѣ,

гдѣ какой-то „опорфанецъ“ сунуль ему „нелегальная книжка“, а онъ разсмотрѣвъ ее швырнулъ на набережной, за что чуть-чуть и не уготовалъ „куды Макары телятину не гоняйтъ“.

Разсказчикъ слегка потряхиваетъ головой, бросая масляныя глазки на Ошляпинскую попадаю, у которой розовыя губки сложились сами собою бантикомъ, обличая пламенное желаніе слиться съ испанской луковицей, точно виновникъ волненія слагалъ небесный гимнъ ея прелестямъ.

Впрочемъ на Козловкѣ всѣ слегка потряхиваютъ головами, такъ какъ машинное отдѣленіе посылаетъ въ классы глухіе толчки.

Нѣмецъ неистово мотнулъ головой. „Не вѣрно машинъ постафленъ,“ какъ-бы оправдывается онъ и рѣчь его неловко оборвалась.

Тѣмъ не менѣе можно смѣло сказать, что всѣ ухтенскіе предприниматели сіятельные и превосходительные сидѣли бы съ своими буравчиками и розовыми надеждами гдѣ нибудь въ устьѣ Выми, ибо здѣсь доступъ въ Вымь закрытъ для другихъ пароходовъ песками, но Павлу Никитичу съ его командой: ни скалы, и тайныя мели и бури ему не почему! Порой Павелъ Никитичъ просто роетъ каналы, дѣлаетъ запруды. Опять же и то сказать съ такой командой мудрено и застрянуть. Положить Павелъ Никитичъ матросу рублей двѣнадцать за лѣтній мѣсяць, ну тотъ и роетъ, таскаетъ днемъ и ночью напролетъ до одури, пока не нырнетъ въ какую-нибудь пучину. Сломалъ носилку, шесть—полтина вычетъ. Изъ 12-ти рублеваго жалованья другому очистится на четыре пуда ржаного хлѣба, которые онъ сглатываетъ въ сухомытку безъ чая въ теченіе мѣсячной каторги, да еще развѣ на полфунта махорки и то ладно.

Читатель уже знаетъ Сереговскіе холмы, что виднѣются еще съ устья Выми, величественно возвышаясь надъ верхушками лѣсовъ.

Далѣе вверхъ по Выми живописнѣй Сереговской горы—лѣтъ. Гористые берега Выми, изрѣзанные оврагами, почти сплошь покрыты хвойной чащей. Порой выгледеть изъ за ельника зырянская деревушка, красивые, новые дома съ большими окнами, словно любуются съ высоты обрыва, вглядываясь въ зеркало Выми, сверкающей въ тѣни сосновыхъ и лиственничныхъ рошъ, отражающихъ фантастическіе узоры на серебрящейся поверхности рѣки.

Въ дер. Козловскую (Онежье) пароходъ прибылъ около полночи. На самомъ берегу, возлѣ сложеннаго багажа, скоро ярко запылалъ огонь, около котораго, спасаясь отъ комаровъ, мошекъ и пр. гнуса, расположилась группа рабочихъ и мастеровъ инженера Паркова.

Настроеніе членовъ партіи подавленное, навѣянное трудностями походной жизни.

Изрѣдка уже знакомый намъ мастеръ нѣмецъ Беккеръ уроженецъ Рика—Либава, но сильно обрусѣвшій вплоть до замѣны національнаго напитка „казенной“, оживляетъ настроеніе. „Сиферной сторона уйма комарикъ-мошка. Мелкой комара ой ядовитой облѣпить шапкой: самъ корить, а все кусать, все пихать иголку подъ шкуру,“ прерываетъ молчаніе Беккеръ.

Усталыя, сонныя лица озаряетъ свѣтъ жизнерадостной улыбки, но пуще всѣхъ заливадается самъ Беккеръ, отливая изъ дорожной сулеи живительный напитокъ.

Изъ села Веслянскаго на Выми, я отправился пѣшкомъ, едва добравшись до Ухты въ теченіе шести дней.

Что это за мучительное путешествіе! Прыгаешь съ кочки на кочку въ облакѣ мошекъ, комара и пр. гнуса; все кусаетъ, поетъ, жужжитъ, облѣпляя голыя части тѣла, проникая за рубашку. Я обливаюсь потомъ, который бѣжитъ по лицу ручьемъ. Хочется сбросить „накомарникъ“ и я забрасываю ткань на голову, но спустя двѣ-три минуты снова опускаю.

На третій день ходьбы отъ Весляны къ Ухтѣ, т. е. почти на полдорогѣ или не доходя Ухты около ста верстѣ мы встрѣтили первый выходъ нефти, а скоро и второй въ мѣстности тождественной съ Ухтой; точь въ точь такой же доманикъ, откуда просачивается нефть, блестя разноцвѣтными переливами на поверхности небольшой лѣсной рѣчки или вѣрифе ручья, составляющаго небольшую, самую отдаленную вѣтку сѣверодвинской системы.

Но вотъ пошли глухіе, темные, непроходимые лѣса. Настоящая дѣбрь! Какая прелесть этотъ дѣвственный лѣсъ! Красные стволы сосенъ, какъ гигантскія колонны, украшенные на верхушкѣ шапочкой. Вотъ сухой остовъ, сильно накренившись безпощадно душить своей колоссальной тяжестью молодые деревья.

Передъ вами встаетъ картина молчаливой борьбы жизни и ужасъ смерти. Упавшіе столѣтніе великаны, выворотивъ при своемъ паденіи вмѣстѣ съ землею толстые корни, пригнувъ и искалѣчивъ слабыя растенія, лежатъ въ видѣ погибшихъ труповъ въ тиши кладбища, покрытые мохомъ, распространяя запахъ сырости, гніенія и разложенія, въ гробовой тиши этой темной, непроходимой чащѣ, среди еще живущихъ и доживающихъ великановъ, скрывающихъ своими мохнатыми вершинами само небо, свѣтъ Божій.

Изъ этого вѣкового царства тьмы и разложенія, возлѣ толстыхъ въ два-три обхвата стволовъ нерѣдко тянутся вверхъ къ свѣту молодые побѣги, тонкія деревца.

Что кабы этой чащей прошелъ Управляющій Государственныхъ Имуществъ. Ученый лѣсоводъ можетъ быть открылъ бы пути и способы эксплуатаціи, не производительно гибнущихъ лѣсныхъ сокровищъ, недоступные глазу простого наблюдателя. Однако г. Управляющій предпочелъ болѣе удобный путь, къ тому же надо было не переводя духъ спѣшить на Ухту, гдѣ въ

то время шла да и теперь идетъ невообразимая горячка: предприниматели дѣлаютъ заявки на нефтеносныя земли ставили и ставятъ столбы, такъ что если продолжится такая же горячка и впредь, то въ скоромъ времени придется пожалуй заимствовать столбовой лѣсъ въ сосѣднемъ съ печорскимъ вымскомъ лѣсничествѣ...

Въ прошломъ году инженеръ Бѣлобородовъ производилъ „ислѣдованія“ нефтеносной земли на Ухтѣ, сдѣлавъ 106 заявокъ, а нынѣ В. Я. Бѣлобородовъ организуетъ общество, съ цѣлью противодействовать захвату Ухты Нобелемъ.

Въ текущемъ году дѣло идетъ куда болѣе ускореннымъ темпомъ. Лихіе ямщики, что называется буквально взмылены до пѣны, таская высунувъ языкъ все новыхъ предпринимателей, стремящихся къ печорскимъ богатствамъ.

Горячка предпримчивости до такой степени охватила все живое, что не только простые смертные сбросили исконную русскую спячку, но даже ринулись въ печорское предпріятіе начальствующія свѣтила, получивъ авансомъ изъ русской казны на подъемъ, суточные, разъѣздные, поверстное довольствіе и др. непредвидѣнные расходы такую мзду, что хватило бы окультурить не одинъ Яренскій и Устьсысольскій край.

Въ защиту экспедиціи приводятъ наивный доводъ, что де она имѣла цѣлью не только разузнать досконально какъ и что дѣлается на Ухтѣ, но и помимо того опредѣлить сколько тамъ есть удобныхъ земель, годныхъ подъ заселеніе и культуру.

И на самомъ дѣлѣ экспедиторы еще съ дороги, со станціи Вогваздино шлютъ въ Петербургъ телеграммы (Нов. Вр. № 11220, изъ Вологды), что „экспедиція отправившаяся 22 мая къ нефтянымъ мѣсторожденіямъ на Ухтѣ, благодаря первобытнымъ способамъ передвиженія возвратилась на лодкахъ въ Вогваздино только 6-го Іюня вечеромъ. Экспедиція на

мѣстѣ убѣдилась въ нефтеносности громаднаго района по обѣимъ сторонамъ р. Ухты съ ея притоками, признала по качеству земель колонизацію здѣсь возможною, вывезла образцы нефти и др. ископаемыхъ, а также почвъ и сдѣлала массу фотографическихъ снимковъ на нефтеносныхъ площадяхъ Вологодской губерніи.“

Надо замѣтить, что экспедиція пробыла въ пути не менѣе двухъ недѣль впередъ и обратно „благодаря первобытнымъ способамъ передвиженія“, такъ что собственно производительное время слѣдуетъ считать не болѣе одного дня. А почитайте приведенную телеграмму сколько сдѣлано. Прямо уму непостижимо! Экспедиція на мѣстѣ убѣдилась въ нефтеносности громаднаго района по обѣимъ сторонамъ р. Ухты съ ея притоками.

Это въ одинъ-то или два дня! Экую вѣдь г.г. экспедиторы развернули работоспособность!

Но кромѣ того она признала и колонизацію—то здѣсь возможной и произвела раскопки, сфотографировала виды и т. д. и т. д..

Поглядите молъ какіе мы труженики, стоитъ только развернуться!

Точно также дурачила Петербургъ и покойная Тиманская экспедиція, научные труды и выводы которой, почитаются „священнымъ откровеніемъ“, не допускающимъ никакого оспоренія примѣрно, какъ истина дважды два.

А загляни знающій край въ эти „труды“ и окажется, что на картахъ показаны рѣки, которыя текутъ не туда куда надо...

По совѣсти говоря развѣ же можно что либо узнать въ одинъ—два дня. Вѣдь тутъ нужны мѣсяцы и притомъ пѣшаго хожденія. Только такая экспедиція и могла бы принести реальную пользу, которая проникла бы въ неизмѣримую глубь края.

Ну-съ а вотъ извольте полюбоваться г.г. экспедиторы прошлись три—пять верстѣ по сухимъ бережкамъ,

сфотографировали художественные виды— „изслѣдованіе“ конечно, заработалъ телеграфъ объ „открытіяхъ“ экспедиціи...

А попутно, между дѣлъ, отчегожъ не поставить десятокъ другой столбиковъ...

И вотъ работу эту глава экспедиціи поручаетъ нѣкому Выликжанину, а такъ какъ онъ не специалистъ въ геологическомъ строеніи земного шара, то пришлось пригласить въ качествѣ свѣдущихъ лицъ вымскихъ мужичковъ, которые знаютъ такіе тайны печорскихъ богатствъ, которыхъ никогда не открытъ нашимъ экспедиторамъ, ибо всѣ труды нашихъ экспедицій основаны на показаніяхъ вотъ именно этихъ мужиковъ, не исключая даже и такой экспедиціи, какъ Тиманская.

Вотъ почему необходимо основательное изученіе Печорскаго края. Нужно снарядить и послать на Ухту— Печору еще экспедицію, которая бы не побоялась заглянуть въ самыя глухія дебри.

Что какъ на Ухтѣ только выходы нефти, а самыя нефтеносныя пласты залегаютъ гдѣ нибудь за двѣсти-триста верстъ?

Выше я уже сказалъ, что точно такіе же выходы нефти есть не доходя сто верстъ Ухты.

Знаетъ ли объ этихъ выходахъ „Тиманская экспедиція“?

Я могу положительно утверждать, что не только объ этихъ выходахъ нефти въ притокахъ Выми (сѣверо-двинская система). но и объ ухтенскихъ „тиманская экспедиція“ знаетъ не больше, чѣмъ нынѣшняя.

Настоятельно нужно произвести изслѣдованіе антиклинарныхъ складокъ, надо опредѣлить антиклинаръ, т. е. центральный источникъ.

Недавно я былъ въ Нефтяномъ Отдѣлѣ Горнаго Департамента. Мнѣ надо было доложить высокопоставленному учрежденію о выходахъ нефти, замѣченныхъ мною въ притокахъ Выми, о которыхъ ни покойная

Тиманская экспедиція, ни экспедиція генерала А. Н. Хвостова никто, опять же кромѣ Бога, да еще Михаила Трошева изъ деревни Отлинской на Выми, ничего не знаютъ.

Мнѣ нужно было выяснитъ необходимость посылки экспедици, которая бы пріоткрыла завѣсу таинственности, скрывающую богатѣйшій Печорскій край, изобилующій, кромѣ нефти, лѣсными богатствами залежами желѣза, угля, мѣди, золота. Докладъ затянулся бы пожалуй на цѣлый часъ.

„Не когда, не когда“, бросилъ на меня безнадежный жестъ какой то кругленькій производитель. „Вотъ“... пояснилъ онъ, проведя рукой по дыхательнымъ артеріямъ горла.

Не много спустя, описавъ полукругъ въ безконечномъ корридорѣ зданія Главнаго Штаба производитель остановилъ меня словами: „минуты двѣ могу вамъ удѣлить“, но едва я успѣлъ пріоткрыть ротъ, какъ изысканно раскланявшись, производитель исчезъ въ каменной трубѣ.

Видно было, что центральный органъ страны работалъ во всю, производители чиновники трусили по мрачнымъ корридорамъ, перебѣгая изъ кабинета директора къ вице и обратно, старательно отталкивая тренія „постороннихъ лицъ“.

Скоро къ намъ на Сѣверъ прилетѣла вѣсть, что посѣщеніе мое совпало съ моментомъ, когда нефтяной отдѣлъ рѣшалъ судьбу ухтенской нефти, предоставляя гвардіи капитану Воронову концессию, по которой онъ имѣлъ получить миллионныя привиллегіи, правда пока еще только въ перспективѣ, но за то ужъ чиновники обязали тороватаго капитана во что бы то ни стало открыть нефть...

„Конецъ царствію бра-Нобель“, вздохнулъ облегченіемъ сѣверянинъ, задыхающійся подъ гнетомъ высокихъ цѣнъ Нобелевскаго керосина, недоступныхъ для многихъ мѣстностей.

На самомъ дѣлѣ досадно до боли, что проходя этой чащей въ самую знойную пору, мы прямо изнывали отъ жажды, потому что не гдѣ было зачерпнуть хорошей, чистой воды, такъ какъ не только притоки Ухты, но и Выми пресыщены нефтью, просачивающейся изъ какого то невѣдомаго источника. Въмѣсто того, чтобы разузнать, открыть этотъ, подь бокомъ находящійся источникъ, мы возьмемъ нефть сюда за тысячи верстъ изъ Баку...

Въ газетахъ промелькнули извѣстія, что капитанъ Вороновъ человекъ состоятельный, что онъ везетъ на Ухту двѣнадцать тысячъ пудовъ машинъ и инструментовъ и что вообще онъ если не въ Японіи, то на Ухтѣ ужъ непременно отличится. Извѣстно стало, что и правительство не дремлетъ, ассигновавъ кредитъ на проведеніе пути, отъ устья Выми до Ухты, хотя это чисто бумажное предпріятіе по существу нелѣпно, ибо разъ не открыты источники богатства, то соединять путями сообщенія воображаемые источники по крайней мѣрѣ преждевременно.

Въ самый разгаръ иллюзій роковымъ ударомъ разразилась вѣсть, что гвардіи капитанъ Вороновъ и бра-Нобель одно и тожь... Что удалый гвардеецъ перепродалъ свои права на миллионныя перспективы Нобелю за двадцать тысячъ сребренниковъ...

Выяснилось, что цифра 12 тыс. пуд, преувеличена въ двѣнадцать разъ, т. е. всего на все Вороновъ провезъ на Ухту около тысячи пудовъ грузовъ: 600 пуд. по Вычегдѣ, Выми и 500—черезъ Архангельскъ моремъ на Печору—Ухту.

Въ завершеніе всего оказалось, что кромѣ надеждъ на миллионныя перспективы, капитанъ Вороновъ никакими реальными средствами и не обладаетъ... На повѣрку вышло, что чиновники въ торопяхъ толкомъ и не разузнали о матеріальномъ положеніи капитана.. Такимъ образомъ лопнулъ надъ Ухтой еще одинъ

розовый шаръ, такъ старательно раздутый чернильной братіей.

„Какъ же это такъ“, недоумѣваетъ разочарованный сѣверянинъ. Вѣдь населеніе Вологодской, Архангельской, Вятской, Пермской и др. губеній до зарѣзу нуждается въ дешевомъ освѣтительномъ матеріалѣ. Имѣя дома источники нефти, оно переплачиваетъ ежегодно милліоны, обогащая бакинскихъ монополистовъ. Стало быть въ интересахъ сѣвернаго населенія желательно скорѣйшее открытіе ухтенской нефти; тогда какъ Нобель, опора и надежда чиновничьихъ проектовъ, надо полагать не чувствуетъ ни малѣйшей охоты торопиться съ открытіемъ; скорѣе наоборотъ, ему есть прямая выгода похоронить ухтенское предпріятіе при содѣйствіи учреждений, покровительствующихъ отечественной промышленности, ибо въ случаѣ ея открытія въ количествѣ достаточномъ для эксплуатаціонныхъ цѣлей, кто знаетъ какія она вызоветъ потрясенія, опасныя могуществу Нобелей, какъ хозяевъ бакинской нефти.

„Ахъ пардонъ-съ“, возразятъ горные орлы „мы не могли предугадать такой коллизіи интересовъ“.

Теперь допустимъ на минуту, что Нобель сдѣлаетъ развѣдки на пространствѣ 400 кв. вер. въ районѣ Ухты съ ея притоками, т. е. въ мѣстности уже болѣе или менѣе изслѣдованной; но станетъ ли онъ производить развѣдки болѣе обширной площади, заглянетъ ли въ неизмѣримую глубь края, что вызывается простой необходимостью, чтобы не блуждать въ потьмахъ?

Здравый смыслъ подсказываетъ, что Нобелю и разыскивать много нечего; но если бы кто нибудь случайно открылъ Америку, то развѣ трудно Нобелю сдѣлаться хозяиномъ дѣла? Какую реальную силу противодѣйствія захвату имъ, могутъ представить нынѣшніе ухтенскіе предприниматели неимѣющіе средствъ, чтобы оплатить трудъ рабочихъ? Ожидающіе лишь удобнаго момента, сбуть свои позиціи.

По этимъ соображеніямъ, оставивъ широкое поле дѣятельности частной инициативѣ, слѣдуетъ послать въ Печорскій край партію рабочихъ изслѣдователей въ въ длинныхъ бродняхъ, а не въ лаковыхъ ботинкахъ, такую партію, которая бы не побоялась омочить ногъ, подобно предыдущимъ изслѣдователемъ, витавшимъ по Тиманскимъ высотамъ, освѣдомляясь о богатствахъ края у всезнающихъ вымскихъ мужиковъ. Почему предприниматели остановились на Ухтѣ, когда такіе же выходы нефти встрѣчаются и въ притокахъ Выми, въ ставерстахъ отъ Ухты и въ аналогичныхъ условіяхъ?

„Но гдѣ же взять средства на снаряженіе экспедиціи, на доставку машинъ, буреніе и пр.“? Вѣдь на это на худой конецъ понадобится полмилліона, а то такъ и весь милліонъ?

Министръ промышленности не разъ категорически заявлялъ, что средствъ нѣтъ. Вообще двинуть тяжелую артиллерію Министерство повидимому не намѣрено. Вотъ ежели послать легкую экспедицію, что бы на мѣстѣ такъ сказать убѣдиться... то это можно... Вѣроятно и въ будущемъ году двинется въ Печорскій край начальничій поѣздъ, эскортируемый легіонами полицейской охраны.

Пройдетъ, Богъ дастъ, пять—десять лѣтъ, а въ это время населеніе сѣверныхъ губерній, переплатитъ на на керосинѣ десятки милліоновъ. Министерство успѣетъ послать десятка два экспедицій, которыя влетятъ государству не менѣе милліона.

„Звѣздоносные изслѣдователи въ лаковыхъ ботинкахъ все будутъ разузнавать досконально, все будутъ на мѣстѣ убѣждаться“, пока наконецъ всѣ не убѣдятся: довольно „изслѣдовать“, пора взяться за дѣло „такъ какъ частная предпріимчивость не оправдала возлагавшіяся на нее надежды“...

Есть основанія думать, что на Ухтѣ, гдѣ нынѣ „работаютъ“ предприниматели, нефти нѣтъ, какъ это и

утверждаютъ многіе; надо поискать антиклинаръ, надо открыть загадку, что такое на самомъ дѣлѣ Ухта?

„По напрасну рѣшеть земной шар“, остритъ мой многоопытный пріятель, сверлящій Ухту уже болѣе пяти лѣтъ.

Но предположимъ, что нефть откроютъ именно на Ухтѣ. Исключаетъ ли это—необходимость посылки экспедиціи? Кто знаетъ какое мѣсто займетъ ухтенская нефть среди другихъ богатствъ, таящихся въ нѣдрахъ Печорскаго края? Помимо залежей угля, золота, желѣза, присутствіе которыхъ установлено случайными наблюдателями по рр. Цильмѣ, Пижмѣ, какъ желательнo выяснитъ лѣсныя богатства? Вѣдь здѣсь часто падаютъ сторублевые деревья, дѣлаясь добычей червя, въ то время какъ мы рубимъ недоросль. Вотъ почему необходимо освѣтить этотъ загадочный уголокъ нашего сѣвера.

И такъ современное положеніе можно охарактеризовать словами устьвымскаго ямщика: „Ни впередъ, ни назадъ, что козьи рога не изъ кузова, ни въ кузовъ“. Государственный геній, раскрывающій торгово-промышленные горизонты Россіи, взваливъ заботы по открытію нефти на Ухтѣ на частныхъ предпринимателей, занявъ выжидательное положеніе, сосредоточившись съ Олимпа власти на притокахъ Ухты: Нефть-Юль, Ярегѣ, Седью, Дья-Юль, куда съѣхались любители сказочнаго обогащенія и зацѣпвъ участки, вооружившись бутафорскими орудіями производства, поглядываютъ другъ на друга выжидая: не брызнетъ ли у сосѣда фонтанъ...

Неизвѣстно только займетъ ли выжидательное положеніе и г. А. Н. Хвостовъ, фамилія котораго жирнымъ шрифтомъ начертана на явочныхъ столбахъ, какъ покрыто таинственностью и то для какой цѣли сдѣланы имъ заявки: съ коммерческой-ли т. е. будетъ ли Вологодскій администраторъ на досугѣ отъ служебныхъ заботъ заниматься и нефтяными дѣлами или же съ какой-нибудь другой цѣлью?

Опять же и то сказать гдѣ тутъ устоять передъ богатствами Печорскаго края, разбросанными щедрой рукой Создателя на всемъ его необъятномъ просторствѣ?..

Горному вѣдомству скоро предстоитъ отпраздновать память Сидоровскаго предпріятія, удушеннаго полвѣка назадъ стараніями чернильной братіи. Нѣкоторые успѣли выслужить умопомрачительныя отличія. Съ той поры на Ухту одинъ за другимъ тянутся предприниматели, охьяненные нефтяными богатствами. Полвѣка идетъ движеніе, безъ искусственныхъ приманокъ, безъ многомилліонныхъ привилегій, которыя легко могутъ стать реальной цѣнностью и дѣло шло какъ по маслу... Канцелярская машина все работала... отталкивая тренія „постороннихъ лицъ“. Но теперь произошелъ колоссальный переворотъ и Министерство стало награждать предпринимателей неслыханными приманками—тысячами десятинъ земли. Такъ что если и впредь будетъ дѣйствовать та же система, то не долго и до расколотаго корыта... А надъ Печорскимъ краемъ и по сіе время тяготѣетъ завѣса таинственности.

Оцѣните размѣры ущерба, который несетъ страна, управляемая политикой, доведшей населеніе богатѣйшаго края до степенн жалкаго прозябанія.

Трудно даже и приблизительно опредѣлить какіе могутъ быть открыты здѣсь промышленные горизонты, скрытые до сего времени отъ насъ тяжестью безтолковаго правленья. Какой тутъ безконечный просторъ честнымъ порывамъ, облагораживающаго личность, труда?

Самъ глава Начальничьей экспедиціи, оповѣстилъ на весь міръ, что на Ухтѣ возможна колонизація. Я же утверждаю, что колонизація возможна и значительно сѣвернѣе, но пойдѣмъ отъ Ухты до Сольвычегодска сплошной чашей прямой линіей верстъ 350 и въ поперечникѣ, не выходя изъ предѣловъ Вологодской губ., верстъ 300. Обратите хоть одну треть площади подъ

огороды, поля, покосы. Да вѣдь избытками зерна можно было бы прокормить не одну губернію, можно затопить масломъ, ну-съ а поглядите нынѣ. 170 тыс. зырянъ тѣсняются на вѣковыхъ пепелищахъ, на 130 тыс. десятинъ, снимая въ урожайные годы хлѣба на 7—8 мѣсяцевъ. Почти половину года приходится довольствоваться привознымъ хлѣбомъ по цѣнѣ 1 р. 50 к. и дороже за пудъ ржаной муки, а мимо по Пермь-Котласской дорогѣ несется за границу сибирская пшеница, скупаемая на мѣстѣ по 50 коп. за пудъ!

Подавленное нуждой, рѣдкое населеніе спасается бѣгствомъ на стхожій промыселъ, бѣжить изъ края, гдѣ звѣздоносные изслѣдователи на мѣстѣ убѣдились „въ грандіозности естественныхъ запасовъ рудъ, минераловъ и лѣсовъ“.

Да, не обездоленъ Создателемъ Печорскій край благами природы, предназначенными для удовлетворенія потребностей жизни; но словно за какія-то тяжкіе грѣхи обрушилась кара небеснаго гнѣва, упавшая съ облаковъ и голодающіе блуждаютъ у „неисчерпаемой сокровищницы богатствъ“ не имѣя возможности почерпнуть себѣ дневное пропитаніе.

Казалось бы люди, обеспеченныя десятитысячными окладами и государственной пенсіей до двѣнадцатаго колѣна, должны, не увлекаясь радужными перспективами, что временами вспыхиваютъ на Печерскомъ горизонтѣ, соблазняя суетные умы, вложить весь свой талантъ, богатство знаній, прочувствовать всю глубину народной трагедіи.

\* \* \*

Однако какъ ни какъ, но осень самая сытая пора года на нашемъ сѣверѣ. Здѣсь на два—три рубля въ недѣлю можно имѣть самый изысканный столъ, состоящій изъ рябчиковъ, стерляди, семги. Представьте цѣны на мясо въ Сереговѣ на Выми отъ 3 до 5 к. фунтъ

или отъ рубля до двухъ рублей пудъ. До заморозковъ рябчики продавались по 5 коп. за пару, тетерька 12—15 к., живая вычегодская стерлядь 40 к. фунтъ, а сонная по цѣнѣ вонючей трески. Масло 20—23 к., семга 25 к. За одинъ рубль двадцать паръ рябчиковъ. Какъ жаль, что всѣ наши экспедиціи проходятъ въ такую скудную пору, что приходится питать ихъ Богъ знаетъ чѣмъ.

Сѣверъ досконально изслѣдованъ, общество можетъ сколько угодно забавляться выводами, вынесенными изслѣдователями изъ необъятной его глубины.

Напр. инспекторъ Лѣсного Д-та г. Маркграфъ, года три изслѣдовавшій Архангельскія дебри, вывелъ, что свободныхъ земель, годныхъ для новыхъ поселенцевъ въ одномъ архангельскомъ уѣздѣ будетъ 1304724 десятины, а ревизоръ Сахновскій утверждаетъ, что для удовлетворенія надѣлами мѣстнаго населенія оказывается недостатокъ около 29 тыс. десятинъ! Куда лучше наши ухтенскіе, Вологодскіе изслѣдователи. Они не выражаютъ изслѣдованныя ими богатства цифрами, а прямо ошеломляютъ словами: „колоссальнѣйшій, грандіознѣйшій“.

Я думаю давно пора освѣжить затхлую атмосферу, что сгустилась въ Министерствахъ, надо раскопать канцелярскія залежи рутинны и застоя, образовавшіяся въ центральныхъ органахъ правленія.

Когда наши гг. Министры расшаркивались передъ Думой въ своихъ глубокихъ познаніяхъ по части государственнаго бюджета, то такія заявленія не могли не вызвать искреннюю улыбку у каждаго, кто хоть сколько нибудь знакомъ съ канцелярской жизнью.

Въ двухъ съ половиною миллиардномъ бюджетѣ я могъ бы путемъ несложныхъ изслѣдованій сдѣлать интересныя открытія, которыя поставили бы гг. министровъ въ смѣшное положеніе. Я нашелъ бы источникъ, необходимый на поднятіе производительныхъ силъ страны.

Пора всесторонне освѣтить нашъ государственный бюджетъ, надо основательно провѣрить, обусловливается ли данное ассигнованіе реальной потребностью жизни? Напр. не слѣдуетъ ли 5000 оклады, что нынѣ получаютъ монахи Александро-Невской Лавры, поднять до 10.000?.. Не надо ли увеличить праздничные чиновникамъ, получающимъ нынѣ по 200.000 на одну персону. А между тѣмъ, нагромоздивъ двухъ съ половиной миллиардную гору изъ подобныхъ приведеннымъ „неотложныхъ ассигнованій“, министръ финансовъ Коковцовъ при внесеніи бюджета въ третью Думу, пускаясь въ словесный турниръ съ Э—эхъ министромъ Милюковымъ, заявилъ: „незнающіе финансовой науки не подходите къ этой руинѣ! хотя здѣсь прежде всего нуженъ здравый смыслъ, а не жалкое изобрѣтеніе, родившееся въ профессорскихъ головахъ.“

20 лѣтъ назадъ я служилъ въ Петербургѣ. Уже тогда чувствовалось, что многіе министерства до того распухли, что угрожали рухнуть подъ собственной тяжестью. Напр. въ N—мъ Отдѣлѣ Д-та водотолченія занималось 25 человекъ, изъ коихъ Начальникъ Отдѣла и шесть дѣлопроизводителей обходились казнѣ около 30 т. р. въ годъ. Въ теченіе года поступало въ Отдѣлъ 500 входящихъ, такъ что одиннадцать мѣсяцевъ приходилось прямо таки сидѣть сложа руки. Изъ шести производителей похвастаться грамотностью ни одинъ не могъ, хотя каждый обладалъ дипломомъ. Все производство Начальникъ Отдѣла справлялъ самъ.

Спустя 10 лѣтъ въ одной газетѣ я прочелъ, что нашъ бывш. „производитель“ N произведенъ за выслугу лѣтъ въ дѣйствительные, К. въ тайные и т. д. Потомъ я служилъ въ К-мъ банкѣ, гдѣ Главный Контролеръ, получающій всего на все въ годъ тысячь тринадцать просиживалъ днями надъ составленіемъ какой-нибудь пустяшной бумажки, да не лучше и самъ управляющій, поглощающій десятки тысячъ рублей.

Я не отрекаюсь отъ стараго міра, ибо онъ сложился органически, но государственная казна не должна быть питомникомъ паразитизма.

Въ то время какъ на днѣ дневной трудъ производителя оплачивается пятью или десятью копейками, на верхахъ—сотнями рублей, бюджетъ пухнетъ, чтобы покрыть хроническіе дефициты приходится дѣлать займы на убійственныхъ условіяхъ.

Итакъ достать кредитъ не трудно. Надъ Россіей тяготѣетъ куда по серьезнѣе несчастье чѣмъ кредитъ—это привлеченіе къ власти людей честныхъ, дѣятельныхъ, но и тутъ при общественномъ контролѣ, можетъ быть сдѣланъ тщательный подборъ дѣйствительно лучшихъ.

### Удорскій Край.

Край этотъ хотя и входитъ въ Императорскій титулъ, но буквально забытый никѣмъ не описанъ и не „изслѣдованъ“.

Прежде въ Удорскій край дорога была изъ села „Турья“ на Выми, до села Глотова на р. Мезени протяженіемъ около ста верстъ глухой, темный волокъ. Изъ Глотова до слѣдующей деревушки Косланъ-Разгортъ 40 верстъ снова волокъ, а отъ Разгорта до Венденьги, 45 верстъ опять сплошной ельникъ, непроходимый дремучій волокъ и т. д. до самого Важгорта—центра торговой жизни края.

Скучный Глотовскій волокъ навѣвалъ удручающую тоску. Узкая тропа вьется межъ осыпанныхъ снѣгомъ косматыхъ елей. Временами вѣзжаснѣ въ сосновый лѣсъ, но скоро опять кружишься подъ навѣсомъ сѣдыхъ елей, порой скрывающихъ своими космами свѣтъ Божій.

Черезъ каждые двадцать—двадцать пять верстъ попадется крохотная избушка, пріютившаяся въ чащѣ, засыпанной снѣгомъ.

Здѣсь проѣзжающій дѣлалъ остановку, давая отдыхъ

лошади, предварительно натопивъ избушку, если нѣтъ проходящихъ, что случалось не часто:

Днемъ кое когда мелькнетъ въ чащѣ бѣленькій зайчикъ, пронесется дикій олень, вспорхнетъ въ облакъ молочной пыли стая куропатокъ, но и это порой заманчивое до полной прелести зрѣлище скоро скрывается отъ васъ безконечная сѣверная ночь, когда подъ нависшими вѣтвями ѣдешь, что въ подземномъ тунелѣ.

Временами загорится на сѣверѣ дивное сіяніе. Коллебясь вздымаются полосы таинственнаго свѣта, полосы все выше, опоясывая небосклонъ. Колоссальные столбы становятся бѣлѣе, свѣтлѣе, разгораясь все ярче и выше, словно подпирая темно-синіе своды неба. Источникъ свѣта все усиливается, заливая это дремучее царство голубымъ сказочно-волшебнымъ флеромъ. Вотъ почти надъ головой въ самомъ куполѣ неба показываются радужные оттѣнки, въ его сводѣ сливаются всѣ цвѣта въ грандіозный, величественный вѣнецъ, какъ бы завершающій это по истинѣ дивное явленіе природы. Такъ продолжается нерѣдко два—три часа. Почти моментально исчезли чудные оттѣнки, грандіозные столбы свѣта блѣднѣя и блѣднѣя погасли и вы снова въ чащѣ еще болѣе мрачной.

Изрѣдка попадетса осыпанная инеемъ лошадка. Она вздрагиваетъ, вздымая уши, громко заржетъ, словно обрадовавшись встрѣчѣ живой души, но проѣхавъ нѣсколько сажений, снова понурила голову, исчезая межъ угрюмыхъ великановъ елей, скрывшихъ ее, въ своихъ страшныхъ вѣтвяхъ.

„Ну, ну!“—раздается глухой, подавленный голосъ точно стонъ наболѣвшей души.

„Куда Богъ несетъ? Спросишь встрѣчнаго.“

„Просить“, слышится одинъ и тотъ же лаконическій отвѣтъ.

На убогихъ санкахъ, прижавшись вплотную другъ къ другу, сидятъ нерѣдко съ полдюжины ребятишекъ.

Изъ мохнатыхъ совичковъ, сдѣланныхъ изъ оленьихъ шкуръ выглядываютъ крошечныя личики, удрученныя одной заботой „хлѣба“. Нѣжная дѣтская душа уже сродняется съ раннихъ дней со всѣми невзгодами перекочевокъ, совершаемыхъ въ суровыхъ условіяхъ.

Рѣдкую зиму населеніе Мезени не сплавляло на 2—3 мѣсяца женщинъ—дѣтей, т. е. неработоспособную часть въ Вятскій и Привычегодскій край искать пропитаніе Христовымъ именемъ.

Хлѣба въ Удорскомъ краѣ сѣется мало, такъ что уже въ декабрѣ—январѣ свой урожай сѣдается, порой нужда обострялась и часто удорецъ цѣнную чернобурю лисицу отдавалъ за мѣшокъ муки. Ждать помощи? Откуда? Если земство и проявляло слабыя попытки, то помощь приходила уже тогда когда нужда въ ней миновала.

Лѣтъ десять назадъ Яренское земство соединило Удорскій край съ Вычегодой колеснымъ путемъ, о которомъ я уже упомянулъ въ нѣсколькихъ словахъ.

Дорога эта проведена изъ Айкина-Шежама на Вычегодѣ до Буткана на р. Мезени, протяженіемъ 140 верстъ.

Но и здѣсь тотъ же пейзажъ: сосна, ель. Изрѣдка откроется взору бѣло-снѣжная равнина, окаймленная гдѣ то вдали черной лентой, отдѣляющей горизонтъ.

Мѣстами торчатъ уродливые пни, какъ надмогильные кресты забытаго сельскаго кладбища.

Въ общемъ и этотъ путь отличается отъ Глотовскаго развѣ красивыми домиками съ большой избой и горницей, гдѣ теперь постоянно живутъ земскіе ямщики наслучай, когда пронесется по волоку какая нибудь власть, чаще становой ради пресѣченія религіозныхъ суевѣрій и чтобы предать землѣ какой нибудь тамъ „трупъ“, хотя это могъ бы сдѣлать и батюшка, чѣмъ трястись его благородію сотни верстъ.

Какъ развилось „освободительное движеніе“ въ

удорскій край сталъ ѣздить земскій почтарь съ „красной литературой“.

Заботливое о пользахъ и нуждахъ заброшеннаго края Вологодское земство, вмѣсто поощренія новыхъ распашекъ или правильной организаци снабженія продовольствіемъ удорскій край, шлетъ сюда перлы социализма, не подозрѣвая, что здѣсь христіанскій социализмъ близокъ къ своему идеалу.

„Ахъ въ ротъ-те ногами, комаринскіе мужички! улыбнулся мой знакомый удорецъ, подавая мнѣ брошюрку Бебеля и откровенія нашихъ мудрецовъ а Іа Плехановъ и К<sup>о</sup>, вложенныя въ красныя обложки.

„А занятно пишутъ, только ты возьми и прохвати ихъ какъ слѣдуетъ, хоша въ газетѣ. Положимъ тутъ красиво написано, но ученіе одно, а жизнь другое,— добавилъ онъ.

Пока вотъ плоды сѣятелей социализма, принесенные дикой удорской почвой.

\* \* \*

Изъ села Шежама я отправился по новой дорогѣ на волокъ, какъ разъ за два дня до Рождества, въ надеждѣ встрѣтить праздникъ въ Бутканѣ, такъ какъ на переѣздѣ волока въ 140 вер. надо не болѣе полутора сутокъ.

Послѣ „пурги“, навѣявшей сугробы снѣга въ уровень съ крышами гумень и амбаровъ, установился морозъ, какого я, житель сѣвера, не запомню. Воробьи, галки, вороны едва показавшись на волю изъ своихъ убѣжищъ—гумень и сѣноваловъ—тотчасъ же падали окоченѣвшими.

Леденящій душу холодъ сковывалъ все живое.

Мучительно скучныя чувства навѣваетъ однообразная картина. Сани скачутъ изъ нырка въ нырокъ, поминутно налетая на дерево, которое, встревоженное ударомъ сбрасываетъ на васъ цѣлыя лопаты снѣга, осылаясь головы до ногъ. Полозья скрипятъ, словно

по раскаленной плитѣ посыпанной пескомъ, влекутъ желѣзные прутья. До боли рѣжетъ слухъ эта однообразная мелодія.

На волоку ни души: все замолкло, притаилось, точно вы вѣхали въ какое то царство снѣга и холода, отъ котораго куда то скрылось все живое.

Но вотъ и встрѣча. Наконецъ-то живая душа! выпускаешь радостное восклицаніе. Медленно шагаетъ лошадка, увѣшанная сосульками льда.

Далеко-ли до избушки? первымъ долгомъ опрашиваю встрѣчнаго.

Съ саней лѣниво вываливается мохнатая куча, чтобы промять путь для сворота.

Угрюмъ и несловоохотливъ этотъ пасынокъ суровой природы.

„Живая душа въ совикѣ“, оглядывается кругомъ, какъ бодто стараясь въ точности опредѣлить пройденное пространство.

„Баба миряла клюкой, да махнула рукой“, бормочетъ душа уже нѣсколько отѣхавши. Строители и столбовъ-то не наставили, вотъ и кружись тутъ въ этомъ пространствѣ пока не одурѣешь, все еще ворчитъ живая душа.

Уже на половинѣ волока я встрѣтилъ длинную вереницу коней. Это партія рабочихъ, возвращавшаяся изъ лѣсу, куда заѣзжала дѣлать бревна.

Оказалось, что партія состояла изъ 180 человѣкъ съ 90 лошадыми. Недѣли двѣ назадъ она заѣзжала въ лѣсъ за сотню верстъ отъ дома на рѣчку „Чубъ“, но не найдя годнаго лѣса теперь возвращалась домой безъ заработка.

„Всеї партіи было 300 человѣкъ, но изъ нихъ 120 остались работать, а мы вотъ значитъ недѣльки двѣ дѣлали проминашь“, улыбаясь говорили мнѣ мужики.

„Приказчикъ Фонтейнеса, нанимая увѣрялъ, что лѣсу будетъ на всѣхъ, а тутъ искать поискать во всей дѣлянкѣ не оказалось и на половину“.

„Онъ бы вѣдь и зналъ сколько лѣсу, потому еще лѣтомъ осматривалъ дѣлянку, но загналъ вдвое больше народу съ расчетомъ, чтобы скорѣе сдѣлать дорогу, а проминать путь надо было полтора ста верстъ.

„Ну какъ сдѣлали дорогу, прѣхали въ дѣлянку, глядь по глядь, а лѣсу то мало и поворачивай оглобли“,—разсказывали рабочіе.

Сколько нибудь вѣдь положилъ же приказчикъ за хлопоты и потерю времени?

„Нѣтъ мы работать взялись съ бревна, а такъ какъ ни одного бревна не вывезли, то и получили шишъ“, просто и безъ злобы говорили мужики.

„Это еще что, оживился одинъ рябенкій, приземистый лѣсовикъ.

„Весну-съ приказчикъ загналъ насъ на сплавъ и выгонку лѣса тоже верстъ за сто. Брели мы по колѣно въ водѣ въ распутицу, съ двухпудовыми котомками хлѣба за плечьями. За каждый рабочій день приказчикъ посулилъ по 60 коп. Забрались мы это въ лѣсъ-то кое какъ, умаялись просто мочи нѣтъ. Но тутъ сталъ заморозокъ. Ждали недѣлю—двѣ рѣчка не вскрывается, запасъ хлѣба на выходѣ. Что дѣлать безъ хлѣба? Айда назадъ, а насъ было тоже человѣкъ сто. Умаливали дать хошь по рублю, но приказчикъ пригрозилъ дубиной! Грѣть не работали, а получать тутъ какъ тутъ“.

Это на сотню-то человѣкъ выходитъ одинъ съ дубиной? изумился я.

„Чтошь, не воевать же съ нимъ“, заявилъ рябенкій разсказчикъ.

„За то ужъ какъ отработалъ, когда ежель все въ порядкѣ, да сплавилъ лѣсъ на мѣсто, получай чистоганомъ бумажки любо поглядѣть какъ отваливаютъ“...

Уже вторыя сутки, а все еще нѣтъ конца этой хвойной чащѣ, не встрѣчалось ни одново островка жизни. Но вотъ лѣсъ сталъ рѣдѣть, замелькали по сторонамъ костры: вѣрный признакъ приближенія „жи-

ла“. Дѣйствительно дорога, сдѣлавъ еще нѣсколько поворотовъ пошла подъ уклонъ, а скоро показалась р. Мезень, за которой видѣлась деревушка Буткань. Обрадованный гнѣдко мой стрѣлой пустился, а черезъ десять минутъ уже стоялъ у перваго дома, огромнаго, крытаго на два ската съ большими свѣтлыми окнами.

„Милости просимъ“, привѣтливо отвѣтилъ хозяинъ на мою просьбу отдохнуть.

Онъ чинилъ рыболовную сѣть, изрѣдка бросая работу, чтобы наложить въ свѣтильню лучины, ярко освѣщавшей огромную избу.

Возлѣ печки въ корытѣ стоялъ огромный пластъ бѣлаго мха, у котораго суетилась, приготовляя кормъ скоту женская фигура въ овчинномъ полушубкѣ и красномъ платкѣ на головѣ, изъ подъ котораго опускалась длинная русая коса.

Временами женщина бросала на меня украдкой взгляды, показывая хорошенькое личико, окаймленное темно-русымъ пушкомъ волосъ, беспорядочно выпадавшимъ изъ подъ платка.

Между тѣмъ хозяинъ, взявъ въ руку палку и опершись на неё, подошелъ къ окну, чтобы взглянуть на мою лошадь, такъ какъ ноги у него были отняты въ Яренской больницѣ.

„Той порѣ уже два года, началъ онъ повѣствовать о своемъ горѣ, какъ я былъ въ лѣсу на охотѣ. Убилъ выстрѣломъ на деревѣ бѣлку, которая тутъ и осталась. Стучалъ, стучалъ обухомъ по дереву—бѣлка не падаетъ. Взялъ и срубилъ дерево, но оно упало на другое и тутъ завязло. Чаца была непролазная. Пришлось рубить и то дерево. Опять та же исторія. Надо было валить третье, а тутъ только я успѣлъ подрубить, какъ трахъ всѣ деревья грохнулись, придавивъ меня.

„Двѣнадцать дней я лежалъ подъ деревомъ, придав-

ленный его тяжестью такъ что высвободиться никакъ не могъ, сколько ни бился.

„Вотъ мой спаситель, показалъ онъ рукой на черную собаку съ бѣлыми пятнами, у которой торчали на головѣ два остроконечныя уха. И врагъ мой, глубоко вздохнувъ, добавилъ хозяинъ.“

„Двѣнадцать дней, она сама голодая, не отходила отъ меня окружая заботами: ночью лежала на моей груди, свернувшись колачикомъ пригрѣвая, а какъ только настанетъ день выбѣгаетъ на дорогу, прислушиваясь къ проѣзжающимъ (это было на половинѣ волока, т. е. въ семидесяти верстахъ отсюда).

„И что вы думаете вѣдь зазвала, привела ко мнѣ ямщика, который и освободилъ меня, отправивъ въ городъ въ больницу, гдѣ отняли ногу.“

„Теперь вотъ я остался вдвоемъ съ дочерью, показалъ онъ рукой на красавицу блондинку съ роскошной русой косой. Хорошая половина села уже кончается или кончила свой хлѣбъ, а цѣна за пудъ ржаной муки два рубля! Прямо не подступайся. Если будешь примѣшивать мякину, древесную кору, то своимъ хлѣбомъ мы пройдемся вдвоемъ то до весны, а будь дома все семейство, пожалуй хлѣбъ то былъ бы на исходѣ. Ну вотъ значить ужъ мѣсяцъ назадъ я и послалъ свою старуху съ двумя ребятишками искать пропитаніе въ хлѣбные края! крикнулъ хозяинъ, подавленный безсиліемъ помочь своему горю. Будь здоровье, никогда бы я до этого не дошелъ!

Въѣзжая въ край, вы чувствуете, что попали въ какой то райскій уголокъ, изображаемый въ утопіяхъ социализма.

Издали виднѣется въ сторонкѣ отъ села группа амбаровъ, гдѣ складываются промыслы: рябчики, бѣлки и пр. Замковъ и запоровъ нѣтъ.

Благословенный край, гдѣ люди не тревожатся за свое добро!

Вѣсть о прибывшемъ изъ за волока облетѣла село съ быстротой молніи.

„Торговый человѣкъ пріѣхалъ?“

„Нѣтъ не торговый, а лѣсничій?“

Дѣйствительно скоро изба моя наполнилась малицами и совиками.

Убѣдившись, что я и въ самомъ дѣлѣ не торговый, мужики засыпали меня предложеніями взять промыслы: одинъ предлагалъ шкуры медвѣдей, другой цѣнную чернобурю лисицу, третій связку бѣлки и горноста и т. д.

„Возьми, на ярмаркѣ въ Важгортѣ продашь, а какъ поѣдешь назадъ тогда и расчетъ: мы вѣримъ, потому что ты не торговый.“

„Торговый человѣкъ бойкій войтырь; возьметъ десятку урѣ (бѣлка), повернетъ разъ—два, глядишь коршіи бѣлка былъ, а вдругъ половина бракъ: у одной бѣлка хвостъ не на мѣстѣ, у другой—пятно на лбу...“

Высокіе, здоровые въ малицахъ и совикахъ—передо мной стояли дѣти съ бородами: добродушіе, гостепріимство, простота, справедливость—вотъ отличительныя черты удорца.

Оставляй хоть золото на возу никакого присмотра не надо; можно быть покойнымъ за безопасность.

Тѣмъ временемъ наша хозяйка заботливо приготовляла ужинъ, состоявшій изъ рыбы, картофеля и каши.

Послѣ ужина она вынесла моему гнѣдому, стоявшему подъ окномъ около заней, ведро воды и, замѣтивъ, что послѣ трудной мучительной дороги гнѣдко пророгъ, прикрыла его шерстяною полостьюю.

На утро, отправляясь въ дорогу, я предложилъ хозяину плату за хлопоты и гостепріимство, но онъ отказался на отрѣзъ, заявивъ, что „мы саміе безпокоимъ добрыхъ людей.“

Однако уйти такъ мнѣ было неловко и я предложилъ моей задушевной хозяйкѣ коробку карамели, но и она, покраснѣвъ уклонилась, отъ предложенія.

— Дорога дальняя, замѣтила она. Около Важгорта живутъ старовѣры, тамъ и за деньги не купите. Пригодится.

„Полярная красавица, думалъ я, стоя очарованный. Человѣкъ, расправляющій крылья на отлетъ, проявляетъ столько прелестей благородной души.

Слѣдующій за Бутканомъ островокъ—село Венденога, отстоящій отъ Буткана въ 50 верстахъ.

Пріѣхавъ въ Венденыгу, я попросилъ хозяйку согрѣть самоваръ, но та, обрадовавшись гостю (у нихъ всѣ гости) стала наскоро подметать полъ, а потомъ, накрывъ столъ скатертью, поставила пирогъ съ семгой, на второе принесла чашку гороха, потому что горохъ почетнѣе, такъ какъ онъ „покупной“, а семга своя.“

Дальше до села Важгортъ на р. Вашкѣ, притокѣ Мезени, пойдутъ старовѣрскія селенія.

Вотъ надъ искорененіемъ старовѣрства больше и работаетъ полицейская власть, носясь сломя голову по дремучимъ волокамъ.

Въ каждомъ селѣ есть православные храмы, но они почти не посѣщаются какъ ни бьются агенты полицейской власти надъ обращеніемъ старовѣра въ лоно православія, но пока безуспѣшно.

Напр. вѣнчаться удорецъ идетъ къ нашему батько, такъ какъ это даетъ ему извѣстныя права, но тотчасъ же послѣ „вѣнца“ направляется къ своему наставнику, который налагаетъ на провинившагося „Эпитимію“ нерѣдко въ пятьсотъ поклоновъ въ день, да еще какъ закатитъ мѣсяца на три... У кого хватитъ терпѣнія вынести такое наказаніе? И вотъ наказанный занимается когонибудь отмаливать. Есть старушки, которыя вѣчно молятся за чужіе грѣхи...

Въ деревушкѣ „Чирки“, 20 верстъ не доѣзжая Важгорта я впервые услшалъ предостереженіе:

„У насъ еще можно оставить возъ и лошадь подъ ок-

номъ, а вотъ ужъ въ Важгортѣ держи ухо востро: шлею обрѣжутъ!„

Берегись цивилизація!

Подѣзжая къ Важгарту передъ вами открывается интереснѣйшая панорама, представляющая въ живыхъ картинахъ виды сѣвера.

По двинскому тракту ѣдутъ воза съ краснымъ товаромъ, баранками, желѣзомъ, крупной, мукой, а съ сѣвера двигаются нескончаемые обозы рыбы, мяса, пушины.

Въ теченіе двухъ недѣль глухое, сонливое мѣстечко Важгортъ обращается въ кипучій муравейникъ, не умолкающій ни днемъ, ни ночью.

Чуть-чуть забрежится недолгій зимній день, какъ обширная равнина, лежащая къ сѣверу отъ Важгорта представляетъ сплошной движущійся потокъ: словно несутся въ снѣжномъ пуховикѣ какая то волна.

Это обозы промышленниковъ дальняго сѣвера, обитателей суровой неуютной тундры.

Впереди шагаетъ самоѣдъ на лыжахъ, за которыми плывутъ въ двухъ — трехъ аршинныхъ сугробахъ нѣсколько десятковъ оленей порожнякомъ, протапывая путь, а уже за ними слѣдуютъ парами олени, влекущіе предметы промысла сѣверянина: оленье мясо, семгу, печорскіе осетры, пелядь, чира, навагу и пр.

Въ недѣлю все село буквально закладывается кострами семги пелядя, кипами оленьей шерсти, мяса, рябчика, курапатки, бѣлки и др.

Тутъ же на возахъ открыто продаются и „красноголовики“ и самоѣдъ, расположившись на снѣгу, исправно потягиваетъ влагу, приглашая изъ загробнаго міра своихъ предковъ хлебнуть винца.

„Приходи отецъ и кушай“, наливая стаканчикъ, приглашаетъ самоѣдъ своего отца.

„Приходи мать и кушай“.

„Приходи братъ и кушай“, повторяетъ онъ, но такъ

какъ никто изъ приглашенныхъ не откликается, то каждый стаканчикъ самоѣдинъ выпиваетъ самъ.

Глядишь, спустя полчаса на снѣгу межъ возами храпять мохнатая куча и чѣмъ крѣпче морозъ, тѣмъ сильнѣе.

Но вотъ догорѣлъ недолгій зимній день и отъ Важгорга замѣчается обратный отливъ. Самоѣдъ скрывается въ лѣса, гдѣ на мѣстѣ, избранномъ оленемъ, устраиваетъ чумъ на время ярмарки.

Олень уплываетъ въ снѣжномъ пуховикѣ, какъ рыба въ водѣ; пробиваясь чащей, онъ кладетъ рога на спину, какъ ненужную принадлежность.

Удивительная приспособленность, изумительная цѣлесообразность въ природѣ!

Во время ярмарки рѣка Вашка представляетъ чисто масляничное гулянье: съ утра до поздней ночи здѣсь идетъ катанье на оленяхъ. Вихремъ мчитса рогатая тройка по бѣлому полю, исчезая изъ виду, все темнѣя и блѣднѣя, скрылась гдѣ то въ изгибѣ безконечной рѣки.

Но я не помню болѣе эффектной и грандіозной картины какъ однажды въ Афанасьевъ день катокъ этотъ освѣтился необычайнымъ свѣтомъ полярнаго сіянія.

Тамъ въ невѣдомой и недоступной странѣ полуночной загорѣлись разомъ десятки колоссальнѣйшихъ рефлекторовъ, освѣтивъ сплошнымъ заревомъ весь небосклонъ сѣвера.

Утромъ изъ лѣсу выѣзжаютъ самоѣды и самоѣдки въ совикахъ, украшенныхъ разнаго цвѣта вышивками, а къ сумеркамъ большая часть снова исчезаетъ въ чащѣ. Остаются на ярмаркѣ лишь для охраны товаровъ, сложенныхъ на снѣгу. Здѣсь и спятъ самоѣды. Это неизбалованное дѣтище сѣверной природы чувствуетъ себя въ снѣговомъ пуховикѣ вполне нормально.

На базарѣ веселье льется рѣкой. Самоѣдки дѣвуш-

ки ходять, толкаясь другъ съ дружкой, отплясывая ногами.

Однако приподнятое настроеніе продолжается не долго, угаръ веселья проходитъ, наступаетъ реакція: самоѣдъ начинаетъ тяготиться этой суетолокой, его влечетъ пустынная тундра, съ которой онъ сроднился, находя и въ этой удручающей пустынѣ свои прелести.

Теперь прицѣнимся нѣсколько къ товарамъ, что доставлены на Важгортскій рынокъ.

Въ 1906 г. осетры продавались отъ 18—20 р. за пудъ, семга 12—15 р., сигъ, чиръ, пелядь 3—6 р., мясо оленье (задки) 3 р., рябчикъ 35 к. пара, куропатка 35 к., оленья шерсть 1 р. 50—2 р. за пудъ.

Доставка гужомъ изъ Важгорта до Московско-Архангельской ж. дороги, а по этой послѣдней до Петербурга, Москвы обойдется всего на все 1 р. 30—1 р. 50 к. съ пуда.

Между тѣмъ напр. пелядь въ томъ же году продавался въ Москвѣ по 9—12 р. за пудъ, т. е. торговцы наживали по 5—7 р. на одномъ пудѣ! а отъ печорской семги эти посредники зарабатываютъ и всѣ 10—15 рублей.

Цѣны на навагу стояли въ Важгортѣ 1 р. 20 к.—1 р. 50 к. а въ Москвѣ 5—6 р. и дороже.

До ста тысячъ и болѣе штукъ бываетъ одной зайчины, но въ Важгортѣ нѣтъ заячьяго мяса въ продажѣ, которое почти цѣликомъ скармливается собакамъ, а въ рѣдкихъ деревняхъ употребляютъ въ пищу, тогда какъ въ столицахъ заяцъ стоитъ 50—70 коп.

Покупать рыбу и мясо пріѣзжаютъ въ Важгортъ главнымъ образомъ двиняне и олоняне-каргопольцы, но большинство печорскихъ промысловъ скупаются ими на мѣстѣ въ Устьцылемской и Пустозерской волостяхъ на Печорѣ, куда сейчасъ же мы и перекочуемъ.

До сего времени, переѣзжая съ Вычегды и Выми на рр. Мезень и Вашку, мы встрѣчали волока, изъ

воихъ самый большой Шежамско-Бутканскій, <sup>длиной</sup> 140 верстъ, но изъ Важгорта въ Усть-Цильму на р. Печорѣ волокъ тянется на цѣлыя триста верстъ, т. е. чтобы переѣхать волокъ на проходной надо при хорошей погодѣ три дня.

Около ста верстъ отъ Важгорта вы ѣдете тою же чащей, что мы видѣли на Бутканскомъ волоку, но вотъ лѣсъ сталъ рѣже, дорога пошла на едва замѣтный уклонъ, который все выше и выше идетъ почти на полтора ста верстъ, а затѣмъ уклонъ все понижаясь опускается къ Печорѣ.

Передъ вами снова особый мѣръ, сложившійся въ бассейнѣ рѣки Печоры.

Въѣзжая въ Удорскій край васъ встрѣчали съ радушіемъ простотой, кроткіе, добрые, довѣрчивые Мезенцы. Совершенно противоположная картина раскрывается передъ вами, какъ только вступите въ Печорскій край.

Въ верхнемъ теченіи Печоры, въ предѣлахъ Щугорской и др. волостей, мы видѣли какъ зыряне долбять брусыную гору.

Внизъ по Печорѣ въ среднемъ ея теченіи, особенно въ самомъ оживленномъ притоцѣ Печоры-Ижмѣ, развился хищнический типъ: высокій, широкоплечій, здоровый, бойкій ижемецъ издали говорить, что не суй палецъ въ ротъ. Многіе ижемцы разжились, занимаясь торговлей, доставляя товары: жампу, мясо и др. промыслы въ Нижній, Москву.

Здѣсь часто мелькаетъ смѣшанный финско-самѣдскій типъ.

Главное занятіе ижемца—оленоводство, рыбный промыселъ, охота на звѣря, дичь, но на самомъ дѣлѣ ижемецъ занимается больше грабежомъ, угоняя самѣдскія стада оленей.

Здѣсь р. Печора мелководна, а берега ея покрыты лѣсами, какъ и Вычегды, но уже ниже Усть-Цильмы

она становится шире, величественнѣй, и образуя широкій могучій потокъ, который словно раздвинулъ, куда то унесъ скучные ненавистные берега: только кое-гдѣ темнѣютъ едва замѣтные острова.

Пустозерская волость—центръ самаго цѣннаго рыбнаго промысла. Здѣсь одной семги ловится около 10,000 пуд. въ годъ, т. е. болѣе половины улова семги всей Печоры съ ея притоками. Кромѣ семги здѣсь бываетъ очень крупный ловъ наваги и др. менѣе цѣнной рыбы, составляющей приблизительно 20 тыс. пуд. въ годъ.

Слѣдующей крупной статьей промысла Пустозера является ловля куропатки, которая носится здѣсь цѣлыми облаками, усѣивая Пустозерскія пустыни.

Однако не эти промыслы служатъ источникомъ богатства Пустозера, источникомъ той зажиточности, о которой не смѣютъ мечтать даже и вымскіе мужики: благосостояніе ижемца, какъ и пустозера, зиждется на вырожденіи и вымираніи остатковъ самоѣдскаго племени, нѣкогда довольно многочисленнаго, ибо въ то время какъ ижемецъ угоняетъ самоѣдскихъ оленей, пустозерь-кулакъ вымѣниваетъ на табакъ, водку, нѣсколько мѣшковъ гнилой муки, всего стоимостью на сотню-полторы рублей, годовой промыселъ самоѣда цѣнностью въ одну-двѣ тысячи рублей!

Сначала напоивъ чайкомъ, а потомъ, ошеломивъ алкоголемъ полудикаря-самоѣда, хищникъ пустозерь безбожно обираетъ чуть-чуть не задарма дорогіе шкурки песца и др. промыслы.

Никакой попытки вырвать изъ лапъ хищниковъ это вымирающее племя до сего времени не было сдѣлано; наоборотъ въ эпоху славнаго управленія краемъ начальника Архангельской губ. Энгельгардта, который прогремѣлъ на весь свѣтъ своей „плодотворной дѣятельностью“, не сдѣлавъ въ общемъ ничего, на Печорѣ жили чиновники по крестьянскимъ дѣламъ, которые, увлеченные примѣромъ пустозера, сами пускались въ коммерцію, занимаясь хлѣбной торговлей.

Напр. одинъ чиновникъ покупалъ хлѣбъ въ Архангельскѣ по 1 р. 25 к.—1 р. 50 к. за пудъ, доставка на Печору моремъ 10—15 к. съ пуда—продавалъ 2 р. 50 к.—3 р. за пудъ!

Потомъ кто-то донесъ, пошли справки и допросы, а въ концѣ концовъ торговецъ-чиновникъ былъ вознесенъ на такую высоту, что никогда не снилась и А. Н. Хвостову, спекулирующему нынѣ по части ухтенскихъ богатствъ.

### „Пасха въ Тундрѣ“.

Недавно мнѣ случилось встрѣтить праздникъ Пасхи въ той страшной, мертвой пустынѣ, что на нѣсколько сотъ верстъ тянется отъ береговъ Ледовитаго океана до лѣсной полосы.

Проводникъ мой рослый, широкоплечій ижемецъ, съ характернымъ самоѣдко-зырянскимъ лицомъ, обличавшимъ весьма типичнаго выродка, увѣрялъ, что къ Вербному воскресенью выберемъ изъ тундры въ веселую, счастливую Ижму, но расчетъ этотъ не оправдался: свирѣпая пурга задержала насъ и тутъ я впервые познакомился съ обстановкой, въ которой встрѣчаетъ самоѣдь Свѣтлый праздникъ.

Наша четверка оленей подъ управленіемъ бывалаго ижемца куда-то плыветъ въ снѣжномъ ураганѣ, а пурга все неистовствуетъ, напѣвая удручающіе мотивы. Порой среди этой мелодіи стихіи отчетливо пронесется вой стаи голодныхъ волковъ, сливающійся въ такія созвучія, что морозъ пробѣгаетъ по кожѣ.

Я съ трудомъ разглядываю сидящаго передо мной на козлахъ ямщика ижемца: огромный въ совикѣ онъ казался темной тучей, висѣвшей надо мной.

Движеніе ее замедляется. Схоронившись въ санки приходится часами выжидать. Уже вторые сутки не попадался ни одинъ чумъ, полярная выюга все бѣсит-

ся, вздымая столбы снѣжной пыли! Сгорая нетерпѣн-  
емъ узнать, вѣрно-ли мы держимъ курсъ, я разспра-  
шиваю возницу:

„Ежели на Ижму не попадемъ, то ужъ на Печору  
все потрафимъ; только не безпокойся, олень чуетъ и  
по духу найдетъ,—успокаиваетъ онъ.

Послѣ многодневнаго шторма въ ночь на Великій  
четвергъ пурга успокоилась, погода прояснилась, на  
душѣ стало легче, даже мой спутникъ ижемецъ за-  
пѣлъ такую ерунду, что я невольно плюнулъ.

Отвернувшись отъ несносныхъ звуковъ, я загляды-  
ваюсь въ бѣлоснѣжную даль, долго и упорно останавли-  
ваюсь глазами на одной точкѣ, темнѣющей гдѣ-то вда-  
ли на склонѣ ясно выступающаго холма.

Глазамъ больно отъ усиленнаго напряженія, и я на  
минутку бросаю взглядъ въ сторону, или просто зары-  
ваюсь въ одѣяло, но такъ проходитъ недолго: взоръ  
мой снова останавливается на одинокомъ пятнѣ, тем-  
нѣющемъ на бѣломъ фонѣ.

„Гляди-кось, юрта“, заявляетъ мой возница, пока-  
зывая на завѣтную точку, становившуюся все яснѣе.

Островокъ жизни, но, Боже мой, какой жизни! Чуть-  
чуть теплящейся въ тихой предсмертной агоніи, какъ  
медленно догорающая надмогильная лампада.

Около чума сиротливо жмутся десятка полтора оле-  
ней, оставшіеся отъ стада головъ въ двѣсти, недавно  
угнаннаго пиратами. Кругомъ потухающаго костра рас-  
положилась самоѣдская семья, неподвижно уставивъ  
тусклые, равнодушные глаза на угасающій уголь.

Тутъ же у синкуя валяются неваренныя обглоданныя  
кости, потому что запасъ топлива вышелъ. Муки уже  
давно нѣтъ. Поэтому хозяйка варить въ плоскомъ ко-  
телкѣ, какіе то остатки оленя. Нѣсколько поотдалъ ле-  
жить холодный трупикъ малютки, лицо котораго по-  
крыто сплошной коростой, изъѣдено экземой, двое еще  
копошатся у костра, но ни тѣни игривости, свойствен-  
ной ихъ возрасту.

Такъ встрѣчаетъ самоѣдь Свѣтлый праздникъ, который и онъ признаетъ, ибо давно числится членомъ великой христіанской семьи, хотя за пазухой постоянно держитъ своего божка, которому попадаетъ здорово, въ случаѣ неудачи охоты. И не приходитъ никогда ему въ голову мысль просить о помощи. Такъ исчезаетъ съ каждымъ годомъ кроткое, доброе племя. Медленно, но съ неизбѣжнымъ роковымъ исходомъ идетъ процессъ вымиранія нѣкогда многотысячнаго народа.

Потрясенный картиной медленно умирающаго племени, я скоро поспѣшилъ оставить юрту, но не успѣли мы отѣхать и четверти версты, какъ встрѣтились лицомъ къ лицу съ самой страшной опасностью: на насъ бѣшено неслась стая голодныхъ волковъ, готовая въ одну минуту растерзать весь нашъ поѣздъ въ клочья.

И вотъ откуда ни возмись летить на лыжахъ хозяинъ только что оставленной нами юрты, безъ всякаго вооруженія, съ легкимъ длиннымъ копьемъ, летить прямо на стаю хищниковъ, что стрѣла!

Произошла изумительная метаморфоза: сонливое, инертное существо загорѣлось кипучей жизнью, полной безграничной отваги и ловкости; простое незатѣйливое орудіе, которое въ непривычныхъ рукахъ не оказало бы дѣлу самозащиты никакой помощи, сдѣлалось грознымъ, смертоноснымъ, даже для такого опаснаго врага, одна мысль о появленіи котораго леденить душу. Въ нѣсколько минутъ пять—шесть хищниковъ падаютъ на смерть пораженными, а остальные спасаются бѣгствомъ отъ преслѣдованія ловкаго промышленника самоѣда.

Въ благодарность за спасеніе, я предлагаю серебряные рубли и остатокъ еще сохранившейся водки. Самоѣдинъ охотно выпиваетъ нѣсколько, одинъ за другимъ стаканчиковъ, но отъ серебряныхъ рублей отказывается, приглашая въ юрту, гдѣ онъ устроитъ самый

высокій почетъ какой онъ устраиваетъ рѣдкому гостю, т. е. сейчасъ же зарѣжетъ оленя.

Вѣковая жизнь или вѣковая борьба выработали до рѣдкости сложные приемы, до виртуозности тонкіе приемы охоты, чудовищную выносливость, замѣчательную приеиспособленность къ окружающимъ условіямъ среды.

И тѣмъ не менѣе, духъ разложенія и смерти властвуетъ надъ слабой, догорающей жизнью, ибо тѣ одна, двѣ тысячи очаговъ, насквозь пропитанныхъ нечистотами и болѣзнями, есть не болѣе какъ живые памятники огромнаго кладбища, цѣлаго племени, нѣкогда населявшаго великія земли „Нарко“ и „Юималлы.“

А съ какимъ божественнымъ трепетомъ вспоминаетъ онъ о своей родной тундрѣ! Какъ бережно охраняетъ онъ эти тундры, оленей, песцовъ!

Неужели такъ-таки безслѣдно исчезнетъ самоѣдское племя, а обширная тундра останется навсегда мертвой пустыней, ибо трудно допустить возможность разведенія здѣсь жизни, если будетъ стерто съ лица земли это закаленное, приспособленное къ мѣстнымъ условіямъ среды, выносливое племя.

Уже давно наступилъ вечеръ, а тамъ безконечная полярная ночь, ярко свѣтитъ въ небесной лазури красавица луна, заливая голубымъ флѣромъ бѣлоснѣжную пустыню.

Одна за другой въ головѣ моей воскресаютъ картины самоѣдской жизни, я скоро мысленно переношусь въ города столицы гдѣ кипитъ предпраздничная жизнь: вербное гулянье, блескъ, роскошь, сытость, довольство, волшебные дворцы, дорогіе наряды и хотя за этимъ внѣшнимъ благополучіемъ скрываются глубокіе недуги: голь, нищета трудового класса, создавшаго это „благополучіе“ такъ плѣнительно опьяняющее людей; но тутъ угнетенный классъ встрѣчаетъ больше

сочувствія, и ведетъ борьбу съ угнетателями, тогда какъ здѣсь въ этой ужасной пустынѣ сходить со сцены жизни незамѣченнымъ цѣлое племя!

Между тѣмъ, какъ при нормальныхъ общественныхъ условіяхъ оно могло бы имѣть свою долю счастья, и по крайней мѣрѣ, безбѣдное существованіе. Вѣдь если бы самоѣдъ могъ продать свой годовой промыселъ, эти сотни шкуръ песка, дичи, воза дорогой рыбы, по цѣнамъ близкимъ къ настоящимъ, что стоятъ на рынкѣ, то годовой бюджетъ его выразился бы въ нѣсколько тысячъ рублей. Но теперь онъ сваливаетъ этотъ промыселъ скупщику пустозеру, за безцѣнокъ; эта двухъ—тысячная добыча, отвоєванная цѣною тяжкихъ усилій уходитъ за какую-нибудь сотню—двѣ рублей, которые даетъ самоѣду пустозерь мукой, ситцемъ, баранками, табакомъ, предварительно оглушивъ алкогелемъ до потери сознанія.

Сотни лѣтъ самоѣдъ не могъ выбиться изъ подъ страшной кабалы, а какимъ-бы онъ могъ пользоваться благосостояніемъ, еслибы имѣлъ возможность взять полностью плоды своего труда. Какъ бы скрасилъ его суровую жизнь, хотя бы какой нибудь, элементарный комфортъ.

Но имѣя двухъ—трехтысячный бюджетъ, т. е. бюджетъ столоначальника департамента, самоѣдъ не имѣетъ силъ и средствъ даже обрадовать своихъ ребятишекъ въ свѣтлый Праздникъ краснымъ яичкомъ!

За то сотня—двѣ скупщиковъ-пустозероѣвъ, крѣпко усѣвши въ дельтѣ Печоры, допиваютъ кровь вымирающаго племени.

Мы еще встрѣтили по пути не одну юрту и всюду та же обстановка. Чтобы вырвать изъ лапъ хищниковъ самоѣда, надо бы организовать склады продовольствія крупы, муки и проч., надо бы открыть кредитъ, надо бы обучить самоѣда хоть по складамъ читать, писать, ариметикѣ.

Сотня тысячъ рублей вложенная въ это дѣло, можетъ быть спасла бы отъ окончательной гибели самоѣда, возстановился бы многомиллионный промыселъ, нынѣ уже страшно упавшій, а съ исчезновеніемъ самоѣда угрожающій и совсѣмъ изсякнуть, что для нашей бѣдной Россіи будетъ серьезнымъ несчастьемъ.

Осуществите эти, давнымъ давно назрѣвшія мѣры и въ пустынной тундрѣ, снова разведутся стада оленей, закипитъ жизнь, а спасти цѣлое племя стоитъ не дорого, надо только захотѣть.

Носится полярная вьюга надъ обледенѣлой пустыней, вздымаются облака снѣга подгоняемая новыми порывами, кружась, набѣгая другъ на друга, они скоро съ воемъ сливаются въ одномъ ураганѣ, которому вторить вой стаи голодныхъ волковъ, сливаясь въ душу удручающія созвучія.

Темнѣя на склонѣ холма, издали виднѣется закоптѣлая юрта, около которой жмутся десятка полтора оленей, сохранившіеся отъ огромнаго стада, угнаннаго пиратами. У слабо мерцающаго костра расположилась самоѣдская семья, равнодушно поглядывая на догорающій уголь. У костра барахтаются ребятишки, покрытые струпами, коростой, изъѣденные экземой. У синкуя валяется оленья нога промерзшая обглоданная, потому что не заготовлено топлива, чтобы разогрѣть её. Тутъ же не вдалекѣ лежитъ трупикъ малютки, задохнувшійся въ грязной, вшивой зыбкѣ.

Такъ догораетъ подъ звуки полярныхъ мелодій жизнь самоѣда, состоящая изъ ряда сплошныхъ страданій.

Тяжело, тускло—нѣтъ ни тѣни просвѣта.







